

КОРОЛЬ ОТВЕРЖЕННЫХ

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Фэнтезийная проза
высочайшего уровня.

The Toronto Star



ДЖОСАЙЯ БЭНКРОФТ

БАВИЛОНСКИЕ КНИГИ. КНИГА 3

Звезды новой фэнтези

Джосайя Бэнкрофт

**Вавилонские книги. Книга
3. Король отверженных**

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Бэнкрофт Д.

Вавилонские книги. Книга 3. Король отверженных /
Д. Бэнкрофт — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Звезды новой
фэнтези)

ISBN 978-5-389-19258-4

В поисках пропавшей жены Томас Сенлин успел побыть актером, авантюристом, капитаном порта и пиратом, а теперь он шпион самого Сфинкса. Сенлин отправляется в удел Пелфия с заданием выяснить, кто же в этой обители гуляк и модников ведет деятельность, тщательно сокрытую от механических глаз и ушей хозяина Вавилонской башни. Но ход расследования нарушается из-за случайного убийства и неожиданного воссоединения. Жизнь и свобода Сенлина снова в опасности, его старые и новые друзья – в самой гуще стремительных и грозных событий, а над уделом, башней и всем миром сгущаются тучи. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-19258-4

© Бэнкрофт Д., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

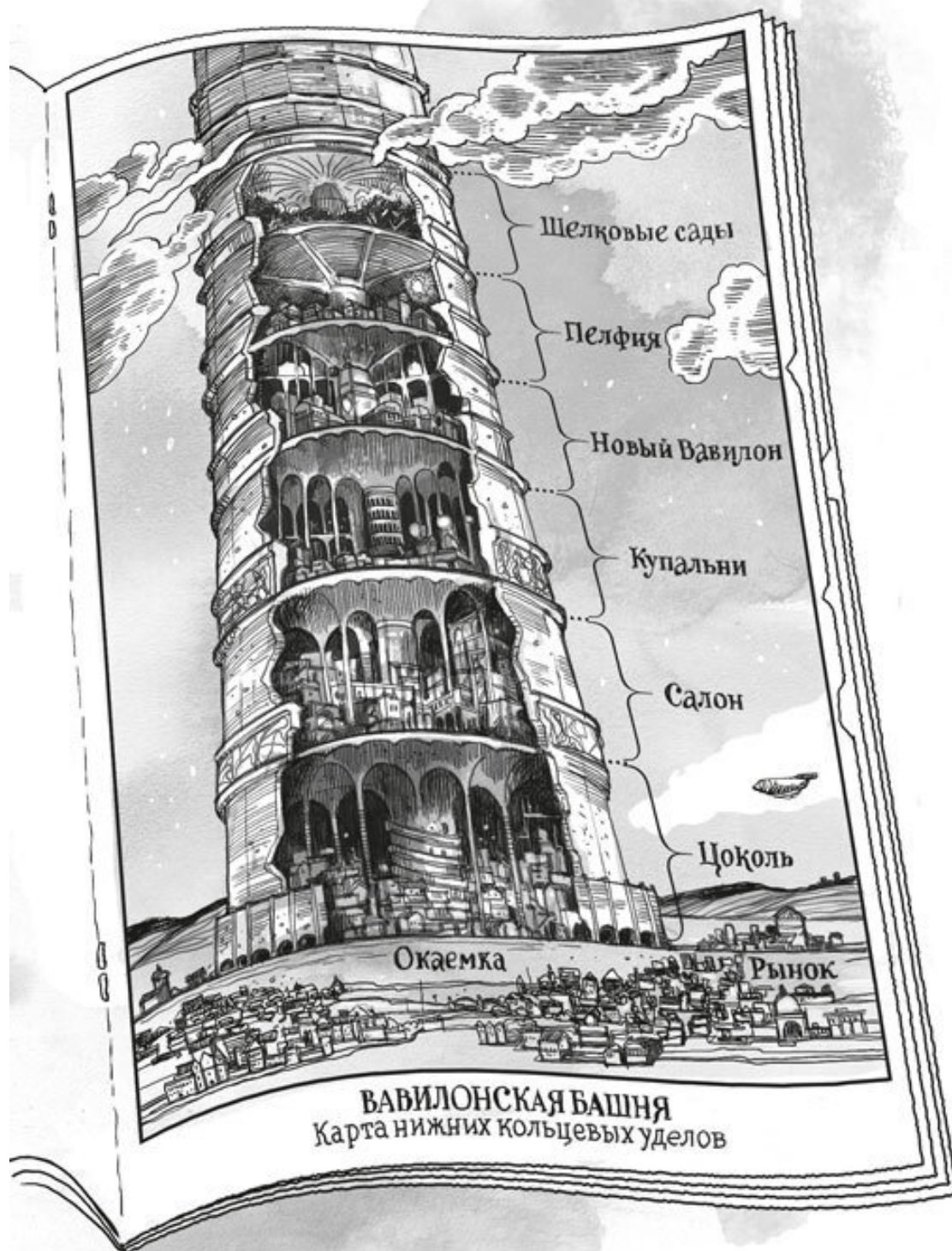
Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	39
Глава седьмая	43
Глава восьмая	48
Глава девятая	56
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	70
Глава двенадцатая	75
Глава тринадцатая	79
Глава четырнадцатая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Джосайя Бэнкрофт
Вавилонские книги
Книга 3. Король отверженных

Посвящается Барберу, который покинул нас, не рассказав так много историй

*Не изотрется истина, долг не исчезнет прочь,
А что забыл отец, то вспомнит сын иль дочь.
Джумет. Чашу ветра я изопью*



Часть первая Сирена

Глава первая

Некоторые люди, кажется, думают, что умеренность – это консервант, а сдержанность каким-то образом маринует душу. Они поместили бы свои бьющиеся сердца в банки из-под варенья, если бы могли. Но возникает вопрос: для чего же они себя берегут?

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Солнце, пощелкивая, поднималось по проложенным среди газовых звезд железным рельсам все выше над белым городом, Пелфией. Куполообразный потолок был безупречного небесно-голубого оттенка, за исключением тех мест, где краска облезла и показались пятна строительного раствора, похожие на рваные облака. Газовое пламя окольцевало улыбающийся лик механического светила, которое медленно шествовало над городом, оставляя за собой след из сажи. Вечером солнце опускалось в бальный зал, по виду напоминающий большое дождевое облако, – он назывался Чертог Горизонта. Помимо того что зал служил «стойлом» для солнца, он еще и сделался местом проведения частых и необузданных празднеств. Никто не удивлялся, если солнце вставало поздно, задерживаясь из-за того, что шестеренки забились конфетти, блевотиной и нижним бельем. Время от времени, когда ремонт светила особенно запаздывал, в Пелфии случалось затмение, которое могло продлиться два или три дня. В более изысканных кольцевых уделах столь затянувшаяся непредвиденная темнота легко бы спровоцировала бунт, а то и революцию. Но в Пелфии затянувшиеся периоды мрака проходили почти незамеченными, потому что никто не хотел походить на скучающего гостя, который портит веселье, зевая и спрашивая: «А вам не кажется, что час ужасно поздний? Может, пора спать?»

Король Пелфии вел себя скорее как придворный шут, а не наместник, за что его и любили – во многом так же, как чрезмерно снисходительного отца обожают непослушные отпрыски. Удел привлекал случайных туристов с далеких берегов и холмов Ура, но единственной надежной отраслью промышленности Пелфии оставалось производство тканей и сшитая из них дорогая модная одежда. Верхние уделы Башни не желали признавать, что они следуют подсказкам такого древнего и на удивление инфантильного королевства, но, несмотря на всю свою раздражающую театральность, пелфийцы знали толк в обращении с пуговицами, нитками и тафтой. Именно по этой причине пятый кольцевой удел иногда называли Гардеробной.

Но в то время как остальная часть Башни признавала только обычные четыре сезона моды, одержимые жители Пелфии каким-то образом умудрялись втиснуть пятнадцать или шестнадцать сезонов в один год. Модистки, сапожники, галантерейщики и портные постоянно соперничали, то потакая текущим увлечениям толпы, то разжигая новые. Знаменитейшие продавцы одежды и тканей вели друг с другом войну, используя витрины как оружие, пока какой-нибудь фасон выреза, подола или оттенок цвета не одерживал победу над остальными и новая модная причуда не подавляла предыдущую. И тогда население меняло краски так же быстро и равномерно, как лес осенью.

Но одержимость местных жителей внешним лоском не затрагивала улицы. Пелфийцы ужасно много мусорили. Частенько под всякими отбросами было трудно разглядеть белые булыжники мостовой. Театральные программы, носовые платки, танцевальные открытки, любовные записки, сломанные каблуки амбициозных туфель и тысячи свидетельств нежеланных чувств переполняли сточные каналы. Рано утром, когда половина города стонала от

похмелья и подступающих сожалений, сотни ходов выходили из лачуг с метлами, кистями и горшками известки, чтобы закрасить граффити и ламповую копоть. Армия закабаленных уборщиков расчищала кольцевой удел от порта до площади, где хребет Башни поднимался из центра Пелфии, как шест в цирковом шатре.

Его тень падала на три древнейших сооружения в уделе: Придворный Круг, извилистую и обширную изгородь из проволоки и шелка; мюзик-холл «Вивант» – собор, казавшийся хрупким, как побелевший коралловый риф; и Колизей. Когда-то Колизей был университетом, и его толстые колонны и резные фронтоны все еще хранили следы былого. Сцены с участием философов в лавровых венках и поэтов в мантиях по-прежнему украшали высокие притолоки, хотя нижние части тел этих женщин и мужчин кто-то сбил долотом. Оставшиеся безногие фигуры походили на купальщиков, которые забрели на глубину. Вход в колоннаду, когда-то широкий, как городская площадь, уменьшили благодаря железным прутьям и решетчатой двери, никогда не оставшейся без охраны.

Внутри Колизея ликующая толпа наблюдала за двумя полуголыми мужчинами, дерущимися как псы.

Сражающиеся ходы толкали друг друга посреди ринга из красной глины. Их железные ошейники звякнули, когда они сцепились и напрягли мышцы. На трибунах, где когда-то сидели студенты, поглощенные дневной лекцией, зрители теперь потрясали бумажками со сведениями о ставках и так орали, что лица их багровели.

Роскошный балкон витал над трибунами, точно гало. Его перила, которые минуту назад пустовали, заполнили аристократы, привлеченные гулом. Они смотрели на драку, потягивая зеленоватый ликер из хрустальных бокалов и куря черные сигариллы, воняющие мокрым постельным бельем. Сороки и голуби кружили под огромным куполом, вытесненные из гнезд нарастающим шумом.

Дрожа от напряжения, пожилой ход поднял молодого противника над головой и взвалил себе на плечи, как ярмо вола. Медленно повернулся вокруг своей оси, демонстрируя трибунам поверженного соперника, который меньше десяти минут назад вышел из туннеля, стуча себя в грудь. Толпа взвыла. Пожилой ход швырнул юношу на арену, где тот подпрыгнул от удара и распластался лицом вниз.

Все зрители – кроме одного – зааплодировали, яростно и громко. Ход-победитель горделиво шествовал по арене, вскинув руки, и его лицо выражало не больше эмоций, чем капюшон палача.

Из туннелей под трибунами появилась команда служителей. Одни принялись выравнивать глину, другие потащили стонущего юношу под землю. Победителя забрали последним – подцепили за железный ошейник парой шестов и увели под ливнем записок с проигравшими ставками.

На нижнем ярусе арены человек, отказавшийся аплодировать, оглядел перила балкона, изучая лица аристократов, одетых в мундиры и смокинги. Небожители не удостоили его ответной любезности.

Как человек, находящийся в розыске, Томас Сенлин находил это пренебрежение забавным. Но те же самые реалии, которые помешали отыскать Марию, теперь скрывали от глаз удела его самого. Башня затмевала навязчивые идеи и желания мужчин и женщин с безразличием такой силы, что оно казалось целенаправленным. Чтобы исчезнуть в этой бурлящей массе, не было нужды долго прятаться или сильно меняться. Томас Сенлин вновь затерялся в толпе. Его анонимность никоим образом не пострадала от того, что объявление о награде за поимку пирата Тома Мадда включало в себя набросок гораздо более свирепого на вид мужчины с подбородком-наковальней, щеками – пушечными ядрами и пылающим, как раскаленная печь, взглядом. Возможно, комиссар Паунд был чересчур раздосадован, чтобы описать

человека, который ограбил его и ускользнул, достоверно – как худого мужчину с добрыми глазами и носом, похожим на судовой руль.

Толпа хлынула с трибун в вестибюль, огромный сводчатый зал, в котором голоса и суматоха рождали не просто эхо, но громоподобный гул. У буфета, где разливалось и расплескивалось на пол мутное пиво, образовалась шумная очередь. Еще одна очередь выстроилась у будок букмекеров, где охранники в строгих черно-золотых мундирах следили за тем, чтобы в помещении не было слишком пьяных или слишком расстроенных людей. Обнаружив малейший намек на подобные излишества, охранники делали первое предупреждение прикладом винтовки и второе – штыком.

Оказавшись на мгновение в людском водовороте, Сенлин отдался праздному подслушиванию. Большая часть услышанного касалась последнего боя или следующего, но один разговор выделялся.

- Я слышал, комиссара Паунда отзывают, – сказал мужчина в жилете сливового цвета.
- Сегодня утром об этом не написали в «Грезе», – возразил его спутник.
- Держу пари, напишут завтра. «Комиссара Паунда обставил пират по имени Мадд!»
- Как же переменчива судьба!

Сенлин с трудом подавил желание поднять воротник.

Протиснувшись сквозь толпу, он перепрыгнул через растущую пивную лагуну и направился к выходу на балкон.

У подножия балконной лестницы стояла пара востроглазых охранников. Они были в одинаковых униформах, включающих золотые кушаки, сабли, пистолеты и, по-видимому, усы. Сенлин старался не смотреть на мечи у них на бедрах, когда улыбнулся и сказал:

– Привет!

Один охранник чуть скосил устремленный вперед взгляд – ровно настолько, чтобы оценить Сенлина. И, не увидев ничего заслуживающего дальнейшего разговора, отвернулся.

Сенлин сунул руку в карман сюртука, в ответ охранники на несколько дюймов вытянули клинки из ножен. С неторопливой осторожностью хирурга, осматривающего рану, Сенлин вытащил бумажник. Он достал жесткую белую карточку и банкноту в пять мин – сумму, которой когда-то было достаточно, чтобы прокормить его команду в течение шести месяцев.

– Может быть, вы передадите мою визитную карточку менеджеру клуба?

Ближайший охранник, чьи усы были закручены в две идеальные петли, взял деньги и карточку.

– С наилучшими пожеланиями, – прибавил Сенлин и подмигнул.

Охранник разорвал карточку и банкноту, повернул и снова разорвал. Бросил обрывки к ногам бывшего директора школы. Пока Сенлин смотрел на уничтоженное приношение, стражник схватил его за рукав сюртука и наполовину оторвал от плеча. А потом повторил процедуру с другим рукавом.

Не успел Сенлин сказать ни слова, как его грубо оттеснили в сторону несколько мужчин в костюмах черных и блестящих, словно горячая смола. Стражники отдали честь.

– Добрый день, сэръ Вильгельм.

Не обращая на них внимания, вельможа продолжал веселую беседу со своими спутниками, которые, казалось, не замечали человека в рваном сером сюртуке.

Сенлин не впервые видел красивого герцога, но ему еще не доводилось оказаться так близко к мужчине, который увел Марию. Сенлин вообразил, как выхватывает оружие у охранника. Представил себе, как сражает герцога метким выстрелом, и тот, вскрикнув от неожиданности, зажимает смертельную рану и падает к ногам мстителя безжизненной грудой. Несомненно, убийца бы погиб через мгновение после герцога, оставив Марию дважды овдовевшей и наполовину спасенной. И это при условии, что она хочет спастись. На подобный вопрос могла ответить только она, а у Сенлина не было возможности его задать.

За столь абсурдную ситуацию следовало благодарить Сфинкса.

Три дня назад Сфинкс, не теряя времени, познакомил Сенлина с его ролью законтрактованного шпиона.

Прошло лишь несколько часов после того, как хозяин Башни продемонстрировал удивительный «Авангард», капитаном которого стала Эдит. А затем они с Сенлином отправились вниз по розовому каньону обиталища Сфинкса, через одну из сотен неразличимых дверей, в диковинную и тесную гримерную.

На стенах висели таблицы размеров. В углу стоял портновский манекен, из хлопковой кожи которого торчали ржавеющие проволочные ребра. Большую часть комнаты занимал огромный гардероб. Он дрожал и грохотал, как кипящий котел. Медные переключатели и циферблаты заполнили одну дверцу. Байрон, оленеголовый лакей Сфинкса, следил за этими приборами, внося мелкие поправки и бормоча что-то себе под нос. Сфинкс маячил в углу в длинной черной мантии, сужающейся книзу. Он был похож на пиявку с зеркалом во рту.

Сенлин едва взглянул на Сфинкса или чудной гардероб, который казался наполовину шкафом, а наполовину движителем. Способность удивляться истощилась за время, проведенное в Бездонной библиотеке, где его насильно отучили от крошки с помощью кошмаров, ловушек и кота-библиотекаря. Он еще не успел полностью осмыслить таинственное хранилище, которое показал ему Сфинкс – так называемый Мост, построенный Зодчим, чтобы поместить туда нечто неведомое и запечатать по невысказанным причинам. И это не говоря уже о потере командного поста, об опрометчивом визите в комнату Эдит и о поцелуе – столь ненасытно-страстном, что его скорее можно было ожидать от молодых людей. От всего этого он чувствовал себя не в своей тарелке.

А потом Байрон велел ему раздеться до нижнего белья.

Он неохотно подчинился, и Байрон набросился на него – целясь в горло, плечи, талию и шею – с портновской лентой, которую вытащил из кармана. С каждым новым измерением олень отбегал к шкафу, чтобы повернуть тот или иной переключатель.

Сенлин настолько увлекся этим процессом, что не сразу воспринял заявление Сфинкса о том, что он не будет путешествовать со старыми товарищами по команде на борту «Авангарда», а вместо этого отправится в Пелфию заранее и в одиночестве.

От беспокойства голос Сенлина сделался выше.

– Но почему? Мы все едем в одно и то же место, не так ли? Какая у тебя может быть причина разделять нас?

– Да перестань ты ерзать! – рявкнул Байрон, затягивая ленту на груди Сенлина.

– Мне перестать дышать? Может быть, вы мастерите для меня гроб?

– Еще нет! – сказал Байрон.

– Прекратите, вы оба. – Голос Сфинкса жужжал и потрескивал, перекрывая гудение шкафа. – Сенлин, пожалуйста, убеди меня, что ты не абсолютный дурак. Скажи мне, почему было бы ошибкой для всех вас идти в Пелфию вместе, рука об руку?

Не обращая внимания на ошупывающего его Байрона, Сенлин сказал:

– Я полагаю, так нас будет легче узнать. Мы довольно... запоминающийся отряд.

– А! Приятно видеть, что от крошки у тебя не все мозги сварились.

Олень в отчаянии заблеял:

– Ты так крутишься, что можно подумать, будто у тебя уши на бедрах!

Сенлин был слишком рассеян, чтобы ответить на колкость Байрона.

– Значит, я пойду один?

– Не драматизируй, Том! Мы будем обмениваться сообщениями каждый день, – сказал Сфинкс.

Сенлин спросил, как это произойдет, и изобретатель описал механических мотыльков, предшественников заводных бабочек, уже виденных бывшим директором школы.

– Мотыльки более примитивны; они записывают звук, но не картинку. Но для целей переписки их более чем достаточно. Байрон перехватит твои послания на борту «Авангарда», передаст всю необходимую информацию экипажу, а затем перешлет их мне. Ты будешь один лишь в телесном смысле. В духовном же мы окажемся близки, как мотылек и пламя.

– Великолепно, – пробормотал Сенлин.

– Далее, я знаю, что у тебя возникнет искушение поискать жену, особенно как только ты ощутишь неизбежное одиночество. Но послушай меня: ты не будешь прилагать никаких усилий, чтобы связаться с женой, когда...

– Если! – Сенлин вцепился в ковер босыми пальцами ног. – Если она там.

Однажды ложная надежда уже отравила его, и он твердо решил не повторять ошибок.

– Байрон, у тебя есть газета, которую я тебе дал? – спросил Сфинкс.

Олень, фыркнув, перебросил рулетку через плечо и принялся рыться в кожаной сумке. Через мгновение он достал сложенную газету и передал ее Сенлину, прежде чем отойти к панели пытящего шкафа.

Сенлин слабым голосом прочел заголовок вслух:

– «Герцог Вильгельм Гораций Пелл женится на Сирене, Марии из Исо».

Он посмотрел на дату наверху. Газете было почти семь месяцев. Он хотел читать дальше, но руки не слушались, охваченные внезапной слабостью. Газета упала, как тяжелый театральный занавес.

Перед ним был факт, и все же разум не спешил принять его. Чувство напомнило Сенлину тошнотворное смятение, которое он пережил, когда мальчишкой узнал, что ночью умер дед. Он сразу поверил, что это правда, – о случившемся рассказала мать, а она никогда не лгала. Но в тот вечер, когда ему показали тело деда, вымытое, одетое и приготовленное к поминкам, все стало правдивым в ином смысле. Верить – не то же самое, что знать.

– Она вышла замуж за графа, – пробормотал он, и у него перехватило горло от этих слов.

– Вообще-то, он герцог, – уточнил Сфинкс.

Их прервал звук, похожий на крик пикирующей птицы, который перешел из бормотания в приглушенный вопль. Казалось, он доносился из шкафа, тот дребезжал все сильнее и сильнее, его петли стучали, как зубы.

Ни Сфинкс, ни Байрон не проявили особого беспокойства. Когда тряска резко прекратилась, Байрон потянул за щеколду и открыл дверцы шкафа.

Внутри на деревянной вешалке, словно на трапедии, висела Волета Борей. Розовощекая, с шарфами и чулками на шее, она бросилась в гардеробную. Несмотря на относительно небольшой рост, Волета заполняла собой каждую комнату, в которую входила. После того как она коротко остригла темные волосы, еще сильнее стали выделяться широкие губы и ярко-фиолетовые глаза.

– Просто ужасно! – радостно воскликнула девушка. – Все случилось так чертовски быстро! Я никогда в жизни не ездил с такой скоростью! Похоже на падение, только в два раза быстрее. Я должна попробовать еще раз.

– Я же сказал тебе, Волета, это не аттракцион. Это Шкаф-Приукрашиватель, – сказал Байрон. – И ты должна ждать своей очереди на снятие мерок, а не бесноваться в моей кладовой.

Волета, не обращая внимания на то, что Сенлин наполовину раздет, заговорила с ним в возбужденном порыве:

– Эта штука соединяется с хранилищем, полным платьев, костюмов и носков, все они свисают с потолка, как летучие мыши. Там почти нет света, но есть механические руки, которые тянутся и хватают вешалки, а затем проносятся сквозь стены! – Одновременно с расска-

зом она передала бедняге Байрону собранную по дороге «коллекцию» одежды. – Я обещаю, капитан, прокáтитесь разок – и это хмурое выражение исчезнет с вашего лица.

Волета сунула руку под блузку и вытащила из-под воротника со стороны спины черный бархатный диск. Перевернула, постучала по нему костяшками пальцев, и диск раскрылся. Волета надела получившийся цилиндр. Он сразу же упал ей на уши.

Все еще как в тумане, Сенлин протянул ей газету:

– Я ее нашел.

Волета взяла газету, сияя от волнения, но радость увяла, когда она прочитала заметку. Смутьившись, девушка стянула с головы шляпу.

– Герцог? Она вышла замуж за герцога? Я не понимаю. Она твоя жена. Она не могла... я думала, что она... мне так жаль, капитан.

– Больше не капитан, – сказал Сфинкс, словно пытаясь унижить Сенлина еще более основательно.

Сенлин повернулся к Сфинксу:

– Она хотела выйти за него замуж или ее вынудили?

– Боюсь, что подслушивающие устройства и газеты могут рассказать не так уж много. Я не знаю, сказала ли Мария «да» по собственной воле или герцог ее заставил. То, что было сказано шепотом, то, что сокрыто в душе, – к этому стоит прислушиваться внимательнее. – При этих словах Сфинкс съежился, и черные одежды растеклись по полу.

Он приблизил большое, как серебряное блюдо, лицо к лицу Сенлина.

– Тогда я должен спросить ее, – решительно заявил Томас, стоя в одном белье.

– Неужели у тебя такая короткая память? Я только что сказал, ты не должен разговаривать с женой. Ты не будешь писать ей писем. Ты не будешь шпионить за ней из кустов. Ты не приблизишься к ней, ее мужу или их дому.

То, что родилось как холодная, беспомощная печаль, теперь согревало Сенлина от сердца до кончиков пальцев.

– Как ты можешь быть таким бессердечным? Неужели в тебе нет ничего человеческого? Ты ведешь себя так, словно она – каприз, нечто мимолетное. Все не так! Она женщина, чью жизнь я разрушил! Погубил своей гордыней, негодностью, себялюбием. Я найду ее. Я предложу ей помощь, если она в ней нуждается, сердце, если она его хочет, и голову, даже если она пожелает увидеть ее насаженной на пику! А ты, с твоими заговорами и контрактами, с твоей трусливой маской и заводным сердцем, – ты меня не остановишь!

Волета и Байрон застыли в наступившей тишине. Они ждали, переживет ли Том свою вспышку гнева или Сфинкс испепелит его на месте.

Наконец Сфинкс вздохнул, и вздох был похож на звон монет, падающих в канализацию. Протянув руку, Сфинкс повернул зеркало. Оно упало быстрее, чем черный саван осел на пол. Сенлин ахнул. Он узрел лицо женщины, похожее на лоскутное одеяло из металла и плоти, смуглое и морщинистое, как скорлупа грецкого ореха. Пластины из драгоценных сплавов теснились вокруг окуляра, больше подходящего для микроскопа, чем для лица древней женщины. Возможно, самым странным было то, что она не стояла, а сидела, скрестив ноги, на парящем в воздухе блюде. Сенлин поднес руку к красному свечению, исходившему от дна парящей платформы. Воздух там был тепловатым и беспокойным, как будто насыщенным электричеством, но не обжигал.

Он в изумлении посмотрел на Волету. Поймав его взгляд, она выпалила не слишком убедительно:

– О боже! Это же летающая старая карга!

– Ну что ты, Волета, – сказала Сфинкс, отодвигая медный рог, искажавший ее голос. Без фильтра тот звучал скрипуче и пронзительно, но при этом на удивление заурядно. – Единственные живые люди, которые видели мое лицо, стоят в этой комнате. Видишь ли, Томас,

деловой контракт – это своего рода искусственное доверие, и только. Но мы, все четверо, уже вышли за его пределы.

– Но я не... почему я? – спросил он. – И почему Волета?

Сфинкс задумчиво потянула себя за пухлую мочку уха.

– Возможно, потому, что ты способен на раскаяние. Ничто в мире так не подталкивает к доверию, как сожаление. И я доверяю Волете, потому что она сильно напоминает меня саму...

– Мы практически близнецы, – пропищала Волета.

– ...включая ее дерзкий язычок.

– Но если ты так веришь в меня, – сказал Сенлин, чье смущение граничило с гневом, – если так хорошо меня понимаешь, почему запрещаешь говорить с Марией? Конечно, ты должна знать, что раскаяния недостаточно. Если можно что-то исправить, значит нужно это сделать.

– Мое доверие к тебе, Томас, не означает, что ты иногда не ведешь себя как дурак. – Прежде чем Сенлин успел возразить, разоблаченная хозяйка Башни продолжила, летая на «подносе» над ковром туда-сюда мимо него. – Давай все обдумаем, давай поразмыслим, как может пройти твоя попытка увидеться с женой. Допустим, ты пренебрежешь моими советами, моими приказами, твоим контрактом и нашей дружбой и отправишься на поиски Марии. Допустим, тебе действительно удастся встретиться с ней, что станет немалым подвигом, потому что она замужем за популярным и очень влиятельным герцогом. По-твоему, как она отреагирует, когда перед ней возникнет муж из прошлого? – Сфинкс перестала летать, словно давая Сенлину возможность ответить, но как только он перевел дыхание, она продолжила за него: – Может быть, она обрадуется! Может быть, скажет: «О, Том! Моя любовь вернулась! Я спасена! Забери меня домой!» – Сфинкс хлопнула в ладоши – ее руки по-прежнему были в перчатках, – издевательски изображая радость. – Но может быть, она рассердится. Может быть, она заявит: «Ты! Ты разрушил мою жизнь, жалкий червяк!» – И Сфинкс погрозила ему кулаком. – Что бы это ни было, каковы бы ни были ее чувства, одно несомненно: она удивится, увидев тебя. А что делают люди, когда действительно удивлены? – Сфинкс перевела взгляд на Волету. – Что, если она выпалит твое имя, ахнет, упадет в обморок или закричит? Если герцог услышит, не будет иметь значения, от радости это или от испуга. Неужели ты думаешь, что он обрадуется тебе, своему сопернику? Если повезет, он выместит свое неудовольствие на тебе. Но если он неразумный или ревнивый мужчина, если он жесток, не выместит ли он это самое неудовольствие и на ней?

Сенлин нахмурился, не зная, как спорить с логикой Сфинкса. По крайней мере, пока не зная.

– Что ты предлагаешь?

– Волета поговорит с Марией от твоего имени. – Сфинкс махнула рукой в сторону девушки. – Волета может носить платья. Она может реверансами проложить путь в высшее общество. Я полагаю, ее станут приглашать на вечеринки, куда ходят герцог и герцогиня. Она дождетсЯ подходящей минуты, а когда настанет время – украдкой задаст вопрос.

– Я не хочу, чтобы Волета занималась моими грязными... – начал Сенлин, но Волета перебила его:

– Я сделаю это.

– Подожди минутку. Ты не знаешь, на что подписываешься. Это опасно? – спросил Сенлин.

– Конечно опасно! – Сфинкс рассмеялась. – Большинство настоящих поступков таковы. Но она будет не одна. Я посылаю с ней амазонку.

Сенлин не сомневался, что Ирен защитит Волету ценой собственной жизни, но речь по-прежнему шла о единственном защитнике. Что предпримет амазонка, если герцог, флот или весь кольцевой удел обратятся против них?

– Я не могу допустить, чтобы они рисковали собственными шкурами из-за моих ошибок. Мы должны придумать что-то...

– Вы больше не капитан, – сказала Волета. Она произнесла это без злобы, но все равно слова больно задели. – Вы больше не можете приказывать, мистер Том. Итак. Я хочу поехать в Пелфию.

– Вечеринки там просто великолепны! – сказал Байрон, радостно тряхнув рогами. Он помог Сенлину надеть новую рубашку с белым воротничком. – Люди ужасны, но вечеринки прекрасны. Я прочитал сотни историй: вальсы, музыка, закуски, остроты...

– Мне это не нужно! – отрезала Волета. – Мне плевать на танцы, жратву и этикет-шметкет! Я иду, потому что этот человек спас мне жизнь. Он спас жизнь моему брату. Так что теперь моя очередь быть... хорошей, или кем мы теперь заделались. – Она повернулась к Сенлину. – Обещаю, я верну ее.

– Это невероятно храбро и самоотверженно и... спасибо. – Сенлин слишком хорошо знал девушку, чтобы думать, будто ее можно отговорить от выбранного пути. – Но, Волета, пожалуйста, ты должна быть честна с ней. Расскажи все. Расскажи о воровстве, пиратстве и кровопролитии. Расскажи о голоде, о пристрастии к крошке и... обо всем этом.

– Обо всем? – переспросила Волета, вновь делая шляпу плоской. – А что я должна сказать? «Привет! Вы меня не знаете, но ваш бывший муж прислал меня поведать вам, какой он теперь ужасный человек. Просто подонок! Но он хочет вас вернуть. О да, очень хочет! Стойте, мадам, куда это вы?» – Она раскрыла шляпу ударом кулака. – Непростое дельце, мистер Том.

Сенлин сунул руки в рукава сюртука, который протянул ему Байрон. Тот идеально подошел. Странно было снова надеть новый, сшитый на заказ костюм. Он посмотрел на свои покрытые шрамами и обветренные руки, торчащие из безупречно чистых манжет. Возникло ощущение, будто его сшили из двух разных человек.

– Мария должна знать, на что подписывается. – Он попытался засунуть руки в карманы, но обнаружил, что они зашиты. – Я не стану ее обманывать. Не буду притворяться, что я тот человек, за которого она вышла замуж. Я думаю, что не полностью погублен, или, по крайней мере, не безнадежен, и, возможно, мы еще можем вернуться домой, но если она счастлива в новой жизни, я не стану для нее помехой.

Не зная, что ответить на это искреннее заявление, Волета попыталась сделать реверанс. Она согнула ноги в коленях, резко опустила голову и вскочила, как пружина.

– Что это было? – в ужасе завопил Байрон. – Ты что, кобыла, которая выпрашивает яблоко?

– Позже у нас будет достаточно времени, чтобы попрактиковаться в реверансах, – вмешалась Сфинкс, прежде чем Волета успела возразить. – Теперь, когда ваши дела улажены, я хотела бы обсудить свои.

– Полагаю, это связано с Люком Маратом, – сказал Сенлин.

– Подозреваю, что так и есть. Кто-то уничтожает моих шпионов, моих бабочек. Точнее, кто-то внутри Колизея. Там местные жители развлекаются, наблюдая, как ходы истекают кровью.

– Похоже, они очень милые люди, – заметила Волета.

– Это именно та разновидность несправедливости, которая объединяет ходов на стороне Марата. Дело не в том, что Марат действительно против кровопролития, он просто предпочитает, чтобы кровь проливалась во благо его собственного замысла. Замешан он в этом или нет, ясно одно: кто-то не хочет, чтобы я знала, что происходит в Колизее.

– Но если это не Марат, если тебя ослепляют местные – что им скрывать?

– А! Теперь ты задаешь правильные вопросы. Я знала, что из тебя выйдет отличный шпион, Том. Есть еще одна вещь, которую вам следует знать. Колизеем управляет Клуб, членом

которого, как ты помнишь, является герцог Вильгельм. Так что твое расследование, вероятно, вынудит тебя с ним пересечься. Но ты сделаешь все возможное, чтобы избежать этой встречи.

– Для такого большого места Башня иногда кажется ужасно маленькой, – сказал Сенлин с кислой улыбкой.

– «Маленькой», – говорит он. Маленькой! – Палочка, которую Сфинкс сжимала, начала плеваться и искриться, как молодая ветка в огне. – Если угодно, я могу отправить тебя в удел Тейн, где сотня винтовок исчезла из запертой оружейной комнаты. Или в удел Яфет, где недавно обрушилась улица, очевидно, по причине туннеля, который рыли в неполюженном месте. Или в Баннер-Вик, где за последний месяц сгорели две библиотеки. Верфи в Морике неоднократно подвергались саботажу. Может быть, мне послать тебя туда? – Ее голос поднялся до крика. – Я решила отправить тебя в Пелфию, потому что у нас там общие интересы. Но мое милосердие и судьба – разные вещи. А верить в то, что Башня маленькая, может только маленький человек.

Искренне принимая выговор, Сенлин поднял руки в знак капитуляции.

– Прости. Это были легкомысленные слова.

Извинение успокоило старуху. Яркая искра исчезла с кончика ее палочки. Она вытащила что-то похожее на маленький шарик изнутри перчатки. Она протянула медный катышек Сенлину, который с ужасом увидел, как тот отрастил восемь ножек и описал круг по ее раскрытой ладони. Сфинкс поцокала языком, покачала головой и постучала по механическому арахниду пальцем. Паук снова свернулся клубочком.

– Проглоти это.

– Ты же не серьезно, – сказал Сенлин.

Сфинкс указала на Волету, чей рот уже приоткрылся.

– Юная леди, если скажете хоть слово, то сами съедите его. Послушай, Томас, это совершенно безвредно. Он поможет нам найти тебя, если потеряешься. Считай, что это страховочный трос, как у воздухоплавателей. – Сфинкс снова протянула ему свернувшегося клубочком паука. – Или, если предпочитаешь, я попрошу Фердинанда помочь с введением его внутрь?

Сенлин взял «пилюлю», положил на язык и проглотил с легкой дрожью.

– Вот и славно. Это ведь не так уж и плохо, правда? – Она взяла с подноса кожаный бумажник и протянула ему. Открыв, Сенлин обнаружил толстую пачку двадцатиминных банкнот. – Будешь представляться боскопским туристом, бухгалтером по имени Сирил Пинфилд.

– Сирил! – Волета рассмеялась.

– Нам придется поработать и над твоим смехом, – заметил Байрон.

– Подлинные? – спросил Сенлин.

– Конечно подлинные. Они понадобятся для ночлега, еды и взяток. Если обнаружишь, что у тебя кончаются деньги, дай знать Байрону. Мы всегда можем напечатать больше.

– Подлинные! – с усмешкой повторил Сенлин.

– Тебя ищет множество людей, но очень немногие могут узнать с первого взгляда. Не броди где попало. Держись Колизея и своей комнаты.

Сенлин кивнул и сунул бумажник во внутренний карман.

– А что будет делать капитан Уинтерс, пока я на задании?

– Доставит Волету и Ирен, а затем заберет копию «Внучки Зодчего», принадлежащую уделу. Я хочу вернуть картину до того, как Люк Марат доберется до нее. Если, конечно, он этого еще не сделал. А теперь, как только будешь готов, Байрон отведет тебя в конюшню, и ты отправишься в путь.

– Конюшня? Подожди, я должен уехать сегодня вечером?

– Как можно скорее.

Сенлин пригладил седеющие виски:

– Значит, надо попрощаться.

– Нет времени. Я тебе гарантирую, что Марат не позволяет чувствам замедлить его хоть на секунду. Кроме того, вы все скоро снова увидите друг друга.

– Но чем может навредить прощание с...

Сфинкс перебила его, продемонстрировав в улыбке зубы из драгоценных камней.

– Ты уже достаточно посмотрелся на Эдит Уинтерс – верно, Том?

Сенлин, внезапно почувствовав себя прозрачным, закрыл рот.

Глава вторая

Одиночки на вечеринках безвредны. Это симпатичные люди, которые стоят по углам с приятным выражением лица. Но есть среди них такие, кто подобен одуванчикам на газоне. Они стонут у каминных полок, хандрят на диванах и дуются из-за чаи для пуниа, ожидая, что их спросят: «С вами все в порядке? У вас такой грустный вид». «Одуванчики» могут задержаться на несколько часов, если им позволить. И пожалуйста, единственное, что способно их изгнать, – это счастье других людей.

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Персонал пелфийского отеля «Бон Ройял» счел гостя из номера триста пятьдесят шесть типом с причудами.

Приехав три дня назад, он сразу же запросил десятки газет – старых газет, – которые пришлось добывать из архива «Ежедневной грезы» за определенную плату. Впрочем, гость выплатил без малейших колебаний гонорар архивариусу и чаевые носильщику, вынужденному пробежать трусцой полмили до редакции.

Еще более странным показалось, что постоялец из номера триста пятьдесят шесть никуда не пошел, кроме как на полуденные бои в Колизее, – и даже туда отправился в мрачном настроении, словно горничная, собравшаяся чистить засорившийся слив. Гость вернулся в гостиницу, как только закончились первые сражения, кивнул консьержу и поднялся к себе. Он не пил аперитива в баре, не участвовал в вечернем пении, не играл в карты в гостиной с другими туристами. Он убежал в свою комнату и покинул ее только на следующее утро. Персонал не мог не удивляться тому, чем долговязый отшельник занимался весь день и всю ночь. Уборщицы, которые обычно весьма хорошо разгадывали тайны, сообщили, что, кроме стопок газет, в его комнате не было никаких загадок. В мусорном ведре не нашлось пустых бутылок из-под джина, под матрасом – похабных рукописей, на ковре – приколотых карт сокровищ или пятен крови. Но больше всего в постояльце из номера триста пятьдесят шесть их озадачило то, что у него, по-видимому, было только три сюртука, одинакового унылого оттенка серого.

Все дамы сошлись на том, что он некрасив. Черты его лица были слишком суровы, а конечности слишком длинны, чтобы гостя можно было назвать красивым. Но что-то в его манере держаться все-таки привлекало – возможно, только потому, что она была очень необычной для пелфийских мужчин. Он никогда не возился с волосами и не прихорашивался на людях, никогда не принимал позы в дверях или у подножия лестницы, блокируя движение только для того, чтобы привлечь внимание. Нет, долговязый постоялец был вежлив со всеми, ни к кому не проявлял интереса и давал чаевые, как человек, которого ведут на виселицу.

Персонал отеля не мог не сердиться из-за того, что постоялец не попробовал ни один пелфийский кулинарный изыск. Кольцевой удел славился пекарнями и кафе – швейцары и лифтеры неоднократно и без повода обращали внимание постояльца на этот факт. Не проявил он интереса и к богатой культуре Пелфии. Насколько можно было судить, гость не посетил ни одного торжества, концерта, спектакля или бурлеска. Он обедал у себя в номере, читал старые газеты и ходил на полуденные бои.

Консьерж, мистер Алоизиус Сталл, в конце концов был вынужден утихомирить своих подручных-сплетников, сказав: «Оставьте мистера Пинфилда в покое. Он боскоп», – что было одновременно неприятным и очень полным разъяснением.

Боскопы населяли семнадцатый удел, Боскопию. Среди пестрой флоры Башни боскопы казались скучным маленьким видом грибов. Идеальной вечеринкой для боскопа была та, на

которую никто не пришел и которая заканчивалась рано, когда хозяин ложился спать – ну кто бы мог подумать – с собственной женой.

Действительно, именно поэтому Сфинкс выбрала такую маскировку для Сенлина. Ни один пелфиец, увидев боскопа, не подумал бы, что перед ним пират, грабитель или шпион.

На третий вечер после приезда Сенлин открыл коробку из-под сигар, которую Сфинкс приготовила для него, и достал сигару. Он снял тонкую обертку из табачного листа и обнажил металлическую трубку, продырявленную, как солонка, с одного конца. Он покрутил корпус, пока тот не щелкнул, а затем заговорил в устройство низким, чистым голосом.

– Девятое июля, шесть тридцать пять вечера. Сегодня я в третий раз посетил Колизей.

Сенлин расхаживал по комнате, пока начитывал отчет. Сфинкс настояла, чтобы жилище было скромным ради маскировки – боскоп-бухгалтер не снял бы люкс. И все же этот «одноместный номер» не выглядел ни маленьким, ни скромным. Каждая комната в «Бон Ройяле» превосходила его апартаменты на борту «Каменного облака», хотя роскошь была потрачена впустую. Великолепная кровать с четырьмя столбиками заслуживала молодоженов, а не страдающего бессонницей шпиона, который дремал поверх одеяла, не раздеваясь.

– Я снова попытался попасть на балкон, но мне... решительно отказали. Для протокола: охранник, который порвал мою банкноту, не дал квитанции. У меня еще никогда не отказывались брать взятку. Не знаю, вдохновляет это или пугает. Одно можно сказать наверняка: охрана Клуба надежна, как хватка клеща.

Его взгляд задержался на раскрытой газете, лежавшей на бюро.

– Я думаю, что видел с трибун все, что оттуда можно увидеть.

Взяв газету, датированную третьим декабря, он скользнул взглядом по заголовку, который читал много раз за последние дни: «ГЕРЦОГИНЯ ПЕЛЛ ОТМЕНЯЕТ ЗИМНИЕ КОНЦЕРТЫ – ИСТОЧНИК НАМЕКАЕТ НА СКРЫТЫЙ НЕДУГ». Он прищурился, разглядывая сопутствующее изображение: гравюру женщины, сидящей за роялем, похожим на огромного черного кита. Ее голова была запрокинута. Руки – выпрямлены, как у сомнамбулы. Она словно бы слилась с музыкой в экстазе.

Сенлин уронил газету и откашлялся.

– Я начинаю подозревать, что сражения подстроены или, возможно, разыгрываются по сценарию. Что-то в манере драки этих мужчин меня не устраивает. Удары слишком регулярны, схватка слишком живописна.

Сенлин подумал о собственном опыте кратких, жестоких и хаотических схваток, которые можно было назвать как угодно, но только не «изящными и последовательными».

– Если сражения и впрямь нечестные, публика, похоже, не в курсе. Я никогда не видел, чтобы делали так много ставок. Но думаю, мы можем исключить идею о том, что Колизей используется для обучения ходов. Если, конечно, Марат не намерен сражаться, разыгрывая сценки. Думаю, все это предприятие существует для того, чтобы набить карманы людей наверху. Возможно, они не хотят, чтобы Сфинкс узнал, как кто-то богатеет за счет его рабочей силы.

Помолчав, он решил не упоминать о том, что видел герцога Вильгельма Горация Пелла.

– Завтра я попытаюсь дать бóльшую взятку охранникам клуба... Если не удастся, могу попробовать выпрыгнуть на арену. Разве что у вас есть идея получше. Конец доклада.

Сенлин повернул головку во второй раз, и цилиндр заизвивался в его ладони. Устройство развернуло пару тонких, раскрашенных крыльев. Шесть тонких медных ножек высунулись из грудной клетки, и закругленная голова заводного мотылька начала вращаться, осматривая обстановку.

Сенлин открыл сначала занавески, затем стеклянные двери на маленький балкон, и его встретил взрыв шума. Галерея на третьем этаже напротив его гостиничного номера была переполнена гостями. Многие на вечеринке были в масках и размахивали бокалами с шампанским

так неистово, что оно выплескивалось на улицу. Прохожие кричали на них: одни в насмешку, другие в знак солидарности.

Его заметила женщина в вечернем платье. Она сдвинула черную маску на лоб, чтобы получше разглядеть его или, возможно, желая показать себя. Незнакомка была красивой, но стареющей, и ее лицо покрывал слой косметики. Она послала ему воздушный поцелуй. Он не поймал.

– Я нашел в комнате мотылька, – сообщил Сенлин, и в доказательство слов записывающее устройство Сфинкса выпорхнуло из его рук в пропасть между зданиями.

Хлопая в ладоши от восторга, женщина смотрела, как мотылек, кружась, поднялся к небу, усыпанному газовыми звездами. Затем она резко наклонилась вперед, и ее вырвало через перила балкона.

Ночью и сверху было легче разглядеть любопытнейшую особенность города. Гладь булыжных мостовых Пелфии то и дело прерывалась кварцевыми дисками, каждый размером с дно бочки. Диски слабо светились, как свечи за экраном из вошеной бумаги. Около дюжины таких кругов испещряли каждый квартал, хотя и без отчетливой закономерности. Сенлин подумал, что это, возможно, крышки люков или окна в подземное пространство, но, заглянув днем сквозь желтоватое свечение, не смог ничего разглядеть в туманном свете.

Справившись с минутным любопытством, Сенлин закрыл стеклянные двери и вернулся к газетам.

В самом начале своих изысканий Сенлин прочитал несколько сообщений о все более неуклюжих попытках комиссара Паунда задержать человека, который украл картину из Купален, находившихся под протекторатом Пелфии. Газета описывала преступника как «туриста с темным прошлым по имени Томас Синленд, чье охотное превращение в ужасного пирата Мадда свидетельствует об исключительном и злом гении». Сенлин удивился, прочитав одну заметку, в которой он упоминался как «преступный вдохновитель», а в другой – как «драчун с дурной репутацией». Многочисленные передовицы описывали комиссара Паунда как человека, одержимого собственной неудачей, – Сенлин мог лишь с грустью ему посочувствовать.

Но не собственная скандальная репутация и не погоня Паунда за ним пробудили в Сенлине живой интерес к местным газетенкам. Дело было в том, что история Марии разворачивалась на страницах светской хроники. Чаще всего о ней рассказывал репортер «Ежедневной грезы» по имени Орен Робинсон. За несколько месяцев он написал около двух десятков статей о Марии. Робинсон также был ответственен за придумывание ее сценического имени – Сирена. О том, что она когда-то была замужем за преступником «Томасом Синлендом», никто не упоминал.

Робинсон был бесстыдным сплетником и болтливым резонером, но писал достаточно хорошо, и Сенлин считал, что его рассказ не лишен хотя бы крупинцы истины. По словам Робинсона, история Марии началась с того, что герцог Вильгельм Г. Пелл обнаружил ее в Купальнях и спас от нищеты и разорения.

Знакомство Марии с обществом Пелфии состоялось на званом вечере по случаю окончания лета у герцогини Достлер.

«Ежедневная греза»

ПОСЛЕДНЯЯ КАТАСТРОФА ГЕРЦОГИНИ «Д»

19 августа

...герцог Вильгельм Гораций Пелл присутствовал сегодня вечером, вернувшись с летнего отдыха в Купальнях. Он привел с собой спутницу, которая, казалось, никогда в жизни не смотрелась в зеркало. Сколько бы ни заверял герцог, что ему случилось изловить в Купальнях леди редких достоинств, ее платье оттенка гангрены на терминальной стадии выглядело

так, словно его скроили из мешка для лука. Если бы ее лицо не прельщало миловидностью, я бы подумал, что герцог втянул нас всех в какой-то безвкусный розыгрыш.

Как ни скромно был наряд провинциалки, во всех остальных смыслах она вела себя смело. Она представилась как «Мария, просто Мария», пока герцог еще не успел перевести дух. Потом она потрясла мою руку, как ручку водяной колонки.

Не думаю, что я когда-либо встречал женщину, в большей степени наделенную необоснованной самоуверенностью. В поисках безобидной темы для разговора я спросил, что она думает о приглашенном квартете. Она принялась оценивать каждого музыканта, одного за другим, до некоторой степени вдаваясь в детали. (Я не стану порочить бедных музыкантов, пересказывая ее любительские выводы, но и не могу найти в своем сердце смелости защищать игру на трубе г-на А. Молинье, который прикладывает к бутылке чаще, чем щеголь касается полей шляпы.) Когда компаньонка герцога в заключение заметила, что священный гимн нашего удела звучит немного похоже на «пса, вспугнувшего стаю гусей», герцог чуть не подавился инжиром.

Не представляю себе, что мы снова увидим мадам «Марию, просто Марию».

Сенлин улыбнулся, вообразив, как Мария сбивает спесь с надутого репортера. В конце концов, она достаточно отточила этот самый навык на одном напыщенном директоре школы.

Пока она шокировала газетчиков, он пытался скрыться в Купальнях, не выделяться из толпы и выглядеть безобидным. Он искал спасения через анонимность. Она – через отличие. Он не мог не задаться вопросом, не было ли ее решение более мудрым.

И ей не потребовалось много времени, чтобы привлечь внимание прессы.

«Ежедневная греза»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ПОРКА ГЕРЦОГИНИ РОКФОРД

22 августа

...теперь с неожиданным благоговением я должен доложить о появлении неприукрашенного эскорта герцога Вильгельма Пелла, Марии (уже не «просто»). Она не только вернулась, но и отличилась превосходным образом. Осмелюсь сказать, она мне нравится. Осмелюсь предположить, что вам она тоже понравится.

Как и предполагалось ранее (улитки пахли грязными носками, говорю вам), вечеринка герцогини Рокфорд началась не очень хорошо, и к девяти часам гости уже толпились у выходов. Даже самые заискивающие друзья выдумывали предлоги – прозрачные, как выпущенные кем-то ветры, – чтобы уйти. Без сомнения, они надеялись успеть на поздний бой или ранний бурлеск, но не хотели ранить чувства почтенной старой дамы – точнее, останки чувств, что плавали в ее сердце, похожем на чашу для пунша. Даже нефабричный джин Рокфордов не мог предотвратить этот исход.

Посреди всеобщего бегства к дверям Мария без приглашения села за рояль герцогини и начала играть.

Я бы не назвал это «игрой», потому что слово вызывает в воображении несерьезность, легкомыслие, которого не было в ее исполнении. Она втянула пианино в любовную ссору, спор, который намеревалась выиграть. А потом,

после того как Мария всех нас привязала к струнам своего инструмента, она разомкнула уста и запела.

Увы всем вам, кто не присутствовал, ибо теперь вы должны полагаться на тихие ноты моих справедливых слов, чтобы приобщиться к сверхъестественному феномену, который прозвучал в тех комнатах. Если ее игра была ссорой, то голос – совершенным примирением. Она пела, как сирена.

Ее голос выманил дезертиров из гардеробной. Заставил мужчин отказаться от своих извинений, а женщин – от прощальных поцелуев. Они слетелись к этой сирене, как обреченные моряки, и корабль нашего вечера понесся навстречу ее песне.

Хотя Сенлин не удивился, обнаружив, что люди так обожают ее игру, было странно видеть, как другой мужчина столь поэтично восхищается ею. Вскоре после выступления на вечеринке у герцогини Рокфорд Марию пригласили на празднование дня рождения маркиза Жана Кламона. Комментируя этот официальный дебют, Орен Робинсон писал: «Попомните мои слова, если Сирена завтра сыграет в „Виванте“, придется построить пятый балкон, чтобы разместить ее поклонников». Сенлин понял, что это немалый комплимент: «Вивант» был лучшим зрелищем в городе зрелищ.

Правильные люди обратили внимание на талант Марии, и в считанные дни она превратилась из безвкусного ничтожества в законодательницу мод. По словам Робинсона, она в одиночку популяризировала талию в стиле ампир. «Она выглядит, – заметил Робинсон, описывая третье выступление, – как рыжеволосый призрак в белой ночной рубашке. Вместо того чтобы попытаться обуздать шевелюру и воздвигнуть одно из замысловатых архитектурных сооружений, ныне популярных у пожилых и уродливых, она позволяет локонам висеть, путаться и метаться, как им заблагорассудится, что лишь усиливает драматичность ее лихорадочного поведения». На самом деле, слава Марии была настолько велика, что про нее поставили пьесу под названием «Сказка о Сирене», которая якобы была подлинной и подтвержденной историей ее жизни.

Затем, в декабре, тон заголовков снова изменился. Словами, которые набирали жирным шрифтом, были уже не «восторг», «гениальность» и «чудо», но «смятение», «загадка» и «катастрофа». В одночасье Сирена исчезла из поля зрения публики.

Она стала предметом бесконечных сплетен, которые варьировались от безобидных до безумных. Некоторые предполагали, что она сорвала голос и, онемев, превратилась в буйно-помешанную. Другие утверждали, что она стала жертвой отравления, вероятно совершенного ревнивым соперником, чью славу Мария затмила. Ни одна выдумка не подтвердилась, в особенности герцогом Вильгельмом. Он запер Марию в своем доме, задернул все занавески, убрал большую часть прислуги и выставил охрану у всех окон и дверей. Затем, без дальнейших объяснений, он отправился на охоту на крупную дичь в южные равнины Ура, где пробыл почти четыре месяца.

Только вернувшись, герцог признался прессе, что в декабре Марию поразила ужасная и заразная болезнь, от которой она умирала. Королевский врач, доктор Эдмонд Роулинс, которому поручили ухаживать за ней в отсутствие герцога, подтвердил сей факт и добавил, что недуг настиг ее еще в прежней жизни. Герцог, как потом выяснилось, охотился не за дичью, а за лекарством, и нашел его на вершине горы на краю мира, где на самом пороге ночи жил древний отшельник.

Отшельник был так тронут рассказом герцога, что дал ему кошелек с пылью, собранной в кратере упавшей звезды. Отшельник обещал, что пыль вылечит все, кроме смерти. И каким-то чудом, как объявил королевский врач, именно это и произошло. Мария скоро поправилась

и в конце весны вернулась к общественной жизни. Согласно отчетам «Ежедневной грезы», она ничуть не изменилась.

Сенлин считал историю о поисках герцогом лекарства неправдоподобной. Впрочем, предположил он, вполне вероятно, что Мария действительно заболела, а герцог где-то нашел лекарство и только преувеличил подробности. Такое возможно.

Но еще возможно, если окинуть случившееся более циничным взглядом, что Мария отказалась играть. Может статься, она пыталась сбежать или чем-то рассердила герцога. Судя по тому, что было известно Сенлину, он вполне мог запереть ее в доме в наказание, а потом отправиться стрелять слонов.

Сенлин ничего так не хотел, как прочитать историю Марии, изложенную ее собственными словами, или, по крайней мере, получить прямую цитату из ее заявления о том, что она в безопасности, счастлива и свободна.

Единственное длинное интервью, которое он отыскал среди кип газет, касалось той самой ночи, когда она устроила аншлаги в «Виванте», за несколько месяцев до уединения.

Именно в эту ночь, как позже утверждал Орен Робинсон, Сирена закрепила свою славу.

«Ежедневная греза»

ИНТЕРВЬЮ С СИРЕНОЙ

29 сентября

Ниже приводится эксклюзивное интервью с мадам Марией (ММ), проведенное после ее дебютного выступления в «Виванте». Оно состоялось в ее гримерной и в компании герцога Вильгельма Г. Пелла (ВГП). Все цитаты настолько точны, насколько это в моих силах.

ОР: Поздравляю с выступлением, мадам Сирена. Это было одно из самых волнующих открытий, которые я видел в «Виванте» за многие годы.

ММ: Спасибо. Я наслаждалась от души.

ОР: Скажите мне, каково это – играть перед пятью тысячами самых уважаемых и культурных людей Пелфии?

ММ: Ну, конечно, я не думала об этом, пока выступала. Музыка подобна романтической повести; ничто так не портит настроение, как чрезмерная осознанность.

ВГП: О, дорогая.

ММ: Я хочу сказать, что старалась играть так же естественно, как играла бы для друзей, дома.

ОР: Напомните нам, что это за место?

ММ: Приморский город под названием Исо.

ОР: Тогда мое прозвище для вас еще более уместно, чем я думал! И вы были подающей надежды звездой этого скромного рыбацкого городка, я полагаю?

ММ: Я бы не назвала себя звездой.

ВГП: Вы слишком скромничаете, моя дорогая.

ММ: Я полагаю, что была настолько знаменита, насколько это возможно среди друзей.

ОР: Осмелюсь предположить, что здесь мы можем более полно оценить ваши таланты. Не могли бы вы рассказать немного о вашей музыкальной философии?

ММ: Ну, я заметила здесь тенденцию, которая толкает композиторов и музыкантов, в частности, к своего рода святой скуке. Кто сказал, что музыка должна быть такой серьезной вещью? Я нахожу музыкантов, которые

просто перебирают ноты, как музыкальная шкатулка, ужасно скучными. Песни эмоциональны. Пусть лучше игра будет полна искренних ошибок, чем безжизненного совершенства.

ОР: Значит, вы придерживаетесь сентиментализма?

ММ: Я играю с чувством, если вы спрашиваете об этом. Я не валяюсь на скамье перед инструментом, как выброшенная на берег рыба.

ВГП: Спокойно, дорогая.

ОР: Не хотите ли немного поговорить о том, как вы познакомились с герцогом?

ММ: Это было на вечеринке в Купальнях.

ОР: Да? Не могли бы вы уточнить? Побалуйте нас, может быть, маленьким анекдотом?

ВГП: Право слово, Орен, это дерзкий вопрос, но так как он соответствует духу вечера, отвечу дерзким заявлением. Я попросил Сирену выйти за меня замуж, и она согласилась.

ММ: Марию.

ОР: Ну это же знаменательный день! Вы договорились о дате? Какова будет тема? Вы выбрали свой цветок? Цвет? Вы...

ВГП: Нет, нет, все это будет в официальном объявлении на следующей неделе. Я просто не мог ждать. Эта новость всю ночь не давала мне покоя.

ОР: Я не могу себе представить, как трудно было скрывать такое! Мадам Мария, откройтесь – каким было ваше «да»?

ММ: Полагаю, обычным.

ВГП: Мы действительно должны закончить на этом, Орен. Мне было очень приятно поговорить с тобой. Приходи как-нибудь в клуб. Я буду обращаться с тобой по-королевски.

ОР: О, благодарю, ваша светлость. Я полагаюсь на ваше слово. И спасибо вам, мадам Сирена, за ваше время и замечательное выступление. Вы смешали все чувства в моей душе.

ММ: Рада быть вашей скромной ложкой-мешалкой.

Нет нужды говорить, мои верные читатели, что это новость недели, принесенная вам Ореном Робинсоном, который нашел Сирену, дал ей имя и заставил полюбить ее.

Хотя Сенлин уже читал это раньше, сердце его сжалось и забилося в ритме барабанной дроби. Он снова просмотрел последующие статьи, в которых описывались тщательно продуманные свадебные планы, включая специально заказанный оркестр с чудовищным названием «От присоединенья к объединенью». Он прочел все о зрелищной церемонии бракосочетания, включая парад, который охватил весь удел, и выпуск сотни парящих светильников, которые загорелись, столкнувшись со звездами удела, и их пылающие обломки посыпались на город, вызвав всеобщий переполох. Медовый месяц был не менее роскошным. Герцог зафрахтовал круизное судно под названием «Астра Титаника» – единолично, чтобы насладиться уединением с новобрачной, чему репортеры откровенно завидовали. Корабль летал вокруг Башни десять дней, и Робинсон, описывая это путешествие, дерзко отметил, что «герцог сотню раз прошел мимо всевозможных гаваней, не в силах выбраться из одной».

Сквозь балконное стекло Сенлин слышал смех города.

Глава третья

Башня – это пестик, трудящийся над содержимым земляной ступы. Он превращает в пыль кости, состояния, королей, любовь, молодость и красоту. Такова его единственная цель – раздавить.

Так что нет, я не откажусь от своего однозвездочного обзора песочного печенья кафе «Сотто». Мне жаль, что пекарь впал в отчаяние и готов покончить с собой, но, по крайней мере, теперь он знает, что я чувствовал после того, как съел его жалкие галеты.

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Чтение о новой жизни Марии вызывало неприятные воспоминания об Эдит. Тот факт, что эти две эмоциональные нити переплелись в его сердце, стал источником сильнейших угрызений совести. Он все еще не мог сказать, надежда или безнадежность привели его в комнату Эдит той ночью. Мария стала таким нечетким призраком – причиной, идеалом, который легко обожать, но трудно любить. Эдит была, по крайней мере, настоящим и преданным другом.

Лежа на парчовом одеяле и глядя на три серых сюртука, висевших на стене – надорванные рукава одного жалко болтались, – Сенлин вспоминал свой последний час в доме Сфинкса. Он потратил его на завязывание узлов.

После примерки они с Байроном отнесли его новый багаж в помещение, которое олень называл «конюшней», несмотря на отсутствие лошадей. Однако на полу лежали кучи соломы, а на грубых деревянных стенах висели кожаные поводья. Сенлин тащил чемодан мимо одного стойла за другим, и все они были пусты. Он уже не в первый раз задался вопросом, не сошел ли Зодчий с ума. К чему, скажите на милость, лошади на вершине Башни?

Но когда они добрались до конца длинного прохода, дыша тяжело и с присвистом от витающих в воздухе частиц потревоженной соломы, он увидел, что конюшня предназначалась для других существ. Внутри стойла обнаружилась машина – большая, как фургон, и шестиногая. Ноги загибались на конце, как когти ленивца. Фары машины, установленные предположительно спереди, слабо светились.

– Наш благородный скакун! – сказал Байрон с энтузиазмом, которого Сенлин не разделял. – Зачем летать, если можно ползать?

– Ты же не всерьез, – с содроганием произнес Сенлин, осознав, что это и есть их транспорт. – Ты убьешь нас обоих.

– Уверяю, это совершенно безопасно. – Байрон сунул руку в нишу для ног водителя и включил двигатель.

Ходячая машина загудела, сначала резко. От сочленений шел легкий пар.

– Это, – сказал Байрон чересчур торжественным тоном, – последний стеноход.

– А что случилось с остальными? – спросил Сенлин, оглядываясь на пустые стойла. – Только не говори мне, что они упали.

– Не все, – сказал Байрон, похлопывая по предохранительной решетке двигателя. – Некоторые взорвались.

– Замечательно, – с шутовским весельем сказал Сенлин.

– Ты уже пытался долететь до Пелфии. Возможно, пришло время попробовать другой подход.

Перед выходом Байрон поручил Сенлину привязать багаж к стеноходу. Олень предложил сделать все возможное, чтобы не нарушить баланс машины.

– Поездка может стать немного тряской, если стеноход слишком тяжел спереди. Или сзади. Или вообще тяжел. Сделай все возможное. Скрестим пальцы!

Сенлин, уйдя в работу по привязыванию багажа, обдумывал свои шансы дожить до следующего дня, когда кто-то легонько тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Эдит, одиноко стоящую в проходе. Подруга безрадостно улыбалась. Она расчесала темные волосы, но не убрала их в хвост, а просто заправила за уши. Фон вокруг напоминал деревенский сарай, и Сенлин подумал о прежней жизни своей подруги. Она не так уж далеко ушла от поездов верхом по сельской местности. Впрочем, как и он – от досок и книг. Странно было думать, что они никогда бы не встретились, если бы Башня не свела их вместе.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Сенлин, туго затягивая узел.

– Пришла попрощаться.

– Я рад, что ты это сделала. Я бы пришел, но Сфинкс... запретил.

– Он действительно любит запрещать, не так ли? Он тоже не хотел, чтобы я тебя видела.

Байрон пришел, нашел меня и сказал, где ты.

– Удивительно.

Эдит тихо рассмеялась:

– Я думаю, что теперь мы друзья.

– Еще удивительнее. Ну, друзья никогда не бывают лишними. – Сенлин потер ладони, покрытые ссадинами от веревки.

Он пытался решить, пожать ли ей руку, или обнять, или отойти в сторону и отдать честь.

Он не знал, что сказать, поэтому спросил:

– Как ты?

Она снова рассмеялась, возможно от неловкости:

– Я в порядке. Да. Все хорошо. Произошло слишком много всего, чтобы это осознать сразу. Большой новый корабль, новая рука, новая команда. И ты уходишь...

– Да, – сказал он, опустив взгляд. – Ужасно много всего. И есть еще кое-что. Похоже, моя жена снова вышла замуж.

– Правда?

– Да, за графа, который на самом деле герцог.

– Она хотела выйти за него замуж?

Рот Сенлина дважды открылся и закрылся, прежде чем он смог выдать из себя ответ.

– Не знаю. Сфинкс запретил мне искать ее. Но я... – начал он, не зная, как закончить.

Они стояли в тяжелом молчании дольше, чем хотелось бы обоим.

Наконец он откашлялся и сказал, собрав остатки самоуважения:

– Я больше не знаю, чего желать, Эдит. Я не знаю, чего хочу, чего должен хотеть и имею ли право хотеть чего-то еще. Я виню себя во всем случившемся и ожидаю, что она поступит так же. Но ясно одно: прежде чем я смогу желать или хотеть снова, я должен быть уверен, что она счастлива. Я должен знать, чего она хочет от меня, если вообще чего-то хочет.

– Я понимаю. И думаю... мы все думаем, что это правильно.

– Я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня, или ждала, или волновалась. Если я не вернусь, не теряй ни минуты на поиски. Мы оба знаем, куда ведет эта дорога.

– А мы знаем? Я понятия не имею, что будет дальше. Каждый раз, когда я была уверена в том, каким будет утро, я ошибалась. Здесь нет сезонов; нет альманаха, который бы подсказывал, что сажать, когда сеять, когда ждать дождя, когда готовиться к засухе. Иногда я просыпаюсь и вижу, что у меня другая рука. Иногда я просыпаюсь и чувствую себя другим человеком.

Она взяла его руки в свои, одну мягкую и теплую, другую твердую и холодную.

– Все, что я знаю, – в конечном итоге ни мечты, ни сожаления ничего не значат. Мы не то, чего хотим или на что надеемся. Мы – только то, что мы делаем.

Поскольку он улыбнулся этой мысли и поскольку каждое прощание в Башне могло длиться вечно, она наклонилась и поцеловала его напоследок.

Они поползли вниз по Башне. Байрон вел стеноход по коварной поверхности из камня и крошащегося раствора с помощью серебряного ручного зеркала, смотревшего за плечо. Они могли бы спуститься носом вперед, но только добавив множество ремней, и Байрон заверил Сенлина, что это было бы неудобно и тревожно. Куда приятнее отступить от небес, чем идти к могиле.

Их путешествие, начавшееся на закате, было по необходимости извилистым. Пришлось огибать выступающие статуи, фризы, вентиляционные отверстия, небесные порты, пиратские логова, солярии и обсерватории. Если бы кто-нибудь заметил, что древней машиной Сфинкса, оснащенной хваталками, управляет лакей с оленьей головой, это, несомненно, вызвало бы дальнейшие разыскания. Байрон не включал фонари машины так долго, как только мог, но, когда облака закрыли луну, у него не осталось другого выбора, кроме как осветить путь.

Они оказались неразговорчивыми попутчиками. Впечатления Сенлина о Байроне были смутными и противоречивыми. С одной стороны, олень был наделен грубым остроумием, отличался нетерпеливостью и бывал высокомерным до такой степени, что его поведение напоминало фарс. И все же, с другой стороны, Байрон нарушил приказ Сфинкса только для того, чтобы они с Эдит могли попроситься наедине. Но о чем можно болтать с тем, кто ругал тебя за то, что ты ел кошачий корм, напечатал твой проклятый контракт и измерил шаговый шов твоих брюк?

Но, к счастью, и у них нашлась тема для разговора: новый персонаж Сенлина, боскоп Сирил Пинфилд. Под грохот механизмов и скрежет хваталок Байрон рассказывал Сенлину о народности, представителя которой ему предстояло изображать. Уроженцы Боскопии были бухгалтерами Башни. Они вели учет как для отдельных торговцев, так и для целых уделов. Боскопы считались честными, если не скучными людьми. Известные своей нелюбовью к комфорту и роскоши, боскопы ненавидели шик, моду, смех, округленные цифры, горячие напитки, холодные напитки, коктейли и шляпы по причинам, которые были не совсем ясны даже Байрону.

Сенлин не мог представить себе более унылую персону. Он вслух задумался, не в наказание ли Сфинкс предпочел эту маскировку, но Байрон объяснил выбор так: «Большинство пелфийцев предпочитают беседовать с несчастным простофилей, а не с боскопом. И в этом вся суть. Тебе нужно оставаться незамеченным. Так безопаснее».

Остаток пути, занявший почти всю ночь, Байрон посвятил подробному описанию боскопской диеты – до боли пресной, их причуд – как правило, антиобщественных, а также капризов, которых было очень мало и которые сводились к коллекционированию пуговиц, разведению мучных червей и поэзии.

– Если тебя одолеют сомнения, – заключил Байрон, – просто выпали самое неприятное, ненужное и несообразное высказывание, какое только можно придумать. Вот почему бы нам не попробовать. – Он откашлялся и сказал более официальным тоном: – Не желаете ли бутерброд с ветчиной, сэр?

– Я не люблю ветчину, – сказал Сенлин.

Байрон покачал рогами:

– Да ладно тебе! Это какое-то доморощенное ворчание. Ты способен на большее. Ты пытаешься прогнать меня, а не затевать спор о достоинствах ветчины. Пелфийцы – противоречивая раса; если дать им повод для разногласий, они слетятся к тебе, как мошकारа. А теперь еще раз. – Байрон протянул к нему ручное зеркало так, словно это был поднос. – Не желаете ли бутерброд с ветчиной, сэр?

Сенлин вспомнил неприятного проктора из колледжа, человека по фамилии Блестер. Тот, казалось, всегда держал в руке носовой платок и имел отвратительную привычку делиться подробностями своего здоровья, без всяких на то оснований. Вдохновленный воспоминанием, Сенлин сказал гнусавым фальцетом:

– Спасибо, мне не надо ветчины. У меня ужасающий приступ подагры.

Подняв зеркало под прежним углом, Байрон слегка подрегулировал румпель, чтобы обогнуть провал в каменной кладке.

– Нормально. Так-то лучше. Но давай попробуем копнуть глубже. Вызови во мне отвращение.

Их железная колесница грохотала и раскачивалась. Желтоватые лампы создавали маленькие озерца света на голом камне. Темнота казалась необъятной, а их транспортное средство – совсем маленьким.

– Я читал, что люди на вкус как ветчина, – сказал Сенлин.

– Отлично! – Смех Байрона напомнил Сенлину лошадиное ржание. – Видишь? Теперь я вообще не хочу с тобой разговаривать.

Движитель стенохода запыхтел, и показалось, что он вот-вот заглохнет. Байрон, внезапно став очень серьезным, налег на дроссель и повозился с клапаном на приборной доске. Сенлин ухватился за поручень, чтобы отогнать волну головокружения, вызванного дрожью машины. Через мгновение дрожь утихла, и мотор снова заработал ровно. Испуг напомнил Сенлину его первое знакомство с движителем Сфинкса. Случилось оно, когда он сидел с Эдит взаперти в проволочной клетке возле Салона. Он описал Байрону эту встречу, и тот грустно улыбнулся:

– Это была кирпичная нимфа. Раньше они были надежным подспорьем. Ползали повсюду, выискивая трещины и следы более глубоких разломов, латая, штукатуря и крася. О многоцветье! Когда-то Башня была яркой, как майское дерево. Но это было много лет назад. А сейчас кирпичные нимфы довольно редки. – Любопытство Сенлина возросло, и он спросил, что случилось с ремонтными машинами. – Один умный вандал обнаружил, что может превратить красную среду – вещество, которое запускает движители Сфинкса, – в мощный наркотик.

– Ты говоришь о крошке?

– Да, конечно. Белый кром – это среда Сфинкса, обработанная и разбавленная, – сказал Байрон. – Как только люди поняли, что каждая кирпичная нимфа содержит столько сырой крошки, что хватит на небольшое состояние, машины начали исчезать стадами. Где-то здесь должно быть настоящее механическое кладбище.

Сенлину показалось странным, что он подсел на то же вещество, благодаря которому работала рука Эдит.

– Полагаю, это многое объясняет в поведении Красной Руки. Он постоянно одурманен.

Байрон фыркнул:

– Эффект среды до ее переработки немного другой, но ты не ошибаешься.

Стеноход двигался мимо огромной козлиной головы из песчаника, торчащей из стены башни, как охотничий трофей. Они оказались достаточно близко, чтобы пройти под большими изогнутыми рогами. Скрип ног машины, похоже, испугал колонию летучих мышей, которые шумным потоком вылетели из открытой пасти козла.

– Но почему бы не принять сыворотку сразу? Зачем ее перерабатывать? – спросил Сенлин.

– Некоторые смельчаки поступали именно так: вводили вещество прямо в вены. Те, кто не погиб от шока или не сошел с ума от галлюцинаций, вскоре обнаружили, что ломка фатальная. И прежде чем ты спросишь: Эдит в полной безопасности; среда питает ее руку, но никогда не попадает в кровоток.

Уже почти рассвело, когда стеноход остановился у необитаемого пирса. Балки, уходящие концами внутрь Башни, за годы много раз чистили и ремонтировали. Настил был выбелен солнцем и полон щелей, хотя дерево еще не совсем прогнило. Покосившийся сарай без дверей и ржавый кран – вот и все, что осталось от прежней заставы. Байрон сказал, что когда-то на станции работали машинисты из Пелфии, которые помогали ремонтировать и заправлять кирпичных нимф.

– Это было в те времена, когда уделы все еще стремились внести свой вклад, – кисло сказал олень. – И до того, как ящик с батарейками стал на вес золота.

Байрон указал на деревянную дорожку, которая уходила от пирса, изгибалась вдоль стены Башни и исчезала в тени. Шаткая тропинка, выглядевшая так, словно должна была вот-вот обрушиться, вела в Добродетель – северный порт Пелфии. Там Сенлин спрячется снаружи порта и дождетсЯ прибытия дирижабля «Халф-Картер», серой посудыны, на которой будет развеваться флаг Боскопии.

– А как выглядит боскопский флаг?

– Кажется, герб должен напоминать золотую печать на белой бумаге, но он удивительно похож на пятно мочи на простыне, – сказал олень. – Когда пассажиры «Халф-Картера» высадутся, присоединишься к ним и предъявишь таможенникам документы мистера Сирила Пинфилда, ничем не примечательного туриста из Боскопии.

– А ты хороший фальсификатор, не так ли?

– Вовсе нет! Это всего лишь часть тщательно разработанного плана, чтобы убить тебя самым окольным путем.

Сенлин не был в восторге от перспективы тащить багаж по такому непрочному пирсу. И все же казалось логичным и правильным, что наконец-то открывшийся путь в Пелфию выглядит таким отталкивающим.

Байрон помог ему отвязать и выгрузить чемодан и дорожный сундук, обклеенные разноцветными печатями других кольцевых уделов и снабженные фальшивым адресом в Боскопии.

Когда его багаж оказался на пирсе, оба погрузились в короткое молчаливое созерцание, которое у некоторых мужчин считается прощанием. Сенлин повернулся, чтобы уйти, потом остановился и снова подошел к оленю:

– Байрон, Сфинкс сказал, что ты будешь перехватывать и просматривать мои ежедневные отчеты. Мне жаль, что тебе придется слушать мой бубнеж. – (Уши оленя дернулись, но он не сказал ни слова в ответ.) – Если возникнет необходимость передать личное сообщение некоему... капитану, как думаешь, ты сможешь передать его ей, а не нашему нанимателю?

– О, значит, бывший директор хочет обмениваться записками в классе, не так ли? – Байрон весело фыркнул, но, увидев открытое, скорбное лицо Сенлина, отвернулся. Свет зари заливал далекие горы. Темные пятна воздушных кораблей отбрасывали похожие на усы тени на туманное небо. Байрон откашлялся. – Ну конечно, я не могу саботировать работу хозяйки, но иногда мотылек действительно может заблудиться по пути домой. Птицы иной раз сильно досаждают.

– Ну, в долине в изобилии водятся венценосные токи, и они особенно любят... – Сенлин замолчал, покачал головой и усмехнулся. – Извини, я немного нервничаю, видимо. Я хотел сказать спасибо.

Олень принял благодарность Сенлина с коротким кивком.

– Могу я дать совет напоследок? – сказал он потом. – Сфинкс не часто бывает покладистой, но она очень редко ошибается. Избегай своей жены, если сможешь. Так вы оба будете в большей безопасности.

Не зная, что ответить, Сенлин натянуто поклонился, взялся за ручки сундука и чемодана и зашагал по узкой тропинке, проложенной из старых досок над пустотой.

Глава четвертая

Первоначально попугаи Пелфии служили городскими глашатаями. Они поднимали тревогу, когда пожары, разбойники или налетчики угрожали общественному спокойствию. Но недавно стаю охватил невроз: птицы превратились в ненасытных сплетников. Не удивляйтесь, если какой-нибудь попугай разгласит секрет соседа или ваш собственный.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, VII. III

Несколько дней спустя Сенлин, уже сидя в безопасном гостиничном номере, все еще содрогался, вспоминая прогулку в пелфийский порт. Он дважды чуть не свалился от неожиданности, когда из незаметных расщелин в каменной стене вылетели потревоженные птицы. Досок, которые треснули и упали, когда он прощупывал их мыском ботинка, было не счесть. Одна длинная секция настила была скользкой от сочащегося из Башни потока, природу которого он не мог определить и не стал исследовать. К тому времени, когда он добрался до края порта, скрытого за линией пальм в горшках, Сенлин был уверен, что скорее пройдет по Черной тропе, чем вернется тем же путем, которым пришел.

Несмотря на указание Сфинкса не лезть не в свое дело, Сенлин продержался всего день, прежде чем поддался инстинктам и отправил письмо герцогу. Разумеется, он подписался псевдонимом, но указал настоящий адрес в отеле. Он придумал предлог для их встречи – и, как позже признался, замысел был не из лучших. Затем, не успев потерять самообладание – или, точнее, одуматься, – Сенлин передал письмо консьержу, чтобы тот адресовал его и доставил. Расставшись с письмом, он то проклинал себя за опрометчивость, то боролся с искушением послать второй запрос. Он не мог сказать, была ли мысль о получении ответа от герцога источником азартного волнения или пугающей тревоги.

Но он был уверен в одном: он не мог провести еще один вечер в одиночестве, ожидая и тревожась в гостиничном номере. Ему нужно прервать ход мыслей; нужно отвлечься: для этого сгодилась бы лекция или, возможно, пьеса. Шансы, что он столкнется с Марией или герцогом, были невелики. В конце концов, это большой город! Между тем вероятность того, что он сам себя загонит в могилу раньше времени, изнуренный хождением из угла в угол, росла с каждым часом.

Приняв решение, Сенлин напялил свежий сюртук и выскочил за дверь.

В коридоре отеля «Бон Ройял» стоял гомон. Туристы во фраках и платьях с длинными шлейфами неслись по нему, как отступающий прилив. Цилиндры, тюрбаны и зонтики качались над потоком, словно обломки кораблекрушения. Волна джентльменов зажгла сигары, добавив к приливу густой туман. Сенлин скользнул в поток, и тот понес его вниз по лестнице – похожей на неистовый водопад – в вестибюль и оттуда на улицу.

Звезды вспыхнули, или, скорее, городской управляющий включил мерцающие прожекторы на полную мощность. Все созвездия сияли однородным желтым светом, образуя фигуры, которые напоминали подвешенную над колыбелью игрушку, а не космос. Над шумной площадью в форме клина, где стоял Сенлин, вырисовывались очертания тигра, шхуны и винной бутылки. Богатые мужчины и женщины ехали над толпой в золотых портшезах, которые несли на плечах лакеи. Мальчишки на ходулях расхаживали между ними, продавая сигары и свежие цветы. Музыка лилась из «Виванта». Толпа внутри Колизея завывала.

Предыдущие экспедиции Сенлина в Колизей приучили его к тому, что в Пелфии невозможно быстро передвигаться. Тебя обязательно что-то задержит: если не скопище людей, то зрелище. Во время первой вылазки на белую как мыло площадь Сенлину преградила путь толпа, собравшаяся посмотреть на дуэль. Двое мужчин застыли в фехтовальных позах, обме-

ниваясь пылкими – пусть и не очень художественными – колкостями, пока не стало ясно, что они намерены пролить больше слюны, чем крови, и зрители разошлись. На следующий день он наткнулся на женщину без сознания, распростертую на руках группки людей, и все они послушно обмахивали ее, чтобы привести в чувство. Обеспокоенный состоянием незнакомки, Сенлин присоединился к всеобщим усилиям как раз вовремя, чтобы увидеть бутылку, четко помеченную черепом и скрещенными костями, вырванную из ее руки. Врач попытался измерить пульс у женщины на шее, и в тот же миг она захихикала и принялась выворачиваться. Заподозрив неладное, доктор понюхал «яд» и объявил, что это джин.

В этот вечер зрелищем оказалась девушка в пышном белом платье. Ее голова каким-то образом застряла в птичьей клетке. Плетеная клетка, усеянная тут и там свежесрезанными цветами, полностью закрывала лицо и золотистые кудри. Незнакомка носилась по переполненной площади, словно вальсируя без партнера. Сенлин издали заметил ее и попытался вернуться, но она посмотрела ему в глаза сквозь сплетение прутьев и не позволила ускользнуть, как он ни старался. Она театрально рухнула ему на грудь, отчего вокруг них тут же освободилось небольшое пространство, а затем, схватившись за голову в клетке, воскликнула:

– О тьма! Я не могу это выдержать! Я раскаиваюсь! Раскаиваюсь! Смилуйся надо мной!

Двое проходивших мимо портовых охранников рассмеялись шутке, которую не понял Сенлин. Она вытащила из прутьев белую гвоздику и сунула ее в нагрудный карман Сенлина.

– Спасибо, – сказал он. – Вы, должно быть, непростая персона?

– А разве не все мы такие? – ответила она, уже поворачиваясь обратно к отхлынувшей толпе и крича на ходу: – О тьма! О проклятая тьма!

Сенлин вытащил цветок из кармана и понюхал. Запах пробудил в нем множество нежеланных воспоминаний. Он увидел, как за окном его коттеджа блеснуло солнце на глади океана, вдохнул смутный запах цветущей изгороди и услышал, как Мария напевает в соседней комнате.

Он бросил бутон под ноги и поспешил дальше.

Площадь истощила его силы. Не придумав никакой цели, он вернулся сквозь пустоты в толпе к городским улицам, которые разбегались от нее, словно спицы от колеса. Подсвеченные пластины на мостовой придавали ей сходство с пятнистой шкурой леопарда. Когда дорогу преградили дамы, садившиеся в вереницу рикш, он перешел на тротуар, а когда и там ему помешала компания болтливых щеголей, скрылся в переулке.

Праздничные вымпелы висели между зданиями, как паутина. Три попугая наблюдали за ним с перил балкончика.

– Ты сожгла жаркое, глупая корова! – пронзительно закричала краснощекая птица.

Малиновые собратья, сидящие по обе стороны от нее, присвистнули и повторили:

– Сожгла жаркое! Сожгла жаркое!

Сенлин засунул руки в карманы и поспешил дальше, прокладывая путь через газеты и конфетти. Он сказал себе: надо слушать Сфинкса. Надо запастись терпением. Он должен держаться на расстоянии.

У стены переулка стоял дощатый сарай. Проходя мимо, Сенлин увидел сквозь щели в двери лысого хода, сидевшего на корточках с закрытыми глазами. В следующем переулке он наткнулся еще на один сарай, потом – еще один, размером не больше гроба и скромного вида, как уборная во дворе. Сенлин спросил себя, сколько этих бедолаг начинали как туристы, сколько утратили счастливую, хотя и ничем не примечательную жизнь, сколько потеряли мужей, детей, жен?

И снова он сказал себе, что должен быть терпеливым. Он должен держаться на расстоянии. Он, конечно, не должен, например, смотреть мюзикл, посвященный жизни и истории Марии, который театральный критик «Ежедневной грезы» назвал «откровением о рождении, смерти и шоколадном ганаше».

Маленький попугай на подоконнике над головой уставился на него кукольными глазками и завизжал:

– Глупая корова!

– Ну ладно! Ладно! – крикнул в ответ Сенлин, наконец признавшись самому себе, что, возможно, его прогулка с самого начала не была беспредметной и бесцельной. – Я пойду и посмотрю пьесу.

Фасад театра «Гаспер» напоминал будуар молодой женщины: сплошные пышные карнизы и гипсовые гирлянды. Сенлин встал в очередь, купил билет на лучшее из оставшихся мест и вошел внутрь. Вестибюля не было, только тускло освещенный туннель, ведущий в зрительный зал, где театральные афиши теснились и напоздали друг на друга, соперничая, словно инициалы, вырезанные на дереве в школьном дворе. Сенлин не узнал ни одного названия. Он взял у капельдинера программку и занял свое место в четвертом ряду.

Впервые он услышал о пьесе, когда случайно наткнулся на рецензию в «Ежедневной грезе». Пьеса дебютировала тремя месяцами раньше, в апреле, и прошла с общепризнанным триумфом, хотя некоторые жаловались на подбор актеров, особенно на женщину, которая играла Марию. В длинной хвалебной статье Орен Робинсон описал актрису как «пересмешника, который поет вместо соловья».

Несмотря на утверждение программы, что пьеса представляла собой «подлинную историю герцогини Марии Пелл, одобренную ею самой», Сенлин не рассчитывал на что-то, полностью соответствующее действительности. Если путеводители и исторические хроники содержали творческие отступления, чем пьеса хуже? И все же он надеялся, что представление позволит ему хоть немного понять, что пережила Мария после их расставания.

Пьеса началась с гула труб и фаготов. Занавес поднялся, открыв декорации побережья – пляж из парусины, кучи рыболовных сетей и фон в виде голубого неба и зеленого моря. Из-за кулис торчал нос корабля. К поручням были привязаны чучела чаек. Рыбаки в воцеленных робах делали вид, что рубят рыбу из папье-маше на деревянном бруске. Женщины в фартуках держали на бедрах кукол и развешивали фальшивую рыбу сушиться.

Стремительным шагом вошла молодая актриса, и зрители неистово зааплодировали.

Платье Сирены немного истрепалось по подолу, но, в отличие от других рыбачек, осталось белым и незапятнанным. Ее волосы – грубый парик из алой пряжи – выглядели необузданной гривой. Сенлин съежился от столь приукрашенной версии Марии, но не смог отвести взгляда. Она бегала босиком по сцене, гоняясь за чайками, которые летали туда-сюда, подвешенные на леске.

Ее первыми словами были: «Пучина глубока, гор необъятна вязь, но где они сойдутся – все похоронит грязь!» Она хлопнула по спине человека, который резал бумажную рыбу. Актер рассмеялся. Она крутанулась на носках, достаточно бойко, чтобы приподнявшаяся юбка слегка обнажила бедра. Сенлин еще глубже утонул в кресле.

Затем на сцену вышел он. Точнее, прибыл актер, играющий роль Сенлина в истории Сирены. Он объявил о себе, высморкавшись в носовой платок. На нем был плохо сидящий коричневый костюм и кривой цилиндр. К лицу актера приклеили большой, как клюв, фальшивый нос. Вытряхивая носовой платок, он споткнулся о ветку плавника. Остановился, чтобы извиниться перед бревном.

Публика покатила со смеху.

– О нет! Директор Рыбе Брюхо! – сказала Сирена.

Подойдя к Сирене, директор спросил:

– Юная мисс, разве вам не надо сейчас быть дома и готовиться к экскурсии? Вы забыли, что мы уезжаем рано утром?

Рыбе Брюхо говорил неуверенным, сдавленным голосом, отчего казался старым и чахлым.

- Но сегодня такой чудесный день!
- Сегодня пасмурный день, – возразил Рыбье Брюхо. – Уверен, будет дождь.
- Славный денек! – настаивала девушка в кармазинном парике.

Оркестр заиграл веселую мелодию – запиликали скрипки, запели тонкими голосами флейты. Сирена расхаживала по сцене, размахивая руками. Она взобралась на поручни корабля и взяла работающих женщин под руки. Рыбаки просияли, на хмурых лицах заиграли улыбки от ее игривых проделок. Труд перешел в танец. Все начали плясать, кроме Рыбьего Брюха, который высморкался в носовой платок и изучал результаты, как будто пытаясь гадать по чайным листьям.

Песня была полна насмешек над скучной, нищенской жизнью у моря. Жены хлопали в ладоши, рыбаки раскручивали улов за хвосты, а Сирена вывела их всех на авансцену. Рыбье Брюхо погнался за ней, попытался схватить и запутался в сетях. Когда песня закончилась, Рыбье Брюхо отругал девушку, погрозив пальцем, а она покачала головой. Он требовал, чтобы она вела себя осторожно, степенно и спокойно, как подобает его любимой ученице, но Сирена не нуждалась в подобной похвале.

Жители деревни отошли от сцены. Опустилась раскрашенная луна. Мрачно загудела виолончель.

– Вам недолго оставаться ребенком, юная мисс, – сказал Рыбье Брюхо. – Скоро вы сделаетесь достаточно взрослой, чтобы выйти замуж. – Он коснулся ее щеки, и она отпрянула от руки, опутанной венами. «Сенлин» не выглядел обескураженным ее отвращением. – Вам понадобится проводник в этой жизни. И кто может лучше направлять вас, чем надежный, любимый директор?

У Сенлина в зрительном зале свело желудок. Он наблюдал, как пляж исчезает, а на его месте появляется комната: кровать и оборванный плед, старинный туалетный столик с потускневшим зеркалом. Увядший букет цветов висел среди вереницы бумажных кукол на стене. Несомненно, это была спальня молодой девушки. Сирена собиралась в дорогу, счастливая и беззаботная, не подозревая, что Рыбье Брюхо притаился в тени за окном.

Директор шпионил за ней и пел зловещую песню о том, как обманом заставит ее выйти за него замуж. Публика освистывала его стратегию, но аплодировала пению: глубокий баритон актера был совсем не похож на вялый голос, которым разговаривал его персонаж.

Как ни тошнотворна была эта версия Сенлина, он утешался тем, что она также оказалась откровенно ложной. Стоит ли удивляться, что герцог хочет, чтобы предыдущий брак Марии вычеркнули из ее прошлого? Стоит ли удивляться, что аристократ не упустил возможность насадить ее первого мужа на вертел? Но какое Сенлину дело до того, что думает о нем герцог? Пусть этот мелочный человек упивается своей мезьей! Происходящее ничего не сообщало о чувствах Марии. До сих пор детали этой предположительно «истинной истории» были мелочами, которые можно рассказать даже случайному знакомому. Остальное оказалось обычным враньем!

Поднялось бумажное солнце, и сцена снова изменилась, на этот раз превратившись в два вагона в поезде, разрезанных вдоль, чтобы зрители могли видеть происходящее внутри. Задник двигался. Нарисованные холмы и деревушки, казалось, текли мимо.

Класс Рыбьего Брюха садился в пассажирский вагон – всего шестеро детей, выстроившихся идеальной маленькой лестницей по возрасту и росту. Рыбье Брюхо то ругал, то шлепал учеников, которые все были розовощекими и одетыми в передники. Быстро устав от усилий, Рыбье Брюхо опустился на свободное место у окна, достал книгу и начал читать вслух.

– В «Популярном путеводителе», самой надежной книге, когда-либо написанной на эту тему, говорится, что в Башне нам понадобятся только носовые платки!

Человек, сидевший рядом с Сенлином, так расхохотался, что закашлялся.

– А как насчет карт, билетов, брони и плана? – спросила Сирена, пытаясь загнать детей на скамейки.

– По два носовых платка на каждого! – заявил Рыбье Брюхо.

Отложив книгу, он встал и раздал смущенным детям белые квадратики ткани, а затем вернулся к чтению, очевидно удовлетворенный исполненным долгом.

Сирена, которая, казалось, с каждой минутой становилась все взрослее, чтобы компенсировать нелепое поведение Рыбьего Брюха, собрала детей в вагоне-ресторане. Директор же продолжил читать, уткнувшись в книгу носом, похожим на клюв.

В вагоне-ресторане проводник сказал, что они не смогут попить чаю, потому что нет свободных чашек. Сирена сказала, что все в порядке, и попросила его принести большой чайник. Затем она открыла красочный саквояж, который всегда носила с собой, и выложила на стол семь чашек. Младший ребенок заметил, что все чашки были разбиты и склеены заново. Когда другой спросил, почему она держит разбитые чашки, Сирена погладила их по щекам, коснулась носов и спела балладу, а они внимательно слушали. Припев ее сентиментальной колыбельной звучал так: «Совершенно нормально быть несовершенным. Скол или трещина тоже могут быть драгоценны».

Эти слова пронзили Сенлина, как копьем. Он закрыл глаза и пожалел, что не может заткнуть уши. Мария рассказала герцогу о любимых семейных ценностях, о его бессмысленной одержимости носовыми платками и идиотской вере в «Популярный путеводитель». Зачем ей делиться такими интимными подробностями, если не для того, чтобы вдохновить на близость? И если она была так откровенна с герцогом, то почему же позволила выпустить на сцену это гротескное чучело, носатого развратного грубияна?

Если только не сочла это справедливым. Если только не сочла это истиной.

Пьеса продолжилась сценами в Цоколе, где Сирена едва спаслась от жуликов и воров, и далее в Салоне, где десятки одинаково одетых мистеров и миссис Мейфер спорили и мирились, танцевали и ласкались, а Сирена плелась между ними, распевая иронические стихи о радостях брака. В Купальнях к ней сразу же подошел горбатый художник в берете и блузе, который заманил ее к себе в студию обещаниями накормить теплым обедом и внимательно выслушать. На месте его гнусные намерения быстро раскрылись. Когда Сирена отказалась раздеться и лечь на жалкий матрас, заваленный грязными тряпками, художник-калека принялся гоняться за ней. Он запел лихорадочную песню о том, какой честью было приглашение «расцвести на моем полотне, а затем изогнуться на ложе».

Как раз в ту минуту, когда гротескный художник с дикими глазами оторвал рукав от платья Сирены и прижал ее к кровати, раздались фанфары. На сцену выбежала толпа мужчин. Их предводитель, красивый блондин с бородой в форме лопаты, обнажил меч. За ним следовал человек в белой пижаме с красными отпечатками ладоней, а позади – солдаты в черных куртках.

– Слезь с нее, негодяй! – воскликнул красивый предводитель. Зрители зааплодировали. – Я герцог кольцевого удела Пелфия, и эта женщина под моей защитой.

Художник резко обернулся, вытаскивая из-под промасленной блузы пистолет. Он выстрелил, и вспышка пороха свалила солдата герцога.

Герцог бросился вперед и сунул меч под мышку художника.

– Пощадите, сэр! Смилуйтесь надо мной! Я всего лишь калека! – воскликнул тот.

– Если ты достаточно здоров, чтобы мучить эту женщину, ты достаточно здоров, чтобы страдать от моего меча.

Красная Рука потащил рыдающего артиста за кулисы, распевая на ходу детскую песенку про ходов и пустоты в земле. Два невредимых солдата унесли павшего товарища, оставив герцога и Сирену наедине.

На них направили луч прожектора. Трагизм сцены сошел на нет. Героиня стояла, опустив голову, и выглядела уязвимой, как ребенок после нагоняя.

– С вами все в порядке? – спросил герцог.

Сирена обвила его шею руками, поцеловала в щеку и, не переставая всхлипывать, благословила и поблагодарила. Музыка перешла во вступление их теперь уже знаменитого дуэта: «Теряешь сердце, обретая любовь».

Сенлин больше не мог терпеть. Под возмущенные возгласы и бормотание зрителей он протиснулся в конец ряда и вышел в проход. Он бежал из театра, как будто тот был объят пламенем.

Глава пятая

О, как воздухоплаватели любят говорить, что наши звезды не верны! Они называют Природу лучшим художником, забывая, что Природа также украшает наши шезлонги птичьим пометом, а спины – волосатыми родинками. Созвездия Пелфши спроектировала группа известных живописцев и установили мастера-техники, а не нашлепала как попало по небу пьяная Природа. В самом деле, кто сказал, что это наши звезды ошибаются?

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Что за человек этот герцог? «Греза» рисовала его красноречивым, очаровательным и всеми любимым. Драматург, стоявший за «Сказкой о Сирене», казалось, был того же мнения. Но как мог Сенлин примирить героический идеал с образом жестокого человека, нарисованным Огьером? Хотя, стоило признать, Огьер не был образцом нравственности: он был вором, фальшивомонетчиком, мошенником, который без колебаний уговаривал отчаявшихся женщин раздеться для него. Возможно, художник и был настоящим злодеем. В конце концов, Сфинкс не утверждала, что Огьер – ее агент, а это вполне могло означать, что он подчинился Марату.

Несмотря на все газеты, которые прочитал Сенлин, он все еще не имел понятия, действительно ли герцог любит Марию. Насколько ему было известно, герцог Вильгельм вполне мог оказаться совершенным мерзавцем. Он мог сердиться на Марию за ее любимые книги или цокать языком над ее дурачествами. Возможно, ему не нравилось, что она атакует пианино, как упрямый выдвижной ящик. Герцог, вероятно, из тех людей, которые не получают удовольствия от замысловатых стихов, не стоят перед картиной так долго, чтобы провалиться в нее. Вероятно, он из тех, кто... Сенлин осекся, поняв, что делает. Он обряжал герцога в лохмотья собственной неуверенности. Разве не он первым подвел Марию? Разве не он развлекался в Купальнях, когда должен был спешить? Разве не он был ей неверен?

Сенлин выбежал из входного туннеля театра, чувствуя нестерпимое желание снова увидеть улицы. Но обнаружил, что они стерты. За огнями навеса над входом белый город тонул в сером дожде.

Озадаченный муссоном в помещении, Сенлин протянул сложенную чашечкой ладонь, ловя воду, которая хлестала с навеса театра. Дождь был теплым, Сенлин поднес ладонь к носу и почувствовал запах антисептика. Из-за кварцевых кругов на мостовой некоторые лужи светились.

– Если хотите отравиться, я бы порекомендовал джин. Это занимает немного больше времени, но на вкус намного приятнее, – сказал кто-то пронзительным голосом.

Сенлин обернулся и увидел мужчину, который курил сигарету через мундштук из слоновой кости. Его длинные белые волосы были заплетены в косу так туго, что черты лица – и без того резкие – выделялись еще сильнее. Воротник из черных перьев придавал ему сходство со стервятником.

– Почему здесь пахнет, как в пабе? – Сенлин стряхнул воду с руки.

– Это все этанол. Город получает выпивку каждый месяц независимо от того, нужно ему это или нет. Впрочем, всегда нужно.

– Но почему?

– Ради борьбы с болезнями, конечно. И чтобы прибраться на улицах.

– Но куда все это девается...

– Вы что, издеваетесь надо мной? – «Стервятник» пристально посмотрел на него, прищурился. Удивленный обвинением, Сенлин хотел ответить, но незнакомец уже тараторил дальше: – Думаете, я и так не получил достаточной взбучки? Я писал стихи! Оды на века, вот что я писал. Никто о них даже не вспоминает, о нет!

– Прошу прощения, но я не знаю, кто вы, – признался Сенлин.

– Антон Гавелл. – Когда Сенлин молча покачал головой, Гавелл дважды повторил свое имя, причем с растущим подозрением. – «Популярный путеводитель» – вы ведь слышали о нем, не так ли?

– Да, конечно. – Теперь настала очередь Сенлина прищуриться. – Так вы – автор?

Гавелл усмехнулся:

– О да, я бегал вверх и вниз по Башне десять раз. Обошел все переулки, заглянул за каждый угол и постучал в каждую дверь. Нет, конечно, я не автор! Никакого автора не было. Я был одним из сотен писателей, плохо оплачиваемых писателей. О, не смотрите на меня так! Я знаю, что говорят люди. Но вы забываете, что мы все были очень молоды и честолюбивы и, уверен, немного наивны. Однако не было никакого умысла, чтобы ввести в заблуждение читателей, по крайней мере с моей стороны. Я же не знал, что ошибки коллег и вольности, допущенные редакторами, которые удаляли или выдергивали каждое слово предостережения, каждое предупреждение, потому что они кому-то где-то не понравились; что всю эту коррупцию, обман и некомпетентность припишут мне! Господь свидетель, пятно на репутации нельзя удалить, если оно впиталось. – Гавелл затянулся через мундштук из слоновой кости, и его губы сжались в бледную розетку.

В последние месяцы Сенлин не раз мечтал вырвать страницы из «Популярного путеводителя» и скормить их писаке одну за другой. Теперь, стоя лицом к лицу с человеком, который приложил руку к тому, чтобы соблазнить его, позвать в это ужасное место, он чувствовал только жалость.

Сенлин смотрел на залитую дождем мостовую. Если не обращать внимания на едкий запах и мутную воду, картина была знакомой – мир сморщился с приходом бури.

– Вам тоже не понравилась пьеса? – спросил Гавелл.

– Нет, она не вызвала у меня сопереживания. – Сенлин глубоко вздохнул и проговорил на выдохе: – Все персонажи плоские, как пенни.

Писатель выдернул обгоревший окурочек из мундштука и бросил его на мокрую мостовую.

– Мне даже жаль ту деревенскую девушку, которая вышла замуж за герцога. – Гавелл раскрыл черный зонтик – стервятник расправил крылья. – Кроме той разновидности аппетита, что касается обеденного стола, пелфийцы знают лишь две: одна связана с постелью, другая – со сценой. И зачастую одно не так уж далеко от другого.

И он исчез под проливным дождем.

Дождь сделал то, чего не смог добиться поздний час: разогнал толпу по домам. Водосточные трубы из позеленевшей меди выплевывали воду на пустые улицы. Стоки булькали и жадно глотали воздух, как утопающие. Звезды погасли, и созвездия, которыми Сенлин надеялся руководствоваться, возвращаясь в отель, стали невидимыми. Дождевая вода стекала по воротнику и скапливалась в ботинках. Ностальгия, пробудившаяся при виде ливня, быстро сменилась отвращением. Это не дождь. Сквозь этанол просачивались запахи масла, гнилых отбросов и мусора. Он прикрыл нос и рот носовым платком и наклонил голову, чтобы вода не попадала в глаза.

Он бросился в переулок и укрылся под балконом, решив, что лучше переждать бурю, чем испортить еще один сюртук. Но не успел он убежать от грязных струй, как услышал приглушенный спор, а затем звуки влажных ритмичных шлепков.

В середине переулка, освещенного туманным светом из окна театра бурлеска, три фигуры сцепились у стены.

Опасаясь стать свидетелем ужасного преступления, Сенлин прокрался через более густые тени, пока не оказался достаточно близко, чтобы незаметно наблюдать за происходящим.

Двое мужчин были одеты в промокшие смокинги. Под воротничками у них висели развязанные галстуки-бабочки. Тот, что покрупнее, носил очки в золотой оправе, но они не придавали лицу более умный вид. Другой джентльмен, с бородой, скрывавшей бесформенную челюсть, прижал к стене переулка хода, который был гораздо меньше ростом. Ход был темно-кожим, щетина на его черепе выглядела редкой, как шерсть кабана. Белая краска стекала по лицу и заливала железный воротник. Ход прижимал что-то квадратное к впалой груди. Очкастый громилу окунул кисть в горшок с белой краской и шлепнул ею по лицу хода. Он медленно водил кистью взад и вперед. Его бородатый спутник рассмеялся и помешал попыткам пленника освободиться.

– Кажется, я начинаю понимать, что к чему, Хамфри! – сказал хулиган с кистью. – Ровные мазки дают наилучший результат. Ровные мазки!

Ход, залитый дождем и краской, пытался перевести дух.

– Прошу прощения, – сказал Сенлин.

Двое мужчин обернулись, от неожиданности тупые ухмылки застыли на лицах.

– Чего надо? – спросил очкастый хулиган.

– Честной драки, – сказал Сенлин и ударил его кулаком между глаз.

От удара у мужчины сломались очки и нос. Он уронил горшок с краской, и тот разбился о мостовую; всплеск белого прочертил на груди Сенлина косую черту.

Бородатый товарищ поверженного отпустил хода и, порывшись в карманах, вытащил перочинный нож. Он выставил его, как фехтовальную рапиру, но его позиция *en garde* лишь обнажила колено. Сенлин пнул подставленный сустав, и мужчина упал, выронив оружие в растущую под ними белую лужу.

Двое хулиганов схватились друг за друга, пытаясь восстановить равновесие и самообладание. Забытый на мгновение, ход сполз по стене на пятки.

– По-твоему, это справедливо? – сказал тот, что повыше; голос его звучал невнятно из-за сломанного носа.

– Ну вас же двое, – сказал Сенлин.

– Тогда не жалуйся, что мы не будем действовать по очереди!

Ирен научила Сенлина распознавать признаки опытных драчунов – их облик, позу и взгляд, – но даже без ее вдумчивых советов он заподозрил бы, что эти хулиганы не видели настоящей рукопашной. Окровавленный замахнулся так, что подобие кулака оказалось на уровне уха. Его бородатый товарищ развел вялые руки так далеко от тела, словно уже сделал все необходимое для ударов и надеялся, что Сенлин окажет ему услугу, наткнувшись на них самостоятельно.

– Господа, мы промокаем, – сказал Сенлин. – Почему бы нам всем не пойти домой и не отжаться?

– Послушай, Хамфри! Смотри, как быстро тает его мужество! – прокричал тот, что повыше.

Они обошли противника, ступая по глубоким лужам, и встали по обе стороны от него. Сенлин вскинул руки, все еще умоляя о мире. Хулиганы размахивали кулаками и пинали молочно-белую воду. Казалось, каждый ждет, когда другой ударит первым.

Тот, что повыше, ухмыльнулся:

– Ну вот, Хамфри! Ну в...

Угол булыжника саданул его в висок. Мужчина рухнул на бок как подкошенный.

Все еще сжимая кирпич, белолицый ход повернулся к Сенлину.

– Эй, погоди... – начал Сенлин.

Не было времени пригнуться, прежде чем ход швырнул в него кирпич. Хотя от потрясения полет кирпича как будто замедлился, это ничуть не ускорило реакцию Сенлина. Он мог лишь смотреть, как приближается снаряд.

Камень перелетел через его плечо. Сенлин обернулся вовремя, чтобы увидеть, как Хамфри, чье лицо превратилось в кратер из крови и осколков костей, упал на спину с сильным всплеском.

Вода у ног Сенлина начала краснеть от крови.

Он уставился на хода и дрожащим от гнева голосом спросил:

– Зачем ты это сделал?!

Ход присел на корточки над человеком, которого ударил первым, и, обнаружив, что тот все еще дышит, прижал колено к его шее сбоку и сильно дернул. От звука ломающейся кости Сенлин вздрогнул.

Снова встав, ход заговорщически кивнул Сенлину.

– Приди, Король Ходов, – сказал он, круто повернулся и убежал.

Без особой надежды Сенлин опустился на колени, чтобы проверить, дышат ли упавшие, но признаков жизни не обнаружил. Из окон с диагональными средниками лился свет, покрывая мрачную мизансцену ромбовидными бликами. В танцевальном зале оркестр доиграл неистовую мазурку, и танцоры разразились аплодисментами и радостными криками.

Сенлин все еще не привык к виду потрясенных лиц мертвых. Было время в его жизни, когда он не знал, что умиротворенное выражение часто бывает уловкой гробовщика. Возможно, его невежество являлось благом.

Он отвернулся, и взгляд упал на какой-то уголок, выступающий из воды. Он вытащил предмет из лужи: ход предпочел прижимать его к себе, а не использовать как средство защиты. Прямоугольная штука была завернута в промасленную ткань. По весу Сенлин догадался, что это, скорее всего, книга – возможно, испорченная.

Без убийцы, на которого можно было бы указать пальцем, казалось неразумным мешкать рядом с трупами. Он сунул завернутую книгу за пазуху и вышел из переулка, опустив голову и подняв воротник.

Глава шестая

На самом деле нет никакого смысла дразнить боскопа. Они нечувствительны к остроумию. С таким же успехом можно свистом подзывать скамеечку для ног или пытаться завести роман со шваброй.
Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Из-за своей кафедры в вестибюле отеля мистер Алоизиус Сталл посылал коридорных, которые таскали багаж, разносили блюда, освежали цветы в вазах, стирали пятна, меняли постельное белье, откупоривали бутылки и исполняли все желания временных королей и королев «Бон Ройяла». Он был похож на дирижера, руководящего симфоническим оркестром во время сложного музыкального пассажа. Он взмахивал руками и приглаживал волосы, которые с каждой минутой как будто становились все более седыми. Он умудрялся казаться одновременно пылким и безупречно сдержанным.

Но когда мистер Сталл поднял взгляд и увидел боскопа, мистера Пинфилда, промокшего до нитки и забрызганного побелкой, консьерж вздрогнул, словно от внезапной зубной боли. Он с особым беспокойством отметил молочную лужицу, растекшуюся по шерстяному ковру.

Сталл рявкнул на двух коридорных, которые сразу же поняли срочность проблемы. Они запеленали гостя прямо в сюртуке в огромный и роскошный банный халат. Принесли полотенце, чтобы он на него встал, а еще одно, несмотря на неуверенные протесты постояльца, нацепили на голову, скрутив в тюрбан. Когда они закончили, ничего, кроме лица боскопа, не было видно.

– Ну вот! Разве так не лучше? – спросил мистер Сталл, выдержав и эту проверку самообладания.

– Да... нет, – ответил гость, вздернув подбородок. – Боюсь, я оказался вовлечен в чрезвычайное происшествие.

– А, понятно! – сказал Сталл так, словно это стало для него откровением. – Может быть, мне вызвать врача или портного?

Боскоп отмахнулся от коридорного, который начал вытирать ему лицо полотенцем для рук.

– Учитывая обстоятельства, я думаю, лучше обратиться в полицию.

– О боже мой! Конечно, я сейчас же пошлю за ними. И о каком преступлении следует сообщить?

Гость начал отвечать, запнулся, попробовал еще раз и, изо всех сил стараясь убрать тюрбан с глаз, решил избавить всех от неуклюжей третьей попытки.

– Пожалуйста, просто скажите, что это срочно. Я буду ждать в своем номере.

Коридорные, которые принесли халат и полотенца, вернулись с тележкой для багажа, застеленной еще большим количеством полотенец.

– Я могу идти пешком, – настаивал гость.

– Ах, но подумайте, как величественно вы будете выглядеть, проезжая по коридорам и в лифте на таком сверкающем коне. Как царственно! Как загадочно! И так будет намного лучше для ковров.

С сокрушенным вздохом боскоп забрался в тележку и схватился за медную перекладину возле уха, как будто ехал в трамвае.

Когда коридорные покатали мистера Пинфилда к грузовому лифту, мистер Сталл крикнул им вслед:

– Превосходно! Сквозь наши ряды проезжает султан! Счастливого пути, сэр! Приятных снов!

Как только Сенлина доставили в номер, он сбросил сюртук и промокшую одежду и принял горячую ванну. Искушения полежать в ней подольше не возникло. Мало того что вода быстро стала грязной, так ему еще и до тошноты надоело быть мокрым. Кроме того, он хотел взглянуть на предмет, который оставил после себя ход, до появления стражей закона. Он помылся так быстро, как только мог, и вышел, пока вода еще источала пар.

Он надел свежий халат – какая роскошь быть сухим! – и вскрыл пакет хода. Развернутый лоскут промасленной ткани почти скрывал его большую кровать. Он не ошибся, предположив, что внутри книга. Красивый том в кожаном переплете был холодным и немного липким, но страницы не покособились от сырости. Тот, кто его завернул, проделал отличную работу. Сенлин прочел название вслух: «Трилобиты и другие древние членистоногие». Это было всеобъемлющее исследование окаменелых моллюсков, именно та книга, которая пролежала бы в библиотеке несколько десятилетий, прежде чем кто-либо потребовал бы ее. Впрочем, содержание едва ли имело значение. Известно, что ходы делают с книгами. Он открыл ее с конца, ожидая увидеть слова, вымаранные чернилами. К его удивлению, текст оказался чистым и нетронутым.

Сенлин устыдился. Он не должен был предполагать, что все до единого ходы стали мистиками Люка Марата. Возможно, тот ход, который вышиб мозги уличным хулиганам, был палеонтологом, или океанографом, или... Но ведь он выкрикнул фразу «Приди, Король Ходов» – Марат вполне мог бы велеть последователям так называть себя. И все же...

На передней стороне обложки резко выделялись следы клея, оставленные переплетчиком. Сенлин встряхнул книгу, и изнутри выпала хрупкая библиотечная наклейка с названием «Университет Острака». На наклейке были три величественные колонны, увитые плющом, а под ними красовался девиз: «Из невежества: исследование. Из исследования: доказательство».

Сенлин осмотрел швы в поисках скрытых карманов, но ничего не обнаружил. Тут и там на полях были нацарапаны цифры. Казалось, какой-то студент использовал книгу в качестве бумаги для заметок по домашнему заданию по математике. В остальном же том был ничем не примечателен.

Сенлин знал, что без убийцы, которого можно было бы выдать властям, с ним скорее будут обращаться как с подозреваемым, чем как со свидетелем. Он уже подумывал о том, чтобы не сообщать об убийствах, но не был уверен, что его не видели в переулке или подозрительно бегущим по пустым, залитым дождем улицам. Испачканный краской сюртук, который, несомненно, произвел впечатление на мистера Сталла и его сотрудников, аккуратно привязал его к месту преступления, как и стекло очков, застрявшее в костяшках пальцев.

Может, убежать? Удрать в порт, сесть на ближайший отбывающий корабль и послать гонца к Сфинксу с новым адресом.

Но он не мог смириться с мыслью об отъезде, особенно после всего, что пришлось пережить, чтобы добраться сюда. Во всяком случае, до тех пор, пока судьба Марии неясна.

Сенлин понимал, что местный офицер полиции может узнать в нем грабителя Купален или ужасного капитана Мадда, но комиссар Паунд и его команда еще не вернулись домой, а опубликованный ордер на арест пирата был смехотворно неточным.

Нет, в конце концов, лучше всего сохранять спокойствие, положившись на вымышленное имя, и надеяться, что констебли сочтут боскопа слишком скучным подозреваемым в столь вопиющем деле, как убийство.

Пока Сенлин ждал, он надиктовал вечерний отчет механическому посланнику Сфинкса. Если не считать посещения театра, о чем он не сказал ни слова во избежание нагоняя, отчет о событиях был полным. Он повторил приветствие про Короля Ходов, поделился подозрениями относительно причастности Люка Марата и закончил названием разочаровывающей книги, которую нашел в переулке. Он надеялся, что Сфинкс настолько увлечется этими подробностями, что забудет спросить, почему он бродил по ночному городу.

Отпустив мотылька, Сенлин тяжело опустился на кровать в махровом халате. Полиция могла появиться у дверей в любую минуту. Нужно собраться с мыслями. Он закрыл глаза и попытался придумать, что бы такое сказать.

Даже по меркам сна сцена казалась слишком прозрачной и золотистой. Сенлин устался на длинный банкетный стол, залитый мерцающим светом канделябров. Пустые тарелки и миски ожидали первых яств. Слуги разливали вино через плечи сидящих гостей, мужчин с навощенными усами и дам с прическами, обнажающими шею. Все излучали процветание и радость. В углу сводчатой столовой сладко играл струнный квартет. Поле зрения Сенлина мягко качнулось, будто он плыл, летел вместе с бабочкой Сфинкса.

Почетные гости сидели во главе стола: золотоволосый мужчина с бородой, похожей на копье, и женщина, чье лицо Сенлин не мог толком разглядеть сквозь лес центральных фигур. Но даже мельком – прядь волос, завиток уха – он узнал ее. Он всегда будет узнавать ее.

Герцог поднял бокал, звякнул по нему разделочным ножом, заглушая музыку и смех, привлекая к себе всеобщее внимание. Он открыл рот, чтобы произнести великолепный тост, но тут же снова закрыл. Он поклонился невесте, как бы говоря: «После вас». Все гости аплодировали, пока она не встала. Ее платье было белым, как снег на вершине горы. Она окинула взглядом гостей – сквозь пар над жарким с кровью, которое внезапно материализовалось на тарелках, сквозь высокое пламя свечей и растущие каскады цветов – и посмотрела в упор на Сенлина, который подглядывал за ее счастьем.

Если бы он мог сбежать, сбежал бы. Но сон не отпускал его, не позволял отвести взгляд. Она прищурилась, как будто рассматривая отпечаток пальца на зеркале.

«А, директор Рыбье Брюхо, это вы? Где ваши дети? Что с ними случилось?»

Сенлин резко выпрямился и скатился с кровати. Он шлепнулся на живот и уперся ладонями в пол. Что-то вроде выстрела заставило его проснуться. Он перевернулся на спину и посмотрел на «внучкины часы», стоявшие у кровати. Было почти восемь тридцать. Он проспал всю ночь напролет.

Дверь в его комнату снова содрогнулась – судя по звуку, в нее ударили тараном, а не человеческой рукой.

Придя в себя, он крикнул, что уже идет. В зеркале увидел, что все еще одет в халат. На мгновение задумался, успеет ли переодеться, но тут снова раздался удар, похожий на выстрел, и он поспешил открыть дверь.

Рассчитывая увидеть одного-двух констеблей, Сенлин с удивлением обнаружил перед собой отряд из шести солдат, все они были вооружены и одеты в накрахмаленные черные мундиры дома Пеллов.

Мужчин возглавляли два весьма примечательных человека. Первый джентльмен – Сенлин предположил, что ему за шестьдесят, – был чрезвычайно высок и одет по-военному. Его неестественно темные волосы блестели от масла, а укладка напоминала акулий плавник. Короткий черный плащ был перекинут через плечо, а на лацкане пиджака красовалась яркая булавка: три белые горизонтальные линии в квадрате медового золота. Он был чисто выбрит, но с серыми щеками, а тяжелые веки наводили на мысль об апатии, которой, однако, не было во взгляде. На поясе у него висел пистолет, такой длинный, что заканчивался чуть ниже колен. Скорее набедренная пушка, чем личное оружие.

Как бы поразительно ни выглядел незнакомец, спутница его затмила. На ней были золотые доспехи – или, по крайней мере, верхняя половина таковых. Кираса и латные рукавицы не выглядели громоздкими, как обычная броня. Они были так же хорошо подогнаны, как блузка и перчатки. Волосы у нее были рыжими, словно пламя, с дымчато-белыми завитками на висках. Ее лицо было сосредоточенным и хмурым. У Сенлина сложилось отчетливое впечатление,

что она на него сердится. Она все еще держала золотой кулак поднятым, как будто не решила, стоит ли стучать теперь, когда дверь открыта и он стоит в проеме.

– Доброе утро, мистер Пинфилд, – сказал высокий мужчина. – Я генерал Андреас Эйгенграу. Это блюстительница Джорджина Хейст. Мы пришли поговорить с вами о кое-каких убийствах.

Глава седьмая

Приближайтесь к офицеру полиции, как к бродячей собаке на улице: говорите ласково, держите руки подальше от карманов и не смотрите ему или ей в глаза слишком долго.

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, IV. II

Нет-нет! Пожалуйста, не тасуйте их, – сказал Сенлин констеблю, который начал рыться в газетной стопке на комод. – Они взяты взаймы, и, если я верну их не в том порядке, придется платить штраф, – объяснил он, когда офицер нахмурился.

Генерал Эйгенграу был не из тех людей, которые ходят по комнате без необходимости, возможно предпочитая, чтобы комната двигалась вокруг него, но он слабым жестом велел подручному не спорить. Офицер перестал ворошить газеты и принялся выдергивать ящики из комода. Рубашки и нижнее белье Сенлина свалились в кучу, которую офицер потыкал отполированным мыском черного сапога.

Первое, что сделал Эйгенграу, когда встал посреди комнаты, – попросил у Сенлина документы. Сенлин предъявил удостоверение Сирила Пинфилда – гражданина удела Боскопия, визитную карточку, лицензию бухгалтера и письмо из банка. Сенлин мог только надеяться, что Байрон и впрямь столь талантливый фальсификатор, каким он себя считал.

Изучая бумаги Пинфилда, Эйгенграу сказал:

– Вы говорили, сэр, что вам нездоровилось, поэтому вы рано ушли из театра и выбежали под дождь. После чего вы заметили мистера Кавендиша и мистера Брауна с ходом в переулке.

Сенлин изо всех сил старался сосредоточиться на генерале, но при этом краем глаза наблюдал за блюстительницей Хейст, которая тщательно и вдумчиво осматривала комнату. Сенлин изо всех сил старался не смотреть на коробку из-под сигар, полную посланцев Сфинкса. Они были завернуты в тонкий слой табака для маскировки. Ему оставалось только надеяться, что она не курит.

Генерал продолжил свое краткое изложение:

– Вы увидели драку между тремя мужчинами. А потом подошли и ударили Кавендиша...

– Это была не драка, – возразил Сенлин. – Они мучили этого человека, хода.

– Не такой уж редкий вид развлечения, – сказал Эйгенграу. – Хотя обычно это не предлюдия к убийству.

Сердитое лицо блюстительницы Хейст смягчилось, когда она заметила коробку из-под сигар, спрятанную под случайным экземпляром «Ежедневной грезы». Ее механические пальцы были достаточно гибкими, чтобы ухватить тонкий край крышки и открыть ее. Она заглянула внутрь, где лежали завернутые в табак мотыльки, и улыбнулась.

«Ах, – подумал Сенлин, – конечно же, она курит».

Незадолго до отъезда Сенлин спросил Сфинкса, почему она не может послать блюстителей, если так уверена, что Марат и его подручные представляют опасность для Башни. Несомненно, блюстители лучше подготовлены для такого предприятия, и разве не в этом была цель их существования?

«Нужно ли напоминать тебе, – ответила хозяйка Башни, – что Марат тоже когда-то был блюстителем? Дело в том, что мои подчиненные уже не так надежны, как в былые времена. Я по-прежнему надеюсь, что хоть кто-то сохранил верность мне. Но некоторые состарились и размякли, стали бесполезны; некоторых испортили пороком и роскошью; у некоторых рассудок подорван возрастом и работой».

Сенлин подумал, что это очень благородный способ описать Красную Руку, но решил не злить Сфинкса замечанием.

«Некоторые блюстители теперь более лояльны к своим хозяевам, чем ко мне. Признаюсь, я ими пренебрегала. Но теперь уже невозможно узнать, кому я могу доверять. Я предлагаю тебе и впредь очень, очень тщательно подбирать доверенных лиц».

Блюстительница Хейст вытащила сигару и с восхищением покатала ее между большим и указательным пальцами.

Схватив с прикроватной тумбочки хрустальную зажигалку, Сенлин улыбнулся и поспешно подошел к ней:

– Они просто замечательные. Вручную скручены гиббонами в Альгезе. Великолепные создания. – Он неумело щелкнул кремневым колесом, и пламя не вспыхнуло. – Они прилежные работники, хотя и любят лизать сигары. – Блюстительница, которая уже поднесла сигару к губам, хмуро уставилась на нее. – От этого появляется привкус плесени, но зато какие неповторимые ощущения...

– Обезьяна это облизала? – спросила Хейст.

– Формально гиббоны – это обезьяны.

Она бросила сигару в коробку и проигнорировала притворную обиду на лице Сенлина, когда тот закрыл зажигалку.

– А вы можете описать хода? – спросила Хейст.

– Ой, да ладно, Хейст, – вмешался Эйгенграу. – Лысый, недокормленный, хромой, с плоскими зубами и железным ошейником. Они все выглядят одинаково. С таким же успехом вы могли бы попросить описать голубя. – Генерал сложил документы Пинфилда и сунул их под мышку.

Это показалось Сенлину дурным знаком.

– Он был не очень высок, – сказал Сенлин, надеясь успокоить Хейст. – Примерно такого роста. – Он протянул руку на уровне середины груди. – С очень узкими плечами. Ему было, наверное, лет пятьдесят. Он был весь в побелке, но я думаю, что смогу опознать его, если вы его найдете. Я очень наблюдателен.

– Это очень удобно, – сказала Хейст, скрестив прекрасные руки на груди. Они тихо зазвенели, соприкоснувшись друг с другом. От гравированных локтевых суставов поднимались струйки пара. То, что Сенлин поначалу принял за доспехи, несомненно, было двигателем Сфинкса. Он видел знакомое искусство в узорах, которые змеились на пластинах, имитирующих мускулы. Они выглядели такими же сложными, как завитки на дереве. – Вы признаете, что дрались с Кавендишем и Брауном, но настаиваете, что не убивали их. Нет, их убил невысокий, узкоплечий пятидесятилетний ход. Он поднял камень и ударил сначала одного, а потом другого – насмерть. В то время как вы стояли там, будучи... как вы сказали? Очень наблюдательным.

– Да, – сказал Сенлин, видя, что ему совсем не удалось завоевать ее симпатию.

– Нет. – Она покачала головой. – Я думаю, что никакого хода не было. В том перелуке были только Кавендиш, Браун и вы. Возможно, они оскорбили вас еще раньше, вечером. Так обычно происходит. Они оскорбляли вашу ужасную манеру одеваться, неуклюжий танец или неспособность удовлетворить женщину. Вы обиделись. Вы последовали за ними в переулок, подобрали подходящий булыжник и застали их врасплох. Убив их, вы плеснули немного краски, чтобы все выглядело так, будто в этом замешан ход.

– «Так обычно происходит»? – переспросил Сенлин, и его спокойствие пошатнулось. Он знал, что его провоцируют, надеясь услышать что-нибудь опрометчивое или откровенное. – У вас тут вместо доказательств – презумпции? Подобное должно сильно упростить работу. Зачем нужны расследование, суд или король, если уж на то пошло, когда есть вы – и вы можете рассказать, как оно происходит обычно?

Блюстительница шагнула к нему, подняв на ходу золотой палец. Пол продолжал дрожать даже после того, как она остановилась.

– Почему вы вмешались ради хода? Хотите, чтобы я поверила, будто в разгар ливня вы увидели, как пара пьяниц издевается над ходом в переулке, и, вместо того чтобы пойти туда, где сухо, или позвать на помощь кого-то влиятельного, вступились сами? Что мне теперь с этим делать? Вы либо сумасшедший, либо лжец!

Хейст задышалась от гнева. Воздух в комнате казался разреженным и спертым.

Сенлин не сомневался, что в участке его разоблачат. Они сверят его билет со списком пассажиров корабля и сразу же обнаружат подделку, и она потянет за собой остальное. Нет, нельзя допустить, чтобы его арестовали. Он решил попробовать другую тактику, а именно – напомнить им, кто он такой: неуклюжий боскоп.

– Я скажу вам, кто я такой. Я неудачник! – воскликнул он дрогнувшим голосом. Раздался знакомый, но оттого не менее тревожный звук вынимаемых из ножен мечей. Теперь пути назад не было, и он ринулся дальше. – Я чудак! Даже среди моих соотечественников я являюсь предметом насмешек. Они смеются надо мной, потому что я не стыжусь своих страстей. Я горжусь своей улиточной фермой, своей коллекцией кружев, своей поэзией. Всю жизнь они называли меня нюней и тряпкой, ведь ничто так не угрожает хрупкой мужественности хулигана, как честные пристрастия других мужчин. Этот мир полон тиранов, полон людей, которые не могут возвыситься посредством собственных усилий, и поэтому они тратят жизнь на то, чтобы низвести других до своего невысокого и отвратительного уровня.

– Когда я увидел, как эти мужчины мучают хода – который тоже человек! – я бросился на его защиту. Если бы я знал, что ход воспользуется моей помощью и убьет их, я бы не стал вмешиваться. Я не люблю кровопролития. – Сенлин зажмурился, его голос дрожал от волнения и неподдельного страха. – Но я сделал то, что хотел бы, чтобы другие сделали для меня. Я восстал против притеснителей.

Сенлин открыл глаза и обнаружил, что Джорджина Хейст пристально смотрит на него. Она, казалось, пыталась прочесть что-то, напечатанное очень маленькими буквами на внутренней стороне его черепа. Наконец блюстительница отвела взгляд и махнула офицерам. От звука мечей, скользнувших обратно в ножны, Сенлин вздохнул с облегчением.

– А этот ход вам ничего не говорил? – спросил Эйгенграу.

Вопрос застал Сенлина врасплох, он заколебался, но почувствовал: у него нет другого выбора, кроме как признаться во всем и надеяться, что это поможет делу.

– Сказал. Но я не понял смысла. Вот его слова: «Приди, Король Ходов».

Эйгенграу и Хейст обменялись взглядами, говорившими о том, что они уже слышали эту фразу раньше.

– Возможно, нам следует продолжить разговор в более официальной обстановке, – сказал Эйгенграу, кивая офицеру, который достал наручники. – Не смотрите так печально, мистер Пинфилд. Просто небольшой публичный театр. Половину Пелфии уже арестовывали. Никто не возражает. Это всего лишь еще один способ увидеть свое имя в газетах. А теперь, если хотите устроить сцену, я бы посоветовал вам подождать, пока мы не окажемся на улице. Нет смысла кричать до хрипоты там, где этого никто не услышит. Офицеры будут рады избить вас, чтобы усилить драму, если пожелаете.

Почувствовав внезапное и всепоглощающее онемение в груди, Сенлин вытянул вперед запястья. Он смотрел, как на них надевают кандалы, тяжелые и холодные. По мере того как он наблюдал за затягивающимися винтами, его руки, казалось, становились все более далекими. Окружающий мир отступал. Он увидел свою макушку так, словно стоял на собственных плечах и смотрел вниз. Гостиничный номер уменьшился до размеров ящика письменного стола. Кровать походила на лист бумаги. Солдаты были такими же маленькими, как перья, скрепки и монеты. Ящик-комната постепенно закрывался, и темнота впиалась в Сенлина.

– Прошу прощения, – произнес молодой дрожащий голос.

Сенлин поймал себя на том, что его дрожащие колени вот-вот подогнутся. Он сделал глубокий вдох, и комната опять проступила вокруг.

Молодой коридорный в дверях выглядел немного испуганным, но в то же время взволнованным столь экстравагантной сценой. Он стоял по стойке смирно в малиновой ливрее, держа в руках сервировочное блюдо с крышкой.

– Я принес завтрак мистера Пинфилда. И еще письмо.

– Иди сюда, парень, – сказал генерал.

Коридорный обошел офицеров, которые даже не пытались подвинуться.

Поискав свободное место, чтобы поставить поднос среди разбросанной как попало одежды и газет, коридорный в конце концов водрузил его на шаткую стопку бумаг. Он приподнял куполообразную крышку, явив взглядам два слабо поджаренных тоста без ничего, чашку с теплой водой и дольку лимона. На втором блюде лежало внушительного вида письмо.

Взяв письмо, генерал обратил внимание на скудный завтрак арестованного.

– Надеетесь покарать ленточного червя, мистер Пинфилд? – спросил он со смешком. Потом дал юноше несколько монет и повернулся лицом к закованному в кандалы постояльцу. – Поскольку сейчас у вас нет такой возможности, позвольте мне... – Эйгенграу уже сломал печать и начал читать письмо, как вдруг его голос затих.

Когда он снова поднял голову, в его глазах был совсем другой свет.

– Да, теперь мы можем это снять, – сказал он тому же офицеру, который запирает оковы.

Замешательство лишь самую малость ослабило облегчение, захлестнувшее Сенлина.

– Похоже, у вас сегодня есть кое-какие дела, мистер Пинфилд, – сказал Эйгенграу, когда с «боскопа» сняли кандалы. – Не хочу вам мешать. Мы ценим время, которое вы нам уделите сегодня утром. – Он вернул документы Сенлина вместе со вскрытым письмом и улыбнулся, как тому показалось, понимающе. – Мы дадим знать, если нам понадобится что-нибудь еще. Но не думаю, что это произойдет.

С этими словами генерал и офицеры вышли из комнаты так же внезапно, как и появились.

Джорджина Хейст вышла последней и уже почти скрылась за дверью, когда Сенлин сказал:

– Простите!

Она помедлила, повернув голову ровно настолько, чтобы показать, что слушает, но долго слушать не собиралась. На щите ее спины было выгравировано огромное дерево, листья, кроны, ветви и корни которого, казалось, обвивались вокруг нее. Золотое дерево жизни.

– Вы знаете, кто такой Король Ходов?

На какую-то долю секунды показалось, что она вот-вот ответит, но потом блюстительница с трудом сглотнула ком в горле и отрезала:

– Не ваше дело.

Она хлопнула дверью так резко, что от порыва ветра бумаги полетели на пол.

Сенлин посмотрел на письмо, которое держал в руке. Бумага была белая, отличного качества. Он открыл и прочитал:

Уважаемый мистер Пинфилд,

спасибо за Ваше письмо. Я хотел бы услышать больше о Вашем предложении. Почему бы нам не обсудить это дело попозже сегодня утром? У меня зарезервирован столик в «Клубе талантов» над Колизеем. Я надеюсь, что Вы знакомы с ним. Прилагаю свою визитку. Покажите ее человеку у двери, и он Вас проводит.

Сердечно Ваш,

герцог Вильгельм Гораций Пелл

Сенлин вынул визитную карточку герцога. На лицевой стороне было выбито его имя и титул. На обратной красовался квадрат из золотой фольги, который содержал три белые линии,

парящие одна над другой. Булавка на лацкане пиджака генерала Эйгенграу представляла собой тот же символ. Под белыми полосками шрифтом, каким обычно пишут на надгробиях, было начертано: КЛУБ ТАЛАНТОВ.

Глава восьмая

Всего за несколько лет Клуб превратился из братства выпивох в самое влиятельное общество кольцевого удела. Мне было гораздо легче добиться аудиенции у короля, чем пробраться в «Клуб талантов».

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Сенлин с трудом проглотил сухой тост и тепловатую воду – его ежедневный завтрак в «Бон Ройяле». Будь прокляты эти боскопы с их аскетичными привычками! Он жаждал фруктов, связку жирных колбасок или хотя бы чашку слабого чая. Потом ему вспомнились голодные дни на борту «Каменного облака» и стало стыдно за неблагодарность. Как же быстро и основательно привыкаешь к тому, что у тебя есть какие-то права!

Потребовалось больше часа, чтобы убрать беспорядок, который люди генерала устроили в его номере, затем он стер с запястий остатки побелки, выбрил щеки так, что они порозовели, смазал маслом волосы и надел последний нетронутый сюртук. Сенлин складывал в бумажник все до последней мины, выданные Сфинксом, и убеждал себя, что не совершает ошибку. Тот факт, что герцог ответил на письмо, сам по себе был многообещающим. Его план неплох. Теоретически.

Когда Сенлин вышел из теплого, светящегося фойе «Бон Ройяла», его удивил густой туман, окутавший город. Туман превратил сверкающую монету пелфийского солнца в оранжевое пятно. Город, как сообщил ему мистер Сталл, всегда медленно высыхал после регулярных купаний. Туман повисит целый день.

Услышав знакомый шорох над головой, Сенлин поднял взгляд и увидел ара на железном фонаре.

– Сожгла жаркое! – пронзительно закричала птица.

– Ах ты, глупая корова! – крикнул в ответ Сенлин.

Из дверей отеля выскочила ссорящаяся пара. Джентльмен на ходу засовывал руку в рукав сюртука. Дама все еще застегивала свой сшитый на заказ жакет, когда спутник схватил ее под локоть и попытался оттащить обратно в вестибюль.

– Я говорил это с нежностью, дорогая. Даже у котенка иногда воняет изо рта!

Она резко высвободилась из хватки, и он, спотыкаясь, отступил на несколько ступенек.

– Ну, раз уж мы так нежно критикуем друг друга, мистер Моррис, я вытаскивала из яблок червей побольше!

– Я вытаскивала из яблок червей побольше, мистер Моррис! Я вытаскивала червей побольше! – сообщил крупный попугай.

Он расправил крылья и заскользил над туманной площадью, повторяя на ходу эту фразу.

– О боже мой! – Джентльмен в ужасе прижал ладонь ко лбу. – Остановите эту птицу! Кто-нибудь, пристрелите его! Стреляйте в него! – закричал он, бросаясь вслед за исчезнувшим попугаем.

Надеясь, что Колизей не сдвинулся с места за ночь, Сенлин вошел в туман. Хотя белому городу завязали глаза, рот ему кляпом не заткнули. Туман звенел тысячью голосов, которые дробились, накладывались друг на друга и сливались в невнятный гул. Над этим гулом поднялся певучий зов мальчишки-газетчика:

– «Греза»! «Греза»! Прочтите об этом в «Грезе»! Военный корабль Сфинкса снова рыщет по небу! Сфинкс вернулся! В чем же его игра? «Греза»! «Греза»! Прочтите об этом в «Грезе»!

Сенлин улыбнулся. Эдит уже в пути. Новость его воодушевила и прибавила мужества. Ему не суждено долго оставаться без друзей в этом городе. Счастливая мысль оборвалась, когда он зацепился ботинком за что-то неподатливое и едва не упал. После чего по инерции

пробежал несколько шагов рысцой, размахивая руками и пытаясь восстановить равновесие. Оглянувшись, желая посмотреть, обо что же он споткнулся, Сенлин обнаружил, что одна хрустальная «крышка люка» приподнялась на несколько дюймов над мостовой. Он заметил, что, в отличие от других кварцевых «циферблатов» на площади, этот диск не освещался. Он гадал, что бы это могло предвещать, и тут круглая пластина поднялась над бульжниками. Вслед за нею выдвигалась бронзовая колонна, похожая на гвоздь. Нет, не на гвоздь, подумал он, а на шуруп. Колонна вращалась, поднимаясь; вот она достигла колен Сенлина, его талии, плеч и, наконец, оказалась выше макушки. После этого «шуруп» перестал вращаться, и Сенлин оказался перед богато украшенной колонной, обхватом с бочку для вина. В углублениях резьбы черная смазка налипла на орнамент в виде завитков, напоминающих жилки листа.

Взгляд Сенлина привлекла врезанная в стену колонны табличка. На ней крупными буквами было написано: «БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК», а ниже более мелким шрифтом шли строки: «Не бойся теней, порожденных моим светом. Хотя их формы истинны, эти видения нереальны. Дар Сфинкса».

Пока Сенлин читал, в колонне появилась вертикальная трещина, и перед ним плавно открылась дверь. Он мельком увидел внутри мрачный чулан и наклонился, чтобы осмотреть его. Сенлин задумался, зачем Сфинкс соорудил устройство, по непонятной причине выскакивающее из пелфийской мостовой, и вдруг его оттолкнули в сторону. Пышногрудая женщина в огромной шляпе протиснулась мимо него в каморку, крича на ходу:

– Мое! Это мое! Я первой его увидела!

Прежде чем Сенлин успел возразить, изогнутая дверь захлопнулась за ней, и колонна, медленно вращаясь, погрузилась обратно.

Ему было интересно, куда ведет колонна и почему женщина так стремилась спуститься вместе с ней, но эти вопросы пришлось отложить до другого раза. А пока у него была назначена встреча, и ему предстояло разгадать еще более важную тайну – каков герцог на самом деле.

Когда Колизей вынырнул из тумана, он показался резким и грозным, как айсберг. Сенлин кивнул стражникам, стоявшим у зарешеченного входа, и пересек портик под эхо собственных шагов. Он все еще мог различить фрагменты былой славы здания: он видел ее в колоннах, крепких, как дубы, и в бледном мраморном полу с красными прожилками, который, казалось, вырезали из горного склона целиком и доставили сюда. Благородные фигуры над перемычками наполовину уничтожили – вследствие, как Сенлин узнал из старой статьи в «Грезе», недостаточности длинных лестниц и чрезмерного равнодушия разрушителей. На постаментах между стойками для ставок стояли пепельницы, переполненные окурками. В разрушенных остатках фризов гнездились голуби и сороки. Их крики эхом разлетались во все стороны и звучали переливами, как будто где-то оркестр настраивал инструменты. Он прибыл сюда в период затишья между боями. Несколько мужчин в несвежих костюмах изучали списки ставок, анализируя прошлые ошибки и закладывая основу для будущих.

Подойдя к лестнице, ведущей в Клуб, он увидел, что дорогу охраняют те же усатые привратники, которые порвали его деньги и сюртук. Сенлин не сдержал торжествующей ухмылки.

– Добрый день, господа! – сказал он. Привратник с закрученными усами поднял руку, готовясь нанести удар, но остановился, увидев блеснувшую позолоченную визитную карточку герцога. – Пожалуйста, передайте герцогу, что мистер Сирил Пинфилд прибыл на назначенную встречу.

Привратник велел Сенлину положить ладони на стену, он послушался, и его улыбка померкла. Усатый обыскал «боскопа» с такой яростью, что Сенлин удивился, как у него не треснули ребра. Ковры выбивали нежнее. Привратник порылся в карманах, извлек связку ключей от гостиничного номера, блокнот, карандаш и пухлый бумажник. Даже когда стало ясно, что Сенлин пришел по приглашению и без оружия, они не позволили ему пройти. Второй при-

вратник поднялся по лестнице, видимо, чтобы посоветоваться с герцогом, а первый остался и сверлил Сенлина взглядом, положив руку на рукоять меча.

Истерзанный и раздосадованный тем, что его мелкий триумф испорчен, Сенлин решил помучить стражника боскопской разновидностью светской беседы.

– Прошлой ночью мне приснился сон, в котором меня превратили в бутерброд. – Бровь привратника поползла вверх. – У меня было отчетливое впечатление, что я очень вкусный, но я не знаю, каким был бутербродом. Может быть, с соленым огурцом?

Охранник испустил долгий, судорожный вздох.

Красивый молодой человек с торчащей светлой бородой рысцей спустился по лестнице. На нем был длинный сюртук, который подчеркивал широкие плечи и узкую талию, а пуговиц имел больше, чем могло понадобиться. Лицо герцога излучало жизненную силу. Он сверкнул безупречными зубами и протянул руку:

– Так вы и есть Сирил? Вильгельм Пелл. Но, пожалуйста, зовите меня Вил.

После ледяного приема привратников Сенлина удивила теплота герцога. Он посмотрел в серовато-зеленые глаза мужчины и понял, почему Мария ему доверилась. Он излучал некое подобие дружеской искренности.

– Рад познакомиться, ваша светлость, – поклонился Сенлин.

– Обойдемся без церемоний, Сирил. По моему опыту, больше всего полагаются на свои титулы люди, которые ничего не сделали, чтобы их заслужить. Я питаю отвращение к людям, чьим величайшим достижением было появление на свет.

– Конечно, ваша светлость! – сказал Сенлин и, решив, что сейчас самое подходящее время для демонстрации боскопской неуклюжести, добавил: – А если говорить о вещах неприятного свойства, то у меня, кажется, образовалась дыра в носке. Разве это не самое мерзкое ощущение – соприкосновение влажной человеческой кожи и голой обувной? Все равно что наступить на жабу. – Сенлин нервно хихикнул, но засмеялся он в одиночестве.

– Да, – ответил герцог медленно и рассеянно, как человек, переосмысливающий первое впечатление. – Ну что ж, давайте уведем вас из коридора. – Он похлопал Сенлина по руке. – Я покажу вам клуб.

Когда Сенлин учился в университете, один выдающийся преподаватель словесности пригласил его выпить в джентльменском клубе «Лиса и погоня». Клуб, старый, перестроенный особняк, стоял на холме с видом на кампус – место выбрали для того, чтобы первокурсники могли смотреть на него снизу вверх и восхищаться. Преподаватель оказал ему честь, потому что хотел обсудить сочинение Сенлина о влиянии морских баллад на поэтический канон. Седовласый профессор желал отредактировать эссе для публикации. Сенлин почувствовал себя более чем польщенным вниманием преподавателя и джин-пуншем, который ему вручили в дверях. Но триумф оказался недолгим. Вскоре стало ясно, что профессор намеревался присвоить авторство, а Сенлин получил бы компенсацию в великой непередаваемой и невозмещающей валюте, популярной среди ученого люда, – благодарности.

И все же, несмотря на кожаную обивку и джин-пунш, джентльменский клуб «Лиса и погоня» был немногим лучше хорошо обставленного читального зала. По сравнению с ним «Клуб талантов» выглядел святилищем досуга. Бар, окружавший весь клуб, был заполнен экзотическими бутылками и роскошной стеклянной посудой. Среди редких портвейнов и коньяков стояли каменные бюсты благородных джентльменов и леди, их украшали забавные повязки на глазу, вычурные шляпы, шарфы, грим и парики. Высокие столы вдоль перил над ареной были уставлены костяным фарфором и шатрами из салфеток. Под потолком система ремней вращала ряд вентиляторов, рождая неторопливый, приятный ветерок. Час был еще относительно ранний, и Клуб пустовал, если не считать персонала и нескольких джентльменов, читающих за стойкой «Ежедневную грезу».

Но именно то, что лежало под ногами, первым делом привлекло внимание Сенлина. Пол был выложен заглавными буквами, повернутыми то в одну сторону, то в другую, образуя неразборчивую мешанину, которая привела его в смятение из-за привычки читать все, что попадалось под руку.

– Я вижу, вы обратили внимание на полы.

– Похоже, здесь ужасно много орфографических ошибок, – сказал Сенлин с притворной серьезностью.

Герцог рассмеялся:

– Это всего лишь украшение.

И он продолжил, объясняя, что эти буквы когда-то были частью каменной кладки, которую сняли во время ремонта здания и приспособили в качестве напольного покрытия. Сенлин задался вопросом, какие возвышенные сентенции потерялись в хаосе плиточного слоя.

– А что это было за строение? Судилище?

– Нет, это был Университет Острака, Колледж искусств и наук. – Герцог заметил мимолетное удивление на лице гостя, хотя и не понял причины. Сенлин же подумал об убийце-ходе и книге о трилобитах, которая когда-то принадлежала этому ныне несуществующему университету. Совпадение показалось забавным. – Да-да, понимаю. Язык сломаешь, не так ли? Но вы же знаете этот ученый люд: зачем тратить одно слово, когда можно использовать три?

– А эти старые каменные головы в помаде и париках за стойкой бара – бывшие преподаватели?

– И еще деканы, заведующие кафедрами, один-два выпускника с отличием. Мне нравится расцветивать чувством юмора то, в чем его нет. – Герцог снова победно улыбнулся.

Сенлин улыбнулся в ответ, хотя и воспринял неуважение герцога к ученым как нечто вроде пренебрежения им лично. Несомненно, это доказывало, что герцог – первостатейный негодяй! Но затем, с учетом всего, что он знал об институтах Башни, изданиях и так называемых ученых, Сенлин задумался, мудро ли было предполагать, что Университет Острака представлял собой бастион просвещения. Судя по всему, герцог презирал людей, причастных к «Популярному путеводителю».

– У меня есть обычный столик, но я предпочитаю бар, если вы не возражаете.

Сенлин сказал, что не возражает, и последовал за герцогом к стойке, где его возвращения ждали открытая газета и пустая чашка. Бармен был худощавым мужчиной с коротким хвостиком и торчащим кадыком. Герцог назвал его Йоахимом и, попросив еще кофе, предложил гостю что-нибудь заказать.

– Можно мне чашку теплой воды, пожалуйста? – спросил Сенлин.

– Теплой во... – Бармен посмотрел на герцога, который, казалось, тоже удивился. Сенлин сделал вид, что не заметил их замешательства, и бармен, вспомнив, что он профессионал, взял себя в руки. – Сейчас принесут одну чашку теплой воды.

Сенлин отошел и открыл бумажник. Толстый край тугой стопки банкнот, напоминающий рыбы жабры, привлек внимание герцога – на что, конечно же, и был расчет.

Герцог отмахнулся от предложения.

– Прошу, вы же мой гость. И думаю, что могу позволить себе чашку теплой воды. – Он улыбнулся, возможно надеясь на дальнейшие объяснения. Сенлин только поблагодарил его и пообещал заплатить за следующий раунд. – Итак, Сирил, расскажите мне, чем вы занимаетесь?

– Бухгалтерией. Большинство моих клиентов – импортеры: сахар, кофе, чай, лярд, ром и тому подобное. – Принесли напитки, и Сенлин принялся потягивать теплую воду, а двое мужчин наблюдали за ним с плохо скрываемым отвращением. Он покатал воду во рту, сглотнул и издал удовлетворенный звук. – Температура для языка идеальная!

Улыбка герцога начала терять свой блеск.

– Ваша контора находится здесь, в Пелфии?

– Нет, в Боскопии.

Герцог хлопнул ладонью по полированному бару и громко рассмеялся:

– О, да вы боскоп! Это все объясняет! А я уж задумался, не сумасшедший ли вы, с этой дыркой в носке и водой с температурой слюны. Теперь все понятно!

– Неужели у вас действительно есть такое предубеждение против моих соотечественников?

– Не принимайте близко к сердцу, Сирил! Мы, пелфийцы, просто любим, когда наши пироги сладки, ароматы интенсивны, а вечеринки порочны. Но, честно говоря, у нас тут слишком много идиотов бегают вокруг. – Герцог распахнул сюртук и сунул руку в нагрудный карман. Сенлин узнал письмо, которое он вытащил. – Я бы предпочел вести деловые переговоры с бухгалтером-боскопом, а не с щеголем-пелфийцем. И это подводит меня к вашему письму. – Герцог постучал пальцем по уголку сложенного листа бумаги на стойке бара. – Я получаю десятки таких депеш каждый день – люди просят ссуды, инвестиции или право использовать мое имя, которое само по себе является своего рода валютой. Но вы... – Он прищелкнул языком, и в его улыбке промелькнуло недоверие. – Вы предлагаете превратить мою жену в акционерный капитал?

– Да. Да, предлагаю. – Сенлин сложил руки на великолепной стойке бара.

Эта идея развивалась в течение нескольких часов, которые Сенлин провел, изучая одержимость Пелфии Марией. Было очевидно, что для кольцевого удела она – идеал. Подобную страсть он понимал чересчур хорошо. Возможно, это было всего лишь свойством человеческой природы – наделять кого-то совершенством, а затем поклоняться плодам воображения. И конечно же, большинство преданных поклонников обожали ее без всяких ожиданий. Но столь много людей были заинтересованы в ее славе – газеты, театры, не говоря уже о светских львицах, которые хотели видеть ее на своих вечеринках, – что в какую-то минуту Мария превратилась из объекта привязанности в ценный объект. Сенлин чувствовал, что у него сложилось достаточно ясное представление о том, как Пелфия относится к Сирене, но чего он не знал, что ему нужно было знать, так это как сам герцог воспринимал Марию. Женился ли он на ней из искренних чувств или ради низменных амбиций? План Сенлина состоял в том, чтобы соблазнить этого человека богатством и славой и посмотреть, есть ли у его любви предел. Поэтому в своем письме он предложил герцогу разрешить ему управлять продажей акций, касающихся музыкальной карьеры его супруги. Если герцог согласится на сделку, Сенлин будет знать наверняка, что этот человек – мерзавец, а Мария в беде. Если герцог откажется... что ж, вердикт по поводу его характера все равно будет вынесен.

– Я не совсем понимаю, что вы предлагаете, – признался герцог. В первый раз, к чести Вильгельма Горация Пелла, его улыбка сменилась хмурым взглядом. – Мария – это человек. Она – моя жена. Я не собираюсь продавать жену.

Сенлин уловил в страсти этого человека нечто похожее на искреннее обожание. Но, не собираясь так легко поддаваться, он настойчиво продолжил:

– Нет, вы будете продавать акции, связанные с ее именем, образом, исполнением, песнями, нарядами, разновидностью духов и так далее. Сейчас она больше, чем просто человек, не так ли? Она – концепция, завидный идеал. А идеал вы продать сможете.

Герцог глубоко вздохнул, задумчиво нахмурив красивое лицо:

– Мне нравится идея с духами. В этом что-то есть. Но что касается остального, вы лишь описываете ее достижения. Она уже богата и знаменита. Почему ее надо превратить в товар?

И тут Сенлину пришло в голову, что, пытаясь проверить герцога, он может подтолкнуть супруга Марии к пороку, сам того не желая. Впрочем, Вильгельм Гораций Пелл был опытным переговорщиком, привыкшим иметь дело с прессой и представлять себя в положительном свете. Искушать приходилось усиленно, при этом не вынуждая сделать нечто, выходящее за

рамки герцогских моральных устоев. Все равно что идти по канату во тьме: Сенлину приходилось продвигаться на ощупь.

– Башня – обширное место, – сказал Сенлин. – Здесь очень много кольцевых уделов, много театров, много возможностей. А что, если пьеса вашей жены была бы популярна в уделе Тейн, или Яфет, или Баннер-Вик, или Морик? А что, если бы она смогла совершить тур по Башне, с аншлагом во всех больших театрах? А что, если ее духами будет брызгать за ухом каждая модная леди в Андара-Нуре? – Сенлин видел в блуждающем взгляде герцога, что он представляет себе будущее, которое рисовал для него «боскоп». – Я думаю, все это возможно, но вам понадобится помощь, чтобы посеять семена ее успеха. Вам понадобятся местные партнеры, люди, которые знают, как продвигать, торговать и добиваться расположения местных законодателей моды: журналистов, денди и молодых леди. Вы могли бы попытаться исследовать и финансировать все это самостоятельно, или вы могли бы продать акции; предоставить многим людям небольшие частицы ее потенциала. Эти акционеры могли бы подготовить для нее дорогу, так что, когда она прибудет на каждую остановку во время тура по Башне, толпы будут готовы, жаждущие и огромные. Она могла бы стать первой настоящей звездой Башни.

Герцог задумчиво прищурился:

– Стоит отдать вам должное, это очень амбициозно. – Он внимательно изучил последний глоток кофе, оставшийся на дне чашки. – Но вы кое-что забываете.

– Что именно? – спросил Сенлин с надеждой в голосе, которая не имела никакого отношения к деньгам.

– У этой леди есть свой собственный разум. Она не кусок свиной туши и не сахарная свекла. Она должна сама на это согласиться. Потому что, в конце концов, ей придется это пережить.

Сенлин попытался скрыть приступ разочарования, охвативший его. Герцог не клюнул на приманку.

– Конечно, – кротко ответил он.

– И каково же ваше место во всем этом? Мне кажется, что вы уже дали мне свой самый большой вклад – идею.

– Последние двадцать лет я вел бухгалтерские книги для самых богатых и влиятельных дельцов Башни. Я знаю, кто платежеспособен, кто хорошо разбирается в деньгах, кто хочет выйти на новые рынки. У меня есть контакты. Я буду вашим бизнес-менеджером.

– В обмен на жалованье, полагаю?

– Я бы предпочел акции. Трехпроцентный пакет.

Вил покрутил пальцем в направлении Йоахима, отчего пуговицы на его рукаве зазвенели.

– Скажите, Сирил, вы когда-нибудь пробовали перидот? Это алкоголь. Некоторые люди говорят, что он на вкус как лекарство. По-моему, он похож на засахаренную весну. – Бармен налил ярко-зеленый напиток в два маленьких бокала. Герцог поднял свой. – Ну, я знаю, что большинство боскопов не пьют, но большинство и не пытается разрубить мою жену на куски. Так что возьмите это, и выпьем за ваше здоровье.

Сенлин изобразил неохоту, но взял бокал.

– И за ваше тоже.

Поняв, что от него ждут представления, Сенлин допил сладкий алкоголь и скорчил гримасу, как человек, пытающийся подавить чиханье. Он закашлялся и вскинул руки над головой.

Герцог рассмеялся и снова покрутил пальцем. Йоахим, стоявший неподалеку, поставил на стойку коробочку с крышкой. Внутри на бархатной подушке блестела булавка.

– Считайте это временным займом, – сказал герцог, вынимая булавку из футляра. Она была точно такой же, как булавка генерала Эйгенграу и булавка на лацкане самого герцога: три белые горизонтальные полосы в золотом квадрате. – Это знак нашего общества. Мы называем себя Клубом. Вам будет гораздо легче пройти мимо привратников, если на вас будет это.

Сенлин взял булавку с искренним удивлением, хотя что-то в улыбке герцога навело на мысли, что он еще не начал платить за эту привилегию.

– Я проявил беспечность, – сказал Сенлин, прикрепляя булавку к сюртуку. – Не принес вам никаких украшений.

– Да, но вы подали мне идею. И если моей леди она понравится, возможно, мы оба разбогатеем.

Сенлину внезапно до жути захотелось схватить герцога за шею и придушить, прижав к стойке бара. Как будто убийство убедит Марию, что Сенлин более достойный человек. Как будто она когда-нибудь покинет эту жизнь и вернется домой вместе с ним, притворяясь, что ничего никогда не было. Хотя как они смогли бы притворяться? Как бы выглядела подобная жизнь, превратившаяся в шараду? Стала бы она изводить его печальным смехом и горькими взглядами? Сделал бы он ее вдовой своих мечтаний? Неужели они стали бы той пожилой парой в углу паба, которая никогда не разговаривает, не улыбается, не поет вместе с остальными?

Сенлин понял, что Вильгельм пристально смотрит на него, а он уже долго молчит.

– За тебя и твою жену, Вил.

Герцог схватил Сенлина сзади за шею и весело встряхнул.

– Ты не так уж плох, Сирил. Ты совсем не так уж плох. Не позволяй никому дразнить тебя из-за того, что ты боскоп! А теперь хватай свою воду из вазы и давай найдем место у перил. Бойцы вот-вот выйдут на арену.

Пока они разговаривали, клуб уже заполнили люди. И все же герцог без труда освободил локтями небольшое пространство у широких каменных перил. Общие трибуны внизу были почти полны.

Мальчишки-подростки сгребали глину, пока букмекер, толстый старик в подтяжках и с усами, запачканными табаком, взбирался на трибуну над запертыми входами на ринг. Он приложил ладонь ко рту и взревел с внушительной громкостью:

– Третий бой! Третий бой! Железный Медведь против Шикарного Щенка! – (Сенлин несколько раз видел, как дерется этот Шикарный Щенок – молодой человек с большими красными губами, который не добился особых успехов, но позволял очень живописно швырять себя из стороны в сторону. Но он никогда раньше не слышал о Железном Медведе.) – Последний шанс, Железный Медведь – пять к одному. Все ставки сделаны. Больше никаких ставок! Больше никаких ставок!

Парнишки с граблями с трудом выбрались с арены.

– Мы уже несколько недель не видели Железного Медведя. Кажется, в прошлый раз он сломал палец на ноге, – сказал герцог.

– И кто же победит?

– Скорее всего, Железный Медведь.

– Но разве ты не знаешь заранее? Разве бои не подстроены?

– Нет! О чем ты говоришь? Ничего не подстроено! В чем тогда было бы веселье?

Сенлин нахмурился, но больше ничего не сказал. Возможно, он не так хорошо понимал правила этого вида спорта, как ему казалось. Сенлин заметил, что джентльмены, стоявшие у поручней рядом с ним, крепко держали в руках листки с записанными ставками.

– Вот что я тебе скажу, Сирил: сегодня состоится небольшой званый вечер. Там будет моя жена. Если захочешь пойти со мной, то, возможно, расскажешь ей о своей задумке. Я полагаю, у тебя есть какая-нибудь другая одежда?

Сенлин знал, что это ужасная идея, и все же принял ее не колеблясь.

– Да, да, конечно.

– А ты видел мою жену? – спросил Вил, и Сенлин смог лишь слегка покачать головой. – Газеты не отдадут ей должного. Какими бы невероятными ни были ее выступления, при лич-

ном общении она еще более эффектна. Такой красавицы ты еще ни разу не встречал. Она не совершенна, но абсолютно бесподобна.

Сенлину больше всего на свете хотелось кричать.

– Кажется, у меня где-то завалилось лишнее приглашение. Сейчас. – Герцог рассеянно похлопывал себя по карманам, и его бедра прижались к низким перилам, украшенным гирляндами шелковых цветов.

Сенлин наблюдал, как его рука поднялась до середины спины герцога. Он не мог остановиться. Мгновение назад он думал, что держит себя в руках, но теперь сердце грохотало в груди, как апокалиптический зверь, несущийся на мириадах ног, увенчанный окровавленными рогами, слишком большой и дикий для маленького седока, коим был его здравый смысл. Один хороший толчок – и герцог будет повержен. Один хороший толчок – и он разобьется о трибуны, как ялик о риф. Башне все равно, праведен человек или подл. Башня уничтожала справедливых и несправедливых с одинаковым аппетитом. Башня...

От визга петель по спине Сенлина пробежала дрожь. Он отдернул руку.

Далеко внизу, на арене, бойцы вышли из туннелей под радостные вопли трибун. Молодой Шикарный Щенок появился первым, оскалив выступающие, как у бабуина, зубы. Он шаркнул ногой, поднимая театральные клубы пыли, и торжествующе заколотил себя в грудь.

Железный Медведь вышел из неосвещенной пещеры крадучись, опустив голову. Он потер лицо, как будто только что проснулся с приходом весны. Он был огромен, вдвое больше соперника и в два раза старше. Его плечи и руки бугрились мышцами. Он потряс огромной головой, словно пытаясь прогнать туман сна. Кончики его раздвоенной темной бороды ткнулись в сторону толпы, когда он запрокинул голову и взревел.

Сенлин сразу же узнал голос. Он много вечеров слушал лающий смех этого человека за вином и улитками в кафе «Риссо» в Купальнях.

Джон Тарру нырнул и поймал Шикарного Щенка за лодыжки, а затем потрянул им, словно испачканным в песке полотенцем.

Глава девятая

*Не надо отпиливать себе руку, чтобы накормить собаку. У человека всего две руки, а мир полон собак.
Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»*

Сенлин поспешно извинился перед герцогом за то, что ему стало не по себе от алкоголя, и пообещал полностью поправиться к вечеру. Вил рассмеялся, сказал что-то о хрупком телосложении боскопов и передал Сенлину приглашение на торжественный прием. Затем Сенлин покинул переполненный клуб, протиснувшись через группу аристократов, поднимающихся по лестнице, мимо стражников, задумчиво стоявших в вестибюле, и вышел на площадь. Туман рассеялся, но толпа была такой же густой.

Мрачная судьба Тарру и его внезапное возвращение потрясли до глубины души, но Сенлин сейчас не мог мыслить достаточно ясно, чтобы сопереживать другу. Нет, его вытолкнуло за дверь осознание того, что если он задержится еще на минуту, то убьет герцога или умрет, пытаясь это сделать. Этот факт удивил его. Он бросил вызов приказам Сфинкса и советам Байрона, потому что был уверен: если вооружиться планом, достаточными исследованиями и здоровой дозой самоанализа, то он сможет контролировать себя, подавлять низменные импульсы, которые правят менее образованными людьми. Но в тот миг, когда герцог сделал Марии откровенный и проницательный комплимент, Сенлин потерял всякий здравый смысл.

Слова Вила все еще звучали в ушах: «Она не совершенна, но абсолютно неподобна».

Он потерял Марию, потерял в последний раз, но не из-за толпы, а из-за мужчины, который ценил ее как полагается, открыто и смело, – мужчины, который знал ее недостатки и считал их признаками красоты. Похоже, герцог понял то, что Сенлин слишком долго не мог понять: близость – это не поддержание идеалистической шарады ухаживания, а принятие и обожание недостатков, тех самых вещей, которые директор школы Исо так и не признал в самом себе окончательно. В ушах снова зазвенела песня Сирены, обращенная к детям в поезде: «Совершенно нормально быть несовершенным. Скол или трещина тоже могут быть драгоценны».

Благополучно вернувшись в свои апартаменты, Сенлин принялся нервно расхаживать по комнате. Он в ярости прошелся по ковру крест-накрест, потирая лицо, словно хотел его содрать. Он не мог сосредоточиться ни на одной разумной мысли. «Конечно же, она полюбила герцога! Как она могла не полюбить его?» Вильгельм красив, любезен, богат, и он был рядом, когда она больше всего нуждалась в нем, был рядом, когда Сенлин бездельничал в Купальнях.

Сенлин схватил номер «Грезы», в котором написали об их свадьбе, и уставился на гравюру, изображавшую Вила и Марию, держащихся за руки на носу усыпанной розами яхты. Радостная парочка помахала ему рукой из прошлого. Он слишком долго опаздывал.

Он разорвал газету и швырнул ее через всю комнату. Не успели обрывки упасть на пол, как он схватил еще один номер и разорвал в клочья. Потом еще, и еще один, ладони почернели от типографской краски, и комнату заполнил шум рвущейся бумаги, который когда-то его раздражал, но теперь гармонировал с ревом внутри. Он спихивал стопки с письменного стола и пинал падающие страницы. Он жаждал разорвать каждое предложение по отдельности, пока не останутся лишь слова и буквы. Он рвал бумагу так, словно мог собственными руками превратить в лохмотья историю.

Последний экземпляр пал смертью храбрых, и Сенлин остановился, тяжело дыша и по голени утопая в трясине из газетных обрывков. Он почувствовал облегчение, усталость и стыд за свое поведение.

От резкого стука в дверь у Сенлина перехватило дыхание. Может быть, кто-то пожаловался на шум? Как долго он сходил с ума?

Он ожидал увидеть за дверью консьержа, мистера Сталла, но там стоял незнакомец. Улыбающийся фронт в бордовом цилиндре и костюме того же цвета, с белой маргариткой в петлице. Он держал в руках, затянутых в перчатки, планшет для бумаг.

– Вы мистер Пинфилд? – Голос фронта был мелодичным, а произношение – безупречным.

– Да, – сказал Сенлин, изо всех сил стараясь заслонить вид на катастрофу позади себя.

– Мистер Сирил Пинфилд?

– Да. Вы по какому вопросу?

– У меня для вас сообщение, сэр, от мистера С. Финкса.

Фронт отцепил от планшета кремовый конверт и с небрежным поклоном вручил его Сенлину. Сенлин посмотрел на конверт и снова взглянул на фронта – как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот замахивается на него рукой.

Пощечина пришлась в челюсть и оказалась достаточно сильной: его голову мотнуло в сторону.

Сенлин уже собирался наброситься на посыльного, но тот прервал его возмущение, протянув планшет и авторучку.

– Не могли бы вы расписаться вот здесь, в подтверждение того, что получили письмо, а также здесь, в подтверждение того, что получили пощечину? – сказал фронт.

Ошеломленный Сенлин взял планшет и ручку. На инвентарной ведомости красовалась эмблема компании: «БРАТЯ БИРМАН – ОБЪЯВЛЕНИЯ И ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПОЩЕЧИНЫ». Мелким шрифтом под шапкой фирменного бланка был выведен девиз: «Не стреляйте в посыльного. Наши посыльные стреляют в ответ».

Чувствуя недоумение Сенлина, фронт указал на строки, требующие его подписи. Под абзацем, озаглавленным «Удары и т. д.» значилось: «Один удар открытой ладонью, с энтузиазмом нанесенный по щеке, виску или уху». Сенлин был так сбит с толку, что чуть не подписался настоящим именем. Он вернул планшет и уже собирался закрыть дверь, когда фронт прочистил горло и протянул руку.

– Вы, должно быть, шутите.

– Сэр, я лишь делаю свою работу. У меня есть рты, которые нужно кормить.

Ворча, Сенлин выудил из кармана несколько монет и шлепнул их в ладонь мужчины.

Оставшись один, он развернул письмо и прочел:

Уважаемый мистер Пинфилд,

Вы, кажется, забыли, что у меня повсюду есть глаза.

Я помню, что ясно дал Вам понять в своем наставлении, чтобы Вы не высовывались понапрасну. Посещение спектаклей, драки в переулках и статус подозреваемого в убийстве – все это отличные примеры зряшного высовывания.

Я знаю, что Вы задумали, молодой человек. И скажу еще раз: Вы неподходящий инструмент для этой работы. Вы – молоток, пытающийся выполнить работу гаечного ключа. Если будете и дальше так колотиться о твердые поверхности, усложните работу, которую предстоит сделать юной леди. Не будьте дураком.

С самыми теплыми пожеланиями,

С. Финкс

Сенлин вдруг осознал высокие стены своей комнаты, витиеватые узоры на обоях, объемные портьеры и бахромчатое покрывало на кровати. Здесь было так много мест, где могли прятаться шпионы Сфинкса.

– Ладно, – сказал он зрителям, притаившимся в пустой комнате.

Сенлин был готов первым признать, что уклонился от выполнения долга перед Сфинксом. В свою защиту он мог бы сказать, что подозрения Сфинкса на тему чего-то зловещего, происходящего в Колизее, оказались не столь значимыми, как уверенность Сенлина в том, что Мария здесь, в пределах досягаемости. Но даже в этом случае он едва ли мог негодовать в ответ на напоминание Сфинкса о порученной работе.

Сенлин не считал благоразумным сообщать, что обманом пробрался в «Клуб талантов». При этом мог возникнуть вопрос, не столкнулся ли он с герцогом. Если бы он узнал, что помещение клуба было тайной камерой пыток или содержало скрытую фабрику боеприпасов или церемониальный алтарь, окруженный людьми в черных капюшонах, то, конечно, сразу же передал бы эти разведанные. Но «Клуб талантов» оказался всего лишь симпатичным баром с прекрасным видом.

Чтобы успокоить Сфинкса, Сенлин подал рапорт о некоторых сведениях, которые поначалу считал слишком тривиальными для упоминания, хотя это было еще до того, как его навестила фея пощечин.

Днем раньше он подслушал, как один игрок в очереди к букмекеру пожаловался на изгнание Фалд: «Эти маленькие негодники всегда поднимали настроение. Жаль, что у Эйгенграу нет чувства юмора. Верните Фалды, говорю вам!» У Сенлина пробудилось любопытство, он навел кое-какие справки и выяснил, что Фалды – это мальчики, которым было разрешено продавать газеты, табак и спички в вестибюле Колизея. Вдохновением для этого прозвища послужил всего лишь неудачный каламбур, связанный с «Клубом талантов». Но мальчики охотно приняли его и вскоре появились с длинными разноцветными хвостами, пришитыми к задним краям курток. Их фалды были такими длинными, что часто волочились по земле.

Когда Фалды не продавали газеты и табак, они находили другие развлечения. Они вытыкали спички в сигареты, чтобы те вспыхнули, когда их зажгут. Они вырезали фалды из газет и по очереди пытались приколоть их к ничего не подозревающим жертвам. Их любимой игрой была «Удар и корзина». Во-первых, один Фалд должен был добыть «приманку», стащив блестящую пуговицу с манжеты или лацкана невнимательного клиента. К пуговице пришивали полоску яркой ткани, а потом мальчик подбрасывал в воздух готовую приманку. Цель состояла в том, чтобы привлечь внимание сорок, которые гнездились в вестибюле или на арене. Если сорока пикировала вниз и ловила приманку, но роняла ее, это называлось «ударом» и стоило одно очко. Если сорока хватала приманку и уносила в гнездо в высоких, недоступных фризах вестибюля, это называлось «корзиной» и стоило три очка. В течение многих месяцев гнезда наполнялись пуговицами, пока сороки не оказывались, как драконы, восседающими на горах сокровищ.

Фалды были такой же неотъемлемой частью Колизея, как и продавцы пива или букмекерские конторы. Даже те люди, которые возвращались домой без пуговицы, не хотели видеть, как выгоняют этих дьяволят.

Но однажды утром Фалда обнаружили в общей спальне, где бойцы ели и ночевали. Мальчик проник внутрь, несмотря на то что спальня размещалась в отдельной части Колизея за рядом барьеров и под постоянной охраной. Найти мальчика в спальне было все равно что обнаружить ребенка в банковском сейфе. Генерал Эйгенграу, который следил за охраной Колизея, допросил мальчика, и тот признался, что Фалды играют в новую игру, в которой они проверяют, как далеко можно проникнуть за пределы общественных зон. Невероятно, но мальчику удалось протиснуться сквозь зарешеченную дверь, проскользнуть мимо охранников и взломать замок. Эйгенграу не нравилась мысль о том, что его охранников проверила – и превзошла! – кучка мальчишек-газетчиков, поэтому он запретил им появляться в Колизее.

Сенлин отметил, что, хотя игроков изгнали, птицы не потеряли аппетита к игре: ни одна блестящая вещь не была в безопасности на арене. Клады сорок продолжали расти.

Выйдя на балкон, Сенлин выпустил шпиона Сфинкса над городскими улицами. Внизу духовой оркестр, похоже, наводил ужас на посетителей кафе чрезмерно веселой полькой. Взгляд Сенлина упал на галерею напротив балкона. Кто-то пытался вытолкнуть туда диван, но тот застрял в дверях, под углом. Он вспомнил женщину в маске, которая смеялась над его мотыльком. Интересно, почему она показала ему лицо как раз перед тем, как ей стало очень плохо? На ее месте и на грани такого позора Сенлин не снял бы маску.

Едва эта мысль сформировалась в голове, он понял, как надо поступить.

Мистер Сталл взял за правило никогда не высказывать мнения о постояльцах. Развивать собственную позицию о них было так же бесполезно и по-детски, как указывать на очертания проплывающих облаков. Постояльцы приходили, отбрасывали небольшую тень и летели дальше.

И все же мистеру Сталлу становилось все труднее не высказывать мнения о боскопе, мистере Пинфилде, который, несмотря на всю свою безликость, оказался весьма изобретательным занудой. Во-первых, все эти путешествия в газетные архивы, загрузившие его коридорных на нескольких часов. Затем побелка на коврах – вероятно, часть придется вырезать и заменить, – и, наконец, вызов стражей закона, чей визит парализовал подчиненных из-за сплетен.

Поэтому, когда мистер Сталл оторвал взгляд от своей кафедры и графика, над которым работал, и увидел стоящего перед ним боскопа, он чуть не выпалил: «О нет, что же вы опять натворили?»

Боскоп спросил, нет ли более уединенного места, где они могли бы обсудить «деликатный вопрос». Неизменно любезный мистер Сталл проводил боскопа в угол большого вестибюля, пустого, если не считать растения с шелковыми листьями в горшке. Боскоп посмотрел на растение так, словно увидел змею, а затем спросил, нельзя ли уйти «куда-нибудь подальше». С едва заметным вздохом мистер Сталл отвел гостя на кухню. А она, стоило признать, была забита поварами, коридорными и судомойками, но грохот посуды, звон ножей и рывканье раздраженного шеф-повара даровали им оглушительную разновидность уединения, которое, как надеялся мистер Сталл, удовлетворит надоедливому гостю.

Однако этого не произошло. Боскоп оглянулся через оба плеча, прежде чем прокричал в ухо мистеру Сталлу, что он не хочет создавать трудности, но нет ли где-нибудь еще немного более отдаленного места?

Мистер Сталл почувствовал себя не то чтобы оскорбленным, но прибывающим на конечную станцию терпения. Он уже собрался предложить гостю присесть на вилку, как вдруг заметил на лацкане боскопа поблескивающую эмблему Клуба. Он бы меньше удивился, обнаружись у мистера Пинфилда третий глаз.

Открыв в себе новые резервы терпения, мистер Сталл повел гостя в кладовую, где с потолка свисали толстые окорока, а в воздухе пованивало сырными головами. Он закрыл дверь, погрузив их в интимную темноту, которую быстро рассеял с помощью спички. Сталл приготовился к худшему – окровавленному телу в своей ванной или сгоревшим занавесям.

С очень серьезным видом боскоп произнес:

– Меня пригласили на вечеринку.

– Прошу прощения? – переспросил мистер Сталл.

– Не извиняйтесь. В этом нет вашей вины.

– Да, – сказал мистер Сталл и на мгновение задумался, не задушить ли этого человека. – Чем могу быть полезен, сэр?

Боскоп протянул ему сложенный листок бумаги:

– Мои мерки. Мне нужен костюм.

– Понимаю. Может быть, вам стоит навестить портного, сэр?

– Нет, боюсь, что это невозможно. А еще мне нужна маска. Что-то заурядное и ничем не примечательное. То же самое касается и костюма. Я не хочу выделяться.

– Да, конечно, – сказал мистер Сталл и сделал паузу, чтобы зажечь еще одну спичку. – Я все прекрасно понимаю.

– Нет, постойте, я передумал. Найдите мне простой костюм и гротескную маску. Хочу, чтобы она была нелепой. Смешной. Вот вам десять мин. Если потребуется больше, я, конечно, компенсирую, и вот еще одна мина за вашу абсолютную конфиденциальность в этом вопросе. Мне нужно, чтобы вещи завернули и доставили в Клуб до наступления вечера.

Успокоенный тем, что не нужно избавляться от трупов или менять занавески, мистер Сталл положил деньги в карман и сказал:

– Пакет будет там через час, сэр.

– О, еще кое-что – не хочу вас тревожить, но в моей комнате маленький беспорядок. С одолженными газетами произошел несчастный случай. – Боскоп достал еще одну банкноту в одну мину. – Если сумеете спасти как можно больше, буду весьма признателен.

– Разумеется, – ответил мистер Сталл и обнажил в улыбке зубы, как будто воздвиг плотину на пути бурлящих эмоций.

Когда Сенлин вернулся в Клуб, привратники встретили его совсем по-другому. Они поклонились, едва он подошел, и сразу же приветливо махнули, предлагая пройти вверх по лестнице. Клуб был все еще более или менее полон. У большинства посетителей кружилась голова от выпитого, и они продолжали наслаждаться послеобеденными боями. После бесплодных поисков герцога Сенлин подошел к сидевшему за стойкой бара человеку, чья обнаженная голова сияла, как отполированный ноготь большого пальца. Сенлин спросил его, чем закончилась битва с участием Железного Медведя.

К удивлению Сенлина, мужчина вскочил с крепкого табурета на куда менее крепкие ноги и закричал:

– Шикарный Щенок должен был победить! Должен! Бой был нечестный. Железный Медведь не человек! И не ход! Он дьявол!

С этими словами мужчина нахлобучил на голову кудрявый белый парик и заковылял к лестнице.

Сенлин занял его место за стойкой бара. Бармен герцога, Йоахим, приветствовал его: впалые щеки расплылись в дежурной улыбке.

– Не обращайтесь внимания на барона, сэр. Он просто злится, что его чемпион так облажался. Желаете теплой воды?

– Да, – сказал Сенлин, глядя на полированную стойку перед собой, испещренную отпечатками пальцев, усеянную скомканными салфетками и разорванными листками для ставок.

Йоахим изгнал эти призраки бароновского горя, и вскоре Сенлин увидел собственное отражение, которое глядело на него из темно-красного дерева.

Когда Йоахим вернулся со слегка дымящейся чашкой воды, Сенлин положил на стойку банкноту в одну мину.

– Мне принесут посылку – вы бы не могли за ней присмотреть?

Бармен взял купюру и одобрительно подмигнул. Сенлин нашел этот обмен репликами несколько забавным. Он подвергался преследованиям и предубеждениям так долго, что подобное стремление к молчаливому согласию и признанию казалось волшебным. Радость привилегий таилась в невысказанных словах.

Сенлин только начал делать вид, что смакует помойную воду из чашки, когда над горизонтом лестницы поднялся знакомый плавник черных как смоль волос. Генерал был так высок, что вентиляторы на потолке, колыхавшие воздух, казались из-за него неприятно низкими. Он

отстегнул от бедра пистолет с длинным стволом и передал пояс, кобуру и прочее одному из полудюжины охранников, которые следовали за ним, точно свора собак.

Добродушная атмосфера Клуба нисколько не смягчила его суровости. Эйгенграу окинул комнату взглядом, похожим на луч маяка. Когда его взгляд из-под тяжелых век упал на «мистера Пинфилда», он остановился, как и сердце Сенлина.

Он был уверен, что генерал сверил его имя со списком пассажиров корабля и теперь пришел арестовать за мошенничество. Сенлин повернулся на табурете, лихорадочно размышляя о побеге. Он перепрыгнет через стойку бара, схватит бутылку с алкоголем и будет размахивать ею, как дубинкой, пока она не разобьется, а затем – рубить зазубренным остатком. Он пробьется вниз по охраняемой лестнице, в охраняемый вестибюль, через охраняемые двери. К этому моменту он, скорее всего, получит несколько ран, но продолжит бороться, преодолевая боль, и прорываться через площадь, к порту... далее его воображение иссякло.

На этот раз не будет ни спасения, ни избавления, ни чудесного поворота судьбы. Он умрет здесь – и умрет в одиночестве.

Он поднял палец, желая заказать стакан рома, и понял, что генерал возник на соседнем табурете. Он прислушался к тихому скрипу сапог Эйгенграу и шороху накидки, которую тот сбросил с руки. Сенлин попытался изобразить небрежное изумление, повернуться и сказать: «О, здравствуйте! Я вас не заметил». Но шея, казалось, срослась с позвоночником. Краем глаза он заметил, как бармен достал бокал высотой с вазу. Йоахим наполнил огромный сосуд живительным перидотом.

– За чудовищных омаров, – сказал Эйгенграу, поднося бокал к ястребиному носу. Он глубоко вдохнул, затем сделал глоток.

Чувствуя, что у него нет выбора, Сенлин повернулся лицом к генералу:

– Прошу прощения?

– Я как раз думал о вашей книге. Но «трилобиты» и «членистоногие» – язык сломаешь. Мне скорее по нраву «чудовищные омары». – Голос Эйгенграу был глубоким, а речь – торжественно-размеренной. – Необычное чтение для боскопа-бухгалтера, не так ли?

– Разве? – Сенлин пожалел, что сразу не сказал генералу, откуда взялась эта книга, но он подумал, что Сфинкс захочет ее осмотреть. Возможно, она уловила бы смысл, ускользнувший от него. – Меня всегда привлекала идея о том, что в древних морях существовала жизнь.

– Но почему же?

– Наверное, из-за тайны. Интересно же, что еще живет там – внизу, в темноте.

– Ну, я не ищу тайн. Они в достаточных количествах находят меня сами. Кстати говоря, мы разыскали вашего хода.

– В самом деле? – проговорил Сенлин с облегчением. – Быстрая работа!

– В городе не так уж много мест, где могут прятаться ходы, и они не самые умные существа.

– Вам, конечно, нужно, чтобы я его опознал.

– Нет-нет, в этом нет необходимости. Он уже сознался и назвал сообщников.

– Сообщников? Но ведь он действовал в одиночку? В переулке нас было только четверо.

– Ходы никогда не действуют в одиночку.

Сенлин нахмурился и, не успев одуматься, высказал несогласие человеку, который только что принес ему спасение:

– Я всегда считал, что ходы – это просто мужчины и женщины, которым не повезло.

– Это все равно что верить, будто шакал – всего лишь нечесаная болонка, а наводнение – переполненная ванна. Невезение хода отражает его природу. Ход рождается ходом, даже если какое-то время изображает из себя человека. – Генерал поднес к губам «флейту» с густым напитком и выпил. Когда он снова поставил бокал, тот был наполовину пуст. – Я и не знал, что боскопы – такое добросердечное племя.

– Это не так, но мы практичны. Кажется пустой тратой ресурсов расходовать столько человеческого потенциала и таланта на то, чтобы таскать мешки вверх по склону – ведь с этой работой справился бы кран или воздушный корабль.

– С каждым днем таких, как вы, становится все больше и больше. Видите ли, вот в чем беда общества: оно убаюкивает индивида верой в то, что безопасность, здравомыслие и порядок – естественные состояния. Вы думаете, что гуманизм облагораживает. Уверю вас, это не так. Нет ничего жестокого в том, чтобы сказать: ходы – опасные, недоделанные, негодные души. Было бы жестоко наделять их возможностями и ответственностью, а затем ожидать успеха. Мы оказываем ходам большую услугу, поручая им простые и практичные занятия. Вы сами видели, что происходит, когда их руки бездействуют.

– Можете считать меня чересчур осмотрительным, но я своими глазами видел, что происходит, когда пара пелфийцев не принимает всерьез одного хода. С недооценки подчиненных начинаются революции.

– Ну, я бы не сказал... – Протест Эйгенграу оборвался из-за доставленных свертков Сенлина. Йоахим протянул ему три коричневые коробки, перевязанные белой бечевкой.

Прежде чем извиниться и уйти, Сенлин поблагодарил генерала за то, что тот нашел настоящего убийцу, и настоял на том, чтобы оплатить его выпивку.

Перед прощанием Эйгенграу сказал:

– Знаете, иногда я думаю, что нам всем было бы лучше, если бы мы просто замуровали Старую жилу и позволили ходам править стенами.

Сенлин узнал термин «Старая жила» – это был приличный синоним «Черной тропы». Он впервые услышал его от Тарру, еще до того, как того самого туда отправили.

Сенлин отнес свертки в туалет клуба, оказавшийся очень просторным. В отделанной темными панелями комнате стояли туалетный столик, диван, барная тележка с полным графином портвейна. На стене висела большая картина, изображающая пышногрудую обнаженную женщину на качелях на дереве.

Он запер дверь и наслаждался моментом вдали от хвастливых аристократов и шпионов Сфинкса. Налил себе стакан портвейна и осушил до дна. Облегчение, с которым он вздохнул от известия о поимке убийцы, омрачилось мыслью о том, что в сети генерала наверняка попались невинные ходы, эти безымянные «сообщники». Пелфийское понимание справедливости означало, что быстрота и уверенность ценились превыше всего, даже точности. Он усвоил этот урок в Купальнях.

В первом свертке лежал черный костюм, напоминавший и смокинг, и военную форму. Рубашка была ярко-оранжевого цвета и в сочетании с костюмом придавала Сенлину легкое сходство с иволгой. Во втором – лежала пара туфель, отполированных до зеркального блеска и удобных, как медвежьи капканы.

В заключительном пакете обнаружилась маска. Хотя Сенлин и попросил мистера Сталла найти что-нибудь гротескное и смешное, он не ожидал столь отвратительного результата. Маска, закрывавшая только верхнюю половину лица, была покрыта пурпурным мехом и увенчана изогнутыми оранжевыми рогами. У нее была курносая морда мопса и глубоко посаженные глаза с линзами из желтого стекла. Она выглядела так, словно ее сотворили по детскому рисунку. Сенлин надел эту мерзкую штуковину и улыбнулся, став похожим на безумца.

Но, по крайней мере, не на самого себя. Он понадеялся, что этого будет достаточно, чтобы одурачить бабочек-шпионов, и что герцог сочтет маскарад забавным и позволит боскопу выставить себя идиотом перед своими благородными друзьями. И когда наконец его представят Марии, она увидит вычурную личину, а не человека под ней.

Что-то внутри маски укололо Сенлина в щеку, и он снял ее, чтобы найти причину. Оттуда выпала маленькая бумажная бирка, и он поймал ее на лету. На одной стороне бирки красо-

влась цена – двадцать пять шекелей; на обратной жирными печатными буквами значилось: «МАСКА СФИНКСА».

Сенлин смеялся до тех пор, пока не перестал понимать, над чем смеется.

Глава десятая

Почему мы называем нечестного человека двуличным? Действительно ли это так честно – носить одно и то же лицо изо дня в день, независимо от настроения, состояния или события?

Мы же не часы!¹ Имейте лица на все случаи жизни, говорю я! Будьте честны: наденьте маску.

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

К тому времени, как он покинул Колизей, солнце Пелфии уже сияло над крышей своего «стойла» на западной окраине удела. Из-за странной акустики куполообразного потолка и узких городских кварталов «солнечные» механизмы грохотали, как приближающийся поезд. Стрекот превратился в грохот, а грохот – в рев, пока не задрезжали витрины и не задрожали манекены, и никто ничего не смог расслышать сквозь шум заходящего светила.

Тишина наступила внезапно, словно кто-то захлопнул дверь, отсекая бурю снаружи. Солнце погасло, газовые звезды стали более отчетливыми, и появились иероглифические созвездия.

То, что Вильгельм называл «маленьким званым вечером», в приглашении именовалось «Торжеством июльских огней». Празднество должно было состояться в Придворном Круге – пространстве за живой изгородью, отделявшей четверть площади. Ежедневный путь Сенлина вел мимо этого барьера, который, казалось, был из самшита. Он удивлялся, как живая изгородь уцелела, если ее поддерживали только газовый свет и дождь из спирта. Теперь, приглядевшись внимательнее, он обнаружил, что изгородь сделана из зеленых шелковых листьев и проволоочных лоз, прикрепленных к каменной стене.

Вход в Придворный Круг был открыт. Раньше он видел только запертые железные ворота. На них красовался узор в виде огромной, извилистой спирали, похожей на завиток отпечатка пальца. Теперь он едва мог разглядеть этот рисунок сквозь аристократическое сборище. Даже самые низшие лорды и леди прибыли в портшезах, которые несли на плечах лакеи. Некоторые носилки были едва ли лучше обеденного стула, привязанного к паре метел. Более роскошные – обрамлены ширмами из рисовой бумаги и золотой фольги.

Портшезы стучали друг о друга, словно бревна в реке, и Сенлин почувствовал себя так, словно попал в водоворот. Он попытался приблизиться к воротам, но его затянуло в безнадежное кружение дворян, слуг, шестов и кресел. Какой-то лорд свалился с трона в толпу. Чей-то локоть пробил бумажное окошко портшеза, явив публике потрясенное лицо женщины, сидевшей внутри. Раздались крики боли и мольбы о пощаде. Сенлин посмотрел вниз и увидел, как мимо его ноги прополз человек с окровавленным ухом. Что-то ударило его по шее, и Сенлин, обернувшись, увидел лакея, угрожающего ему тупфлей. Сенлин выхватил тупфлю и ударил лакея в нос, чему удивились оба. Он огляделся по сторонам, надеясь, что вот-вот материализуется какой-нибудь важный человек и призовет к порядку или миру. Вместо этого он увидел, что большинство лакеев орудуют тупфлями. Они били по безнадежно застрявшей толпе, получая в ответ столько же ударов, сколько и наносили.

В конце концов, Сенлин сам не понял, удалось ли ему спастись от толпы собственными усилиями, или она просто извергла его. Как бы то ни было, он с облегчением обнаружил, что оказался в самом начале очереди.

¹ Непереводаемая игра слов: английское *face* («лицо») также означает «циферблат часов». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Паж в золотом плаще попросил у Сенлина приглашение, затем поднес карточку к лампе и внимательно осмотрел водяной знак. Удовлетворенный, кивнул часовым, которые стояли перед входом со скрещенными винтовками.

Сенлин уже собрался пройти, когда паж схватил его за руку и вручил шестидюймовую стеклянную трубку с медными колпачками на концах.

– Не забудьте вашу свечу, сэр, – сказал паж.

– А это еще зачем? – спросил Сенлин, думая о том, что этот предмет не похож ни на одну свечу, которую он когда-либо видел, но паж уже занялся следующим в очереди.

Сенлин сунул любопытный цилиндр в карман сюртука и прошел мимо охранников.

Возможно, это был побочный эффект маски, которая сокращала поле зрения и придавала всему одинаковый желтый оттенок, но на первый взгляд Придворный Круг показался слегка пустынным. Немногочисленные гости сбились в кучу, как мусор на пруду. Оркестр, которого метрдотель заставил сыграть «Что-нибудь! Что угодно, ради всего святого!», запинаясь, начал вступление к популярному вальсу. Дирижер быстро пресек эти потуги взмахом палочки, и в наступившей тишине раздался оглушительный грохот тарелки, которую уронил официант. На Сенлина навалилась особая смесь уныния и сожаления, знакомая лишь тому, кто пришел на вечеринку раньше положенного времени. После того как он столь упорно боролся, чтобы попасть внутрь, его первым порывом было уйти.

Но он тут же напомнил себе, что приехал вовсе не для того, чтобы веселиться, и не важно, какой будет вечеринка, лишь бы пришла Мария. Час был еще ранний. Следовало набраться терпения.

Да и Придворный Круг был не лишен очарования. Повсюду в декоративных кадках стояли свежесрезанные цветы. Журчали фонтаны, в бассейнах косяками плавали карпы кои и золотые рыбки. Оркестр пришел в себя и заиграл попури из романтических прелюдий. А поскольку посетители все еще прибывали, то официантов было больше, чем гостей. Сенлин не мог сделать и шести шагов, чтобы ему не предложили легкую закуску или полный бокал. Его маска, похоже, ничуть не смущала присутствующих. Он с облегчением обнаружил, что не один пришел в подобном виде, хотя простые домино встречались гораздо чаще.

Танцплощадка Придворного Круга была сделана из полированного песчаника, а в центре этого желто-зернистого помещения возвышалась пирамида высотой около двадцати футов, покрытая белым мрамором. Звезда из стеклянных панелек венчала выступающий из вершины столб. Внутри нее содержалась нить накала с оранжевой искрой. В передней части пирамиды имелся вход, на перемычке которого красовалась позолоченная надпись: «Незаконченное рождение». Эту фразу – как Сенлин обнаружил в течение вечера – никто не мог объяснить. Максимум, что удалось выяснить: слова и постройка относились к чему-то, предшествующему самой Башне. Пирамиду опоясывали рельсы, по которым неторопливо двигался караван подпрыгивающих механических зверей. У всех зверей карусели, отлитых из бронзы и очень старых, недоставало того или иного фрагмента: у верблюда исчезла голова, грифу подрезали крылья, а у длинномордого пса остался обломок хвоста и только три лапы. Животные несли на себе остатки древней краски, большая часть которой осыпалась, стертая поколениями всадников. Даже в этот ранний час все седла были заняты.

Сенлин старательно держался подальше от танцплощадки, которая занимала большую часть Придворного Круга. Те немногие пары, что осмеливались выйти на нее, были либо очень стары, либо очень молоды. И те и другие, казалось, наслаждались возможностью танцевать без зрителей. Наблюдая за пожилой парой, покачивающейся в объятиях друг друга, Сенлин ощутил такую острую боль утраты, что лишился способности о чем-то размышлять.

Добравшись до противоположного конца двора за пирамидой, где толстая центральная колонна кольцевого удела встречалась с полом, он заметил два входа в туннели, вздымающиеся над поверхностью, и странный железнодорожный путь, проходящий между ними, – с малень-

кими вагонами, которые стояли без дела на рельсах. Ярко раскрашенные вагончики были не больше легких экипажей. Рельсы отделялись от общей зоны медными стойками и бархатными веревками, которые стерегли два веселых старика в синих мундирах и золотых кепи. Сенлин кивнул им. Они кивнули в ответ. Он решил, что сейчас не время для поиска новых тайн.

Пока он шел, его рука снова и снова тянулась к карману и спрятанному там посланцу, завернутому в табачные листья. Ирония ситуации: Сенлин пытался ускользнуть от взгляда Сфинкса, нося с собой ее шпиона. Однако этот мотылек был не только курьером, но и способом связаться с друзьями. По крайней мере, донести до них его последние слова, если вечер закончится чем-нибудь ужасным.

Он нашел стол на возвышении, откуда мог наблюдать за прибытием герцога и Марии. После нескольких месяцев размышлений на тему «что бы ей сказать» наконец пришло время решить, что же он скажет на самом деле. И все же, столкнувшись с этим вопросом, он лихорадочно искал возможность подумать о чем-то другом. Внезапно все стало завораживающим: кольцо конденсата на столе, созвездие льва над головой – морда зверя весьма походила на собачью, – сдавленный смех проходящего мимо лорда, пара молодых леди, которые в танце расправили юбки, словно птичьи крылья.

Очень долго он боролся за то, чтобы оказаться здесь, а теперь ему хотелось перенестись куда-нибудь в другое место. Чем ближе был миг воссоединения, тем больше Сенлин убеждался, что это будет конец – конец их браку, их общей истории, стремлению, которое поддерживало его в течение многих месяцев, давало ему цель и силы.

Затем он услышал голос, который перенес его в другое место и время с той же легкостью, с какой читатель переключает закладку. Он снова стоял посреди Рынка, чувствуя песок в глазах и жар солнца на шее, и тот же самый сладкий голос говорил: «Встретимся на вершине Башни!»

Он обернулся.

Мария держала Вильгельма за руку, пока они вдвоем проходили через потайную дверь в «живой» изгороди. Она поблагодарила швейцара и рассмеялась с облегчением оттого, что удалось обойти толпу у ворот.

С первого взгляда Сенлин не заметил ни темно-рыжих волос, закрученных раковинкой и удерживаемых бриллиантовыми булавками, ни огненного платья, которое из дымчато-серого на воротнике превращалось в огненно-оранжевое на подоле, ни обнаженных белых плеч, которые раньше видел только за закрытыми дверями, ни жемчуга на шее. Он не видел ничего, кроме знакомого лица и чужого взгляда, который скользнул по нему – незнакомцу в страшной маске – и упорхнул прочь.

Но этого взгляда было достаточно, чтобы укрепить его решимость. Было бы трусостью притворяться, что у него есть хоть какое-то право отвергнуть самого себя. Было бы трусостью упасть до того, как удар достигнет цели. Он не мог ни ударить себя вместо нее, ни обвинить себя настолько, чтобы лишить ее права обвинять его, если она того захочет. Он должен был встретиться с ней лицом к лицу, вести себя честно и принять ее выбор.

Он подошел к красивой паре и поклонился.

– Добрый вечер, сэра Вил! – (Герцог посмотрел на него с настороженным недоумением, не узнавая человека под маской.) – О, простите. Меня зовут Сирил Пинфилд. Мы встречались сегодня днем...

Герцог рассмеялся и приветливо похлопал Сенлина по груди:

– Сирил! Я не забыл тебя, идиот. Ты же надел маску!

– А, ну да! Разумеется. Что скажете? Она вам нравится?

– Нет, это ужасно! Где ты ее взял? Они были популярны, сколько... месяцев шесть назад?

– Неужели? Человек в магазине сказал, что они пользуются спросом сейчас. Дескать, потому у него осталась только одна. Но теперь, если вдуматься, я понимаю – она была довольно-таки пыльной. Может, снять?

– Нет-нет-нет. Оставайся в ней. Она тебе идет. И кто знает – может быть, благодаря тебе мода обретет второе дыхание! – С трудом сдерживая смех, герцог повернулся к Марии. – Дорогая, это тот самый джентльмен, о котором я тебе рассказывал. Пусть его внешность тебя не обманет; на самом деле он весьма благоразумен.

– Здравствуйте, – сказала Мария, протягивая руку.

Сенлину было трудно разглядеть в деталях выражение ее лица сквозь искажающие цветные линзы маски, но голос был отчетливо холоден. Интересно, рассказал ли Вил ей про предложение? И что она думает о мужчине, который хочет продать ее по частям?

Сенлин коснулся ладони Марии и почувствовал дрожь ее пульса, а может быть, это была дрожь его собственной руки. Он поклонился:

– Очень приятно познакомиться с вами, мадам.

Она быстро отдернула руку и, прежде чем Сенлин успел выпрямиться, снова схватила герцога под локоть. Он не мог не чувствовать себя уязвленным их близостью.

Герцог настоял, чтобы они выпили до того, как заговорят о делах. Вил объявил о намерении напоить Сирила «как следует», и кампания началась с бокала шампанского в одной руке и джина с тоником в другой. Чувствуя себя нервным и незащищенным, Сенлин без особого труда играл роль неуклюжего боскопа. Маска мешала ему пить, приходилось поворачивать голову набок и заливать напитки в угол рта. Вильгельм находил в высшей степени забавным то, как часто Сенлин проливает на себя выпивку и брызгает слюной, и поэтому предлагал тост всякий раз, когда к их кружку присоединялся вновь прибывший.

Сенлин говорил мало, хотя никто, казалось, не обращал на это внимания. Придворный Круг продолжал заполняться, и, соответственно, все больше знати тянулось к герцогу и герцогине. Знаменитая пара распорядилась чужим вниманием с отработанным изяществом. Они знали каждого графа и барона по имени. Вил шутил с лордами по поводу их раздавшейся талии, сидящих висков или истощающегося состояния. Он превращал то, что могло быть оскорблением в устах человека попроще, в насмешку – столь нежную, что она казалась комплиментом. А Мария тем временем слушала дам, и каждая стремилась поразить ее своими победами над ленивой служанкой, сплетницей-лавочницей или расточительным мужем. Сенлин наблюдал за этими банальностями со стороны, почти забытый, за исключением тех моментов, когда герцог произносил тост.

Стараясь не таращиться на Марию, Сенлин придумал своеобразный внутренний таймер: он декламировал в уме балладу, которую она очень любила, и на это уходило около минуты, а потом он позволял себе медленно, мимоходом взглянуть на нее. Казалось вполне вероятным, что она не увидит его глаза сквозь линзы маски, но не от страха быть замеченным он сдерживал взгляды. Когда он смотрел на нее, у него возникало желание сорвать маску с лица и заявить о себе – пусть бы она увидела его, пусть бы они разделили это неловкое волнующее воссоединение, даже если это означало его немедленную казнь. Он чувствовал себя импульсивным, безрассудным. Спиртное делу не помогало. Как глупо было с его стороны предполагать, что ему представится возможность побыть наедине с Сиреной! Он чувствовал себя человеком, который просыпается глубокой ночью, чтобы записать в темноте гениальную мысль, а на следующее утро обнаруживает лишь неразборчивые каракули. У него не было никакого плана! Никакого откровения не случится! Он вернется в гостиничный номер, лишь измучив себя зримым супружеским блаженством герцога и герцогини.

– Сирил, я слышал, ты недавно попал в неприятности.

– Что? – встрепнулся Сенлин, отрываясь от своих мыслей. Он оглянулся и увидел улыбающегося Вила. – Неприятности? Вы имеете в виду дырку в моих носках?

Смех Вила был подобен боевому кличу, отчего соседствующие аристократы сплотились вокруг него.

– Нет, я про хода в переулке и тех двух идиотов... как их звали?

– Браун и... тот, долговязый. Э-э, Кавендиш, – сказал граф с рыжей бородой и желтыми, как кукуруза, зубами.

– Да, эти два идиота. Убиты ходом. И по-видимому, коротышкой. Я рад, что мне не придется произносить надгробную речь. – Круг мужчин фыркнул в знак согласия. По тону герцога Сенлин понял, что убитые не были членами «Клуба талантов». Он оглянулся и увидел, что большинство дворян на орбите вокруг герцога и герцогини носят знакомую эмблему. – Эйгенграу сказал, что они уже лежали, когда ты появился и спугнул грязючника.

– Да, – сказал Сенлин, хотя и без особой уверенности. Интересно, почему Эйгенграу изменил детали его рассказа? Чтобы облегчить ход расследования? В качестве личного одолжения? Сейчас, похоже, не было времени вникать в это дело. – Я слышал, что этого человека поймали.

– Да, мы же не можем допустить, чтобы безумные ходы бегали вокруг и убивали людей, не так ли? – Герцог отпил шампанского, и Мария, которая только что поддерживала беседу с женой рыжебородого графа, кивая ей, теперь потянула герцога за руку и сказала нечто, предназначенное только ему. Герцог нахмурился, слушая ее, возможно раздраженный тем, что его прервали, но по мере того, как она говорила, его лицо просветлело и наконец расплылось в улыбке, адресованной Сенлину. – О, вот это мысль! Сирил, а ты не подвержен морской болезни?

– Нет, – ответил он и, почувствовав разочарование герцога, быстро добавил: – Ну разве что на воздушных кораблях. По пути сюда мне приходилось постоянно свешиваться через перила. И еще на лошадях... Меня всегда тошнит верхом. И мне не нравятся кресла-качалки. У кресел не должно быть жажды странствий. У нас нет столов-качалок. А зачем кресла-качалки? Это же непристойно! В остальном же у меня крепкая конституция.

– Да, Сирил, тебя послушать, ты просто кремень. За кремень! – объявил герцог, снова поднимая бокал. Сенлин отважно стукнул собственным по гипсовому носу маски и пролил шампанское на сюртук. – Я спросил, потому что у моей жены появилась мысль. Она хотела бы услышать больше по поводу того, как ты себе представляешь турне по всей Башне, но еще – показать наше новейшее развлечение. Мы его называем «веселой петлей». Это что-то вроде поездки на санях, но под землей. Ты сможешь рассказать ей все о своей грандиозной идее и...

– И этом безумии с разделением моего имени на буквы и их продажей, – вставила Мария. – О, вот М для вас, и А для вас, а для вас – Р... – Она изобразила, будто раздает буквы благородным дамам из компании. – А вам полагается Я, мистер Пинфилд.

Она сделала вид, что хочет бросить в него букву. Он вздрогнул, и дамы захихикали. Но Сенлин не испугался пантомимы; он съезился от страстного презрения, от которого она вся дрожала, сердито глядя на него.

– Как вам вообще взбрело в голову, что я доверюсь незнакомцу? Вы, кажется, проделали очень хорошую работу, набив голову моего мужа воображаемыми богатствами, но я обещаю: меня надуть с такой легкостью не удастся. Поэтому... – Она стянула перчатки, пока говорила. – Сделаем круг по веселой петле: убедите меня, что вы не подлец. И если извергнете свой ужин, не доехав до конца, сделка отменяется.

Герцог рассмеялся:

– Я же предупреждал тебя, Сирил: она очень вспыльчивая женщина!

Сенлин позволил компании утащить себя к короткому, огороженному веревками железнодорожному пути. Веселый отряд герцога обошел строй дворян, ожидавших очереди, хотя Вил пожал руку половине джентльменов, раздавая приветствия, комплименты и обещания, как будто они стояли в его собственной приемной. Двое пожилых швейцаров в синем приветство-

вали герцога салютом и быстро отвязали веревку, чтобы его сопровождающие смогли приблизиться к путям, где ждал своего часа вагончик. Вил щедро одарил обоих чаевыми.

Некий аристократ схватил Сенлина за плечи и встряхнул, хотя Сенлин и не знал, хотел ли тот поиграть ему на нервах или разжечь в нем энтузиазм. Кто-то забрал его бокал с вином. Швейцар спросил, есть ли у него свеча, и он пробормотал, что есть. Собравшиеся зааплодировали, и его толкнули на жесткую скамью вагончика. Впереди рельсы ныряли в туннель, во тьму. Он почувствовал, как кто-то занял место рядом. Им на колени опустили металлическую раму. Он увидел, как руки Марии сжимают переднюю кромку вагончика. Отметил золотой блеск ее обручального кольца.

Затем повозка, покачиваясь, двинулась в темноту. Механический резонанс пронесся волной по сиденью и дрожью пробежал по хребту Сенлина, радостные возгласы гостей сменились переходящим в завывание смехом, предназначавшимся ему: оцепенелому от ужаса боскопу, которого вот-вот стошнит на крутом повороте. Когда пол, казалось, ушел из-под ног и повозка рухнула в темноту, Сенлин закричал – но не от ужаса, а от муки.

Через мгновение рельсы выровнялись, и мрак слегка рассеялся от мягкого света электрических ламп на потолке, расположенном на расстоянии вытянутой руки. Камень вокруг них был так грубо обработан, что туннель казался естественной пещерой, словно проторенное водой русло подземного потока. Музыка и болтовня сменились мечтательно-размеренным стуком колес.

– Можешь снять эту нелепую штуку, – сказала Мария. – Что ты здесь делаешь, Том?

Глава одиннадцатая

*В конечном итоге уверенность, которую дарует виселица,
предпочтительнее апелляционной агонии.
Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»*

Маска Сфинкса лежала у Сенлина на коленях. Казалось, она глядела на него снизу вверх пронизательными кошачьими глазами.

Мужчина и женщина в повозке смотрели прямо перед собой, тяжело дышали и ничего не говорили. Стены туннеля изменились. Лишь через мгновение Сенлин понял, что видит – воссоздание строительства Башни в миниатюре. Оно начиналось с прямоугольных блоков, выступающих из грубо обтесанной скалы, словно из горного склона. Блоки окружали сотни фигурок, каждая размером с наперсток, с молотками, шкивами и веревками в руках. Рабочие застыли на месте, разрезая камни и вытаскивая их из тела горы.

Туннель разверзся вокруг них, и сцена, начавшаяся на стенах, продолжалась на проходящем мимо уступе, которому скульптор придал сходство с пустыней. Потолок был выкрашен в небесно-голубой цвет, испещренный белыми облаками. Команды человечков волочили блоки по дорожке из бревен к игрушечному поезду. Черный локомотив тащил за собой ряд плоских вагонов, и каждый был нагружен одним блоком.

Впереди дребезжащей повозки туннель сужался, превращаясь в арку. Коридор за ней был погружен в чернильную тьму. Сцена на карнизе туннеля бежала вверх и вокруг арки, сосредотачиваясь на краях неосвещенного отверстия, как будто гравитация сделала поворот под прямым углом. Фигурки работали ковшовыми кранами, словно раскапывая тьму. Сенлин вздрогнул, когда понял, что воссоздавала эта сцена: рытье колодца под Башней. На секунду у него возникло тошнотворное ощущение, что они упадут в этот колодец, едва повозка канет во тьму.

И это ощущение усилилось, когда их транспорт ринулся вниз.

Маска слетела с колен и исчезла во мраке. Казалось, она стремилась обогнать его желудок. Ощущение свободного падения в ничто разорвало неловкую тишину, которая охватила их за мгновение до этого. Мария обвила руками его шею, он обнял ее. Ее пухлая щека прижалась к впадине его шеи так же плотно, как «ласточкин хвост»². Несмотря на весь ужас, на Сенлина нахлынула мощная волна чувств. Тележка грохотала так сильно, что он был уверен: она слетит с рельсов. В смертельной темноте он приблизил свои губы к ее губам, и они поцеловались так, словно это был конец всего.

Затем рельсы выровнялись, и мучительное чувство обреченности исчезло.

Когда сила тяжести вновь обрела над ними власть, объятия ослабли. Впереди возникло сияние, которое озарило обоих достаточно хорошо, чтобы они снова могли видеть друг друга. Они отпрянули, словно ошеломленные тем, что натворили. Вагончик замедлил ход и остановился. Впереди рельсы уходили вверх под углом, поддерживаемые эстакадой, отчего казалось, что они свободно висят в воздухе. Путь шел вверх, вокруг центральной колонны, спиралью уходя из поля зрения.

Колонну украшал фриз, изображавший постройку Башни, уровень за уровнем: подгонку блоков, закладку фундаментов, резьбу. Тусклые электрические лампочки заливали все вокруг оранжевым светом. Основание повозки зацепилось за невидимые механизмы в рельсах, и они двинулись по изгибающимся спиралью путям со скоростью пешехода.

Мария пристально смотрела на него. Он не мог понять ее взгляда, и она не дала ему много времени на раздумья. Это уязвимое, неуверенное выражение было таким же недолгим,

² «Ласточкин хвост» – тип разъемного соединения деталей в механике.

как и подмигивание. Ее губы сжались в строгую линию. Их поцелуй вдруг показался чем-то очень давним.

– Я думала, ты уже вернулся домой.

Он повернулся к ней, одной рукой держась за поручень впереди, а другой – за спинку сиденья. Он как будто широко раскинул руки, умоляя о помощи.

– Нет, я не мог... конечно, не мог... я весь прошлый год искал тебя.

Мария изучала его лицо, возможно сначала пытаясь найти в нем искренность, но потом стало ясно, что она обнаруживает каждую новую морщину, шрам, похожий на розовую нить, который рассекал его подбородок, покрывшие кожу пятна от солнца. Пудра и румяна подчеркивали контуры ее лица, хотя это казалось совершенно излишним: красота Марии просвечивала сквозь макияж.

– Ты выглядишь очень... хорошо. Как твои дела? – спросил он.

Сердце требовало сказать еще что-нибудь, но он боялся, что комплименты только разрушат ее счастье. Если она счастлива.

– Со мной все в порядке. Я была очень занята. Я... готовлюсь к новому концертному сезону.

Она никогда раньше не разговаривала с ним так официально, даже в классе. От холодного тона он прижал руки к телу и отвернулся. Колонна, вокруг которой ехала тележка, была инкрустирована светящимися стержнями, расположенными через равные промежутки.

– Почему ты здесь, Том? – спросила она. – Почему ты пришел именно сейчас, когда прошло столько времени?

Сам факт, что она задала этот вопрос, казалось, был единственным ответом, в котором он нуждался. И все же он зашел так далеко, что должен был говорить от чистого сердца.

– Я пришел, чтобы спасти тебя. Если ты нуждаешься в спасении.

Смех Марии, казалось, удивил ее саму. Она прикрыла рот ладонью и виновато покачала головой. Когда она заговорила, то стала чуть более похожа на себя прежнюю.

– Где же ты пропадал? Как ты выжил? Откуда ты здесь взялся, одетый вот так, почему убеждаешь всех, что ты боскоп? Ходишь на вечеринки, носишь смокинг и эту нелепую маску!

Ее слова повергли его в смятение. У него не было достаточно времени, чтобы объяснить все, что случилось за год. Шестерни, которые несли их вагончик вверх, заскрежетали, и тележка закачалась, как волчок, теряющий инерцию.

– Я совершил много ошибок, – сказал Сенлин.

– Что? – закричала она, перекрывая шум.

– Ошибки! Я наделал много ошибок! Я грабил. Я пиратствовал. Я убивал людей. И не случайно. Я был зависим от крошки, хотя теперь от этого избавился. Я совершенно потерял рассудок. У меня до сих пор такое чувство, что я вернул его лишь частично, – крикнул он. Внезапно повозка проехала через особо шумный участок, и он не успел подумать, насколько громко вопит, прежде чем закричал: – Я поцеловал другую женщину!

Ее лоб сморщился от разочарования. Если бы он мог выбрать между выстрелом и вспышкой боли на ее лице, то выбрал бы пистолет.

Она вздохнула:

– Ну я-то снова вышла замуж, так что, полагаю... если учесть общую картину... – Она не смогла закончить мысль.

– Скажи мне, ты счастлива? – Она задумалась, и он быстро добавил: – Если так, то все в порядке. Я лишь порадуюсь за тебя. Но если ты несчастна, пожалуйста, скажи мне.

Мария вжалась бедром в угол сиденья, отстраняясь от Сенлина так далеко, как только могла. Вздернула подбородок, изучая подъем по рельсам, возможно прикидывая, сколько времени у них осталось.

Но в итоге так и не ответила, и он ринулся дальше:

– Знаю, в это трудно поверить после моего верещания про неудачи, но у меня есть кое-какие ресурсы и влиятельные друзья. Если хочешь уйти отсюда, я могу помочь. Но если тебе здесь нравится или ты достаточно счастлива, я уйду и больше не стану тебя беспокоить.

Она тихо хмыкнула, словно жалуясь во сне.

– А при чем тут счастье? Я не позволяю счастью влиять на мои решения с тех пор, как... Я смирилась, Том. Вот что произошло. Я нашла свой путь. – В ее голосе снова появились холодные нотки. – Когда решаешь принять свою судьбу, от этого не всегда становишься счастливым, но зато появляется... уверенность. Она меня успокаивает. Или, по крайней мере, не испытывает на прочность.

Он дернулся от желания спорить. Одно дело – предоставить ей возможность жить счастливо, и совсем другое – наслаждаться скудными радостями уверенности.

– Я знаю, что не имею права судить, но мне кажется, этого недостаточно. Только не для тебя. Я не могу предложить тебе жизнь, подобную твоей сегодняшней – славу, богатство, уверенность, – но я постараюсь, я буду стараться изо всех сил, чтобы сделать тебя счастливой.

– В этой жизни есть много прекрасных вещей, – сказала она, словно читая сценарий. – Я играю на пианино и пою от всего сердца, и всегда есть какое-нибудь событие, которое нужно посетить. Скучать некогда. Это не разрешено. И я, наверное, уже привыкла к тому, что кто-то стирает, готовит еду, застилает постели и...

Повозка остановилась, и они ударились о страховочную перекладину. Сенлин посмотрел вниз и увидел, как высоко они забрались. Почему-то остановка делала высоту невыносимой, и, несмотря на месяцы, проведенные на борту воздушного корабля, у него закружилась голова.

– У тебя есть свеча? – спросила Мария. Сенлин посмотрел на нее с замешательством. – Стеклянная трубка, которую дали у двери. Она при тебе?

Наконец-то вспомнив об этом, он ощупал карман и вытащил цилиндр. Сделав это, он увидел, что их повозка остановилась на темном участке дороги. Он огляделся и нашел причину: один огонь в смоделированной башне перегорел. Сенлин поднял стеклянную пластину над устройством. Потемневший цилиндр, очень похожий на тот, что он держал в руке, лежал в гнезде между двумя медными контактами. Он вытащил отработавшую свечу и заменил новой. Проволочный ус в центре стеклянной трубки тотчас засветился. Как только Сенлин закрыл стеклянный лючок, их повозка вновь покатила вверх.

Он сунул потухшую свечу в карман, решив, что это и есть настоящая цель поездки: заменить мертвые звенья в какой-нибудь более крупной цепи. Зодчий или Сфинкс снова попытались спрятать необходимую деятельность под завесой развлечения.

– А ты ее любишь? – спросила Мария, и потрясенный Сенлин отвлекся от раздумий.

Он посмотрел на нее, свою незнакомку-жену, и пожалел, что у него нет полного ответа, который уместился бы в слова «да» или «нет».

– Она была хорошим другом и терпела все мои глупости.

Она рассмеялась в ответ:

– Основа любых хороших отношений!

– Но я не могу отдать ей сердце, Мария, потому что оно все еще принадлежит тебе. Мне очень, очень жаль, что...

– О Том, так нельзя. У нас нет времени. Если бы у нас были дни, недели – еще ладно. Однако поездка почти закончилась.

И действительно, когда он поднял взгляд, то увидел, что их спиральный путь вверх подходит к концу. Крошечные фигурки, возводящие Башню, исчезали, их очертания не были вырезаны так глубоко, края расплывались, как будто их стерли или прикрыли облаком. На вершине буйные узоры на фасаде Башни перешли в безликую гладь, но Сенлин не мог сказать, осталась ли она незаконченной или такова настоящая вершина этого мира – ластик на конце карандаша.

– Уверена, что хочешь остаться? Если хочешь уйти, это не значит, что ты должна вернуться ко мне или в Исо. Можешь выбрать другую жизнь. Любую жизнь, какую пожелаешь. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. Просто скажи.

Она коснулась его щеки. То, что могло бы показаться интимным жестом в другом месте и другое время, здесь походило на прощание.

– Иди домой, Том. Или иди к ней, кем бы она ни была – к той, которая терпит твои глупости. Я возвращаю тебе твое сердце. Сделай ее счастливой. Построй себе дом. Если ты пришел за отпущением грехов, ты прощен.

Рельсы вывели их в ничем не приукрашенный туннель. Свет в конце пути становился все ярче. Она, казалось, успокоилась, хотя в душе Сенлина все клонилось к войне. Неужели он упустил единственную возможность? Может быть, он говорил слишком много или слишком мало? Будет ли он через двадцать лет вспоминать этот момент как решающий промах всей жизни?

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Я знаю, что это так. Ты бы не пришел сюда, не рисковал бы так сильно, если бы не любил. От всего сердца. Но дело не в нас, Том. Речь идет о жизни и сердцах других людей. Ради них – и ради меня тоже – я хочу, чтобы ты убрался отсюда как можно дальше. Пожалуйста.

Отдаленное урчание Придворного Круга превратилось в рев, когда повозка выехала из туннеля. Герцог и его спутники увидели их и подняли радостный крик. Вагончик остановился, и Вил протянул Марии руку. Она вышла легко, с совершенно бесстрастным лицом, в то время как Сенлина грубовато вытащили друзья герцога и принялись пожимать ему руку, трясти за плечи и пихать локтями. Они заметили, как он побледнел. Они заявили, что он весь мокрый и дрожит, словно новорожденный, что привело компанию в восторг. Когда его отпустили, Сенлин покачнулся.

– Ну и что же? – спросил Вильгельм Марию, притягивая ее к себе. – Что скажешь, дорогая? Сирил привел убедительные доводы?

Мария взглянула на лишенного маски, шатающегося «боскопа», которого, казалось, вот-вот стошнит.

– Я бы не поручила этому человеку управлять тележкой с носками, – сказала она, и все завывало от восторга.

Вскоре Сенлин извинился и снова сослался на свою хрупкую конституцию, которую веселая петля вывела из равновесия. Он сообщил несколько неприятных подробностей, которые никто не пожелал слышать, и герцог проводил его к выходу под аккомпанемент ехидных возгласов «ура».

Прежде чем оставить его за воротами, герцог предложил Сенлину некоторое, по-видимому искреннее, но неуместное утешение:

– О, не беспокойся, Сирил. Мы еще не слышали ее последнего слова. Она еще передумает. Приходи завтра в Клуб. У меня будут новости получше.

Сенлин вернулся в «Бон Ройял». Отперев дверь, он на мгновение решил, что ошибся комнатой: все следы его истерики и стопки газет исчезли. Но тут он увидел два испорченных сюртука, висевших на стене, и нашел на комодке счет за уничтоженные архивные экземпляры «Ежедневной грезы», который составил тринадцать мин.

Тринадцать мин. Ему вновь стало стыдно. Он пришел в Башню с меньшим количеством денег в кармане. Такая сумма могла бы кормить его команду в течение многих месяцев, причем кормить хорошо. И он разорвал ее на части в порыве потакания слабостям.

Ослабив галстук, он плюхнулся на кровать. Прощальные слова Марии эхом отдавались в ушах: «Речь идет о жизни и сердцах других людей». Он снова увидел, как она взяла Вила за руку, когда он помогал ей выбраться из повозки. Он видел, как рука красивого герцога

обвилась вокруг ее талии, видел улыбки, которыми они обменялись у всех на глазах, как это случается с парами, чьи узы крепки.

Сенлин вздрогнул. Он не спаситель. Он вуайерист или кое-кто похуже. Он вор.

Вскочив, он с треском открыл крышку коробки из-под сигар и развернул посыльных Сфинкса. Повернул голову мотылька.

– Ну ладно, Байрон. Надеюсь, ты помнишь мою просьбу. Обещаю, что это единственный раз, когда я злоупотреблю твоим расположением, но прошу, пожалуйста: я хотел бы сказать несколько слов Эдит, и только ей. Спасибо, Байрон. Ты хороший друг.

Сенлин сделал паузу и прижал записывающее устройство к груди.

Раздвинув занавески на балконных дверях, он посмотрел сквозь светящееся стекло на ряд балконов напротив собственного. Каждый казался отдельной маленькой сценой с актерами, сюжетом, драмой и кризисом. Независимо от того, смотрел кто-нибудь или нет, значило это что-то или нет, игроки изливали свои сердца, чтобы те не разорвались в груди.

Сенлин закрыл глаза, глубоко вздохнул и заговорил:

– Дорогая Эдит...

Глава двенадцатая

*Чтобы отбелить цвет лица, можно сделать небольшое кровопускание. С нашим бледным городом все обстоит именно так.
Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»*

Впервые за долгое время Сенлин проспал всю ночь. Некто свыше избавил его от мучительных дурных снов и лихорадочных размышлений, а когда он проснулся, то ощутил прилив сил и оказался в комнате, освобожденной от бумажных призраков прошлого.

Он понимал, почему Мария предпочла стабильную, пусть и несовершенную, жизнь испытаниям: побегу; необходимости привыкать к его изменившемуся характеру; невозможности предугадать, сможет ли их прежний дом когда-нибудь снова стать домом. Он не винил ее за то, что она выбрала герцога. Да, Вильгельм немного властен и, возможно, чересчур честолюбив, но он достаточно мил и несомненно увлечен ею. И что еще важнее, Сенлин получил ее ответ; он знал, чего желает ее сердце. После года мучительной двусмысленности даже уверенность в отказе казалась подарком. Его переполняло радостное чувство облегчения.

Тем утром выбравшееся из своей банки из-под маринада механическое солнце, казалось, сияло ярче обычного. Пробираясь через запруженную народом площадь, он не думал ни о Марии, ни о герцоге, ни о Сфинксе, ни о Марате, ни даже о Тарру, которого и без того забыл. Он думал лишь об Эдит. Он нарисовал себе их воссоединение на борту «Авангарда». Он представлял себе, что они скажут друг другу. Он любовался этим мгновением, пока оно не затмило их обоих, возможно, даже их чувства. Он знал, все еще ощущая отказ Марии, случившийся так недавно, что это желание – постыдное потворство самому себе, все равно что вино по утрам или целый день в ванне. Но ему было все равно. Казалось, что старый директор школы Исо умер и он наконец-то обрел свободу.

Сенлин отправился в Колизей – скорее по привычке. Конечно, новый день принес новое зрелище и толпу, преградившую путь. И вскоре его обступили мальчишки-газетчики, размахивающие газетами и выкрикивающие заголовки в таком пылком соперничестве друг с другом, что Сенлин не мог различить ни одной осмысленной фразы. Девушки в белых чулках с бантиками в волосах продавали пакетики с изюмом и миндалем. Люди на ходулях шагали над толпой, как водомерки по пруду. Они предлагали дешевые деревянные перископы желающим заглянуть поверх голов соседей.

Сенлин был не в том настроении, чтобы провести утро в подобном людском болоте, и не изменял своим намерениям. Всякий раз, когда кто-нибудь оборачивался и бросал на него недобольный взгляд за то, что толкался или наступал на пятки, он дергал себя за лацкан, выставляя значок Клуба, словно некий официальный символ. Чаще всего уловка срабатывала, и горожане расступались перед ним.

Оказавшись на переднем краю, Сенлин с удивлением обнаружил генерала Эйгенграу, стоявшего в центре скопища. Неподалеку от генерала из белой булыжной мостовой торчала, как бородавка, стена из бута, покрытая пятнами известкового раствора. Шестнадцать солдат в парадных мундирах стояли неподалеку, держа винтовки наготове. Их черные шапки были украшены золотыми медальонами, черными помпонами и желтыми плюмажами. Они больше походили на раскрашенных кукол, чем на бойцов.

– Мистер Пинфилд! – сказал генерал Эйгенграу, заметив «боскопа» прежде, чем Сенлин успел решить, хочет ли он этой встречи. Высокий рост, широкие плечи и узкая талия делали генерала похожим на клин для раскалывания дров. Казалось, он не столько стоял на земле, сколько пронзал ее насквозь. – Я слышал, вчера вечером вы покатались на нашей веселой петле. Как она вам понравилась?

Сенлин удивился, обнаружив, что слух распространился так быстро, да и вообще – распространился. Какое значение имеет для генерала тошнотворный вечер одного туриста? Но он довольно быстро понял подтекст: Вильгельм и Эйгенграу недавно говорили о нем.

– Это было ужасно! – сказал Сенлин, взмахнув носовым платком. – Я вообще не понимаю, в чем прелесть аттракциона. Все равно что тебя бы заперли в бочке и сбросили с лестницы. – Он высморкался и внимательно посмотрел на результат. Губы генерала скривились от отвращения. – Вил сказал, что вы действительно задержали убийцу.

– Да. И вы как раз вовремя, чтобы увидеть завершение дела.

– Здесь что-то вроде публичного зала суда?

– Для нас это пройденный этап. Вот то, что мы называем Стеной Воздаяния. Именно возле нее исполняются приговоры.

– Приговоры? – переспросил Сенлин, опасаясь, что уже знает ответ.

– Казни. – Эйгенграу произнес это слово с какой-то формальной искренностью.

Сенлин узнал этот тон. Он часто разговаривал так с родителями, которые приходили жаловаться на плохие отметки ребенка. Это был тон взаимного сожаления и личного сочувствия – тон, который говорил: «Я так же разочарован, как и вы».

Известие вызвало множество вопросов: кто же опознал убийцу? Кто защищал обвиняемого на суде? Всегда ли в Пелфии правосудие свершалось так быстро, или столь поспешно поступали только с ходами?

Прежде чем Сенлин успел решить, с чего начать расспросы, их прервал человек с кожаной сумкой и диковинной трехногой коробкой. На одной стороне коробки был нос-гармошка, оканчивающийся ноздрей, прикрытой медным колпачком. Противоположную сторону ящика задрапировали черным плащом. Молодой человек был одет в коричневый костюм со слишком короткими рукавами, его каштановые кудри ниспадали и раскачивались, как уши кокер-спаниеля. Он спросил генерала, где ему установить оборудование. В ответ Эйгенграу организовал свой отряд несколькими короткими словами. Стало очевидно, что солдаты отлично вымуштрованы. Они образовали прямую, как карандаш, линию, параллельную каменной стене. Молодой человек поставил треножник так близко к концу шеренги, что казался ее частью.

– Это называется «камера», – сказал генерал Сенлину с доверительным восхищением. – Она запечатлевает свет, тени и формы. Создает физическую запись момента во времени. Разве это не изумительно? – Генерал положил руку на рукоять своего длинного пистолета. – Скоро я смогу запереть целый флот, крепость, даже битву внутри одной фо-то-гра-фи-и, – продолжил он, тщательно выговаривая каждый слог незнакомого слова. – Я смогу пересчитать орудия на вражеском военном корабле, не выходя из собственного дома. Только представьте себе! Эта маленькая коробочка с гармошкой навсегда изменит наш способ ведения войн.

– Прекрасно, – произнес Сенлин без всякого энтузиазма.

Фотограф снял крышку с объектива камеры и спрятал голову под плащ. Что-то в его сгорбленной позе напомнило притон крошкочманов, где мужчины и женщины сидели, спрятав головы под матерчатými салфетками, и вдыхали пьянящие испарения, скрывая свой позор.

– Пока еще технология ненадежна и качество изображения разнится. Но газеты оно устраивает, и они возглавляют атаку, нацеленную на получение лучших фу-та-гра-фий. – Сенлин заметил, что генерал произнес это слово по-другому, но счел за лучшее не вносить поправку. – Сейчас «Ежедневная греза» использует для всех публикаций гравюры, но в ближайшем будущем нас ожидают страницы за страницами снимков: весь мир, разрезанный на ломтики и доставленный к порогу. – Они наблюдали, как фотограф осторожно извлек из сумки квадратную панель и вставил в камеру. – Знаете, они обычно посылали художника, чтобы рисовать казни. Просили оставлять тела осужденных, чтобы подпереть их и закончить рисунок. Отвратительно, честное слово.

– Сэр, нельзя ли выстроить субъектов в шеренгу? Мне нужно сфокусировать камеру.

– Разумеется!

Эйгенграу крикнул сержанту, стоявшему у каменного барьера, чтобы тот вывел осужденных. Закованные в кандалы ходы ждали за Стеной Воздаяния. Появление ходов сделало то, что удавалось немногим зрелищам в Пелфии, – объединило и сфокусировало толпу. Взрыв негодующих воплей был настолько сильным и внезапным, что Сенлин содрогнулся.

Головы у заключенных были свежесбрированы. В остальном они мало походили друг на друга. Их кожа была разных цветов. Один хромал от старости. Другая, казалось, еще не вполне выросла: железные кандалы болтались на худых, как палки, руках и ногах. Одни ходы смотрели на ревущую толпу – лоточники на ходулях, сверкающие линзы перископов – с выражением, которое варьировалось от паники до гнева и замешательства. Другие устали в землю перед собой, будто стояли на краю обрыва. Один стоял с кляпом во рту, руки его так крепко сковали за спиной, что грудь выпирала, словно лемех плуга. Некоторые ругались. Некоторые плакали. Всего их было одиннадцать, и ни один не оказался убийцей, которого Сенлин видел в переулке.

– Генерал, я думаю, что произошла ошибка. Среди них нет убийцы.

– Неужели? Вы уверены? Смотрите, этот ход идеально подходит под описание. – Эйгенграу указал на старшего хода.

Его темная, как зола, кожа туго обтягивала крупный костяк.

– Нет, это совсем не он. Совершенно не он. Вызовите судью. Я сейчас же засвидетельствую это. – Сенлин с трудом продолжал играть роль неуклюжего, мягкотелого боскопа.

Захлестнувшие его чувства лишь усилились, когда фотограф вышел из-за камеры и начал приказывать осужденным ходам немного подвинуться в ту или иную сторону, поменять позу, поднять или опустить подбородок. Ходы повиновались, двигаясь оцепенело и недоверчиво.

– Ну, он сознался в содеянном, так что мы теперь, на самом деле, ничего не можем сделать.

– Но кто же все эти другие люди?

– Мистер Пинфилд, неужели вы действительно так плохо разбираетесь в основных положениях закона, относящихся к ходам? – Эйгенграу отбросил свой короткий плащ в сторону, чтобы добраться до кармана на талии. Он достал маленькую записную книжку и заглянул в нее. – Общее состояние мистера Кавендиша и мистера Брауна, включая все их активы и вычитая немалые обязательства, составило двести девятнадцать мин, восемь шекелей и одиннадцать пенсов. Общий долг этих заговорщиков составляет ровно двести девятнадцать мин, восемь шекелей и одиннадцать пенсов. Их смерть уравнивает бухгалтерскую отчетность.

– В этом нет никакого смысла! У этих ходов есть кредиторы. Разве вы не крадете деньги из их кармана?

– Сэр! Каждый понимает, как рискованно держать счета, по которым задолжал ход. Ходы все время гибнут. Старая жила полна костей. Есть ли в Башне что-нибудь более редкое, чем ход, который прожил достаточно долго, чтобы полностью выплатить долг? Каждый законопослушный гражданин разделяет бремя ходов. Это наш гражданский долг.

– Но вы только посмотрите на нее! – сказал Сенлин, указывая пальцем на девушку у стены. Ее узкая грудь была обмотана грязной и грубой тканью, которая не годилась даже на мешок. – Сколько ей? Четырнадцать, может быть, пятнадцать лет? Какое же правосудие могло привести ее сюда, к такому исходу?

Эйгенграу посмотрел на Сенлина с жалостливой улыбкой. А потом заговорил таким снисходительным тоном, что «боскоп» ощутил: он готов расстаться с жизнью, лишь бы стереть самодовольное выражение с лица этого человека.

– Мистер Пинфилд, не я довел эту девушку до нищеты. Я не давал ее родителям права рожать ребенка, которого они не могли содержать. Я не приказывал им накапливать долги, которые они не могли вернуть. И не я продал их ребенка, как свинью на рынке, в ходство. –

Видя, что объяснения не смягчили выражение лица Сенлина, говорившее о смятении и душевных муках, генерал обнял «боскопа» за плечи и сказал: – Возможно, это поможет: думайте о правосудии как о своего рода моральной бухгалтерии. Как и бухгалтерский учет, правосудие нельзя искажать, подстраиваясь под оправдания, невезение или благие намерения. Правосудие подводит итог: прямой, ясный и недвусмысленный. Мой долг – свести дебет с кредитом. Я отвечаю за людей, которые не отвечают за себя. Я уже смирился с этим фактом. Я не жду, что меня будут обожать за работу, которую делаю, за жертвы, которые приношу. Добродетельность – награда сама по себе.

– И сколько же?

– Прошу прощения?

– Сколько должна эта молодая леди? В чем состоит ее долг?

С величайшей терпимостью Эйгенграу сверился с записной книжкой:

– Одиннадцать пенсов.

– Оди... – У Сенлина сдавило горло, и он не смог договорить. До него дошло, что девушку выбрали только потому, что ее долг соответствовал предъявленному счету. В глазах закона она была всего лишь горсткой мелочи, сдачей. Он вытащил бумажник. – Что ж, я заплачу. На самом деле, я заплачу за них всех. Возможно, мне потребуется день или два, чтобы собрать деньги, но я уверен, что вы знаете – у меня это хорошо получается.

– Мистер Пинфилд... Сирил, – сказал Эйгенграу и положил длинную, изящную кисть на плечо Сенлина. – Это не твоя вина. Я думаю, что ты немного травмирован произошедшим. Я так привык видеть смерть, что иногда забываю: не все люди могут смотреть на нее спокойно. Даже если ты выплатишь долги этих ходов, мне все равно придется привести других, чтобы выплатить долг крови, который также причитается. Это тяжелая работа для настоящих мужчин. Может быть, тебе лучше уйти до того, как...

– Все хорошо! Я готов! – объявил фотограф.

Сержант приказал отряду подготовиться к стрельбе. Шестнадцать стволов взметнулись вверх, нацелившись на приговоренных. Фотограф поднял небольшую кювету на держателе. Желобок для вспышки был устлан порохом.

– Может быть, сосчитаем до трех? Это было бы очень полезно. Они должны стрелять одновременно со вспышкой.

– Подождите! Стойте! – Сенлин высвободился из хватки генерала и ринулся к фотографу, чтобы удержать его, заткнуть ему рот рукой, если придется.

Но прежде чем начался подсчет, черный порох в желобке для вспышки воспламенился с ударным хлопком. На рукаве сюртука Сенлина запрыгали искры. Сержант выкрикнул команду через долю секунды. Удары свинцовых пуль, врезавшихся в плоть и кости, почти не были слышны из-за треска выстрелов. Некоторые ходы застыли, как будто раны пригвоздили их к стене. Другие повалились на землю, натягивая цепи. Девушку ранили в легкое. Хотя вес прочих тел и кандалы влекли ее вниз, она изо всех сил старалась удержаться на ногах.

Но шок, позволивший игнорировать рану, длился недолго. Из дыры в ее груди потянулась красная лента, подгоняемая затихающими ударами сердца. Она закашлялась темной кровью. Ноги ее подкосились, и она упала рядом с мертвецами.

Сенлин попытался сбить пламя, бегущее по рукаву. Видя, что у него нет другого выхода, кроме как снять горящую одежду, он бросил ее на землю и затоптал огонь. Он стоял над дымящимся сюртуком, тяжело дыша от страха и ярости.

Под чашей небосвода все еще грохотало эхо выстрелов. Толпа молчала.

Фотограф повозился с камерой и нахмурился:

– Я не успел снять. Мы не могли бы подпереть их и попробовать еще раз?

Глава тринадцатая

Я никогда не отвечаю на приглашения. От этого несет отчаянием. Единственное событие, на котором я обязательно буду присутствовать, – мои похороны, и я надеюсь прибыть с большим опозданием.

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Как обычно, сэр? – спросил Йоахим.

– Нет. Нет, – сказал Сенлин, чувствуя, как его тошнит от мысли, что придется давиться еще одним стаканом теплой, как кровь, воды. – Ром. Большую порцию. Ведро с ромом, пожалуйста.

Если бармен и удивился такой перемене в характере «боскопа», то никак этого не показал. Он принес большой стакан, до середины наполненный прекрасным ромом с ароматом дуба, но Сенлин не оценил сложный букет. Он осушил стакан в три глотка.

После казни Сенлин вернулся в свою комнату, чтобы снять обгоревший сюртук и надеть что-то другое. У него не было выбора, кроме как нацепить смокинг, который он носил накануне вечером и который казался слишком вычурным для столь раннего часа. Хотя какое это имело значение? Какое значение имеет вся эта модная чепуха?

Сфинкс выслеживала опасных заговорщиков, в то время как столько зла творилось в открытую. Конечно же, грядет революция! Разве может быть иначе? Сенлин яростно возражал против средств и эгоистических мотивов Марата, но он не мог спорить с тем, что перемены назрели. Потребность в них была так велика, что на самом деле оказывала ошеломляющее воздействие на дух. Как можно надеяться изменить культуру, спасти целый класс? И зачем пытаться, если проще согласиться с прагматизмом Эйгенграу? Зачем спасать одну девушку, когда на ее месте окажется другая? Зачем спасать кого-то, если невозможно спасти всех? Дерево истории гниет быстрее, чем растет. Башня рушится быстрее, чем ее можно починить. Любые попытки предотвратить неизбежный крах не только тщетны, но и наивны.

Нет. Сенлин не мог из-за цинизма пойти на сделку с совестью. Возможно, он не в силах спасти всех ходов, но он может хоть что-то сделать для одного. Он должен спасти одного.

– Йоахим, кто из членов Клуба владеет Железным Медведем?

– Маркиз де Кларк, – сказал бармен, снова наполняя бокал «боскопа», без просьбы.

Сенлин не стал возражать и отпил. Он надеялся найти человека более низкого ранга – графа или барона.

– А что за человек этот маркиз?

– Знаменит своими вечеринками. У него есть дочь – старая дева, которую он хотел бы выдать замуж, и в придачу самый большой барный счет из всех здешних гостей.

– Ага! – сказал Сенлин, поднимая бокал за луч надежды.

Возможно, маркиз нуждался в средствах.

– Он очень привязан к своему бойцу, – продолжал Йоахим. – Медведь приносит ему много денег. Он проиграл только один матч, несколько месяцев назад. Маркиз был в ярости. В тот вечер он заключил крупное пари на Медведя и был не в том настроении, чтобы его выплачивать. Маркиз тайком пронес в клуб пистолет – что, конечно, совершенно против правил – и застрелил бы своего бойца прямо на арене, если бы его не удержали. – Йоахим коротко рассмеялся, хотя Сенлин сомневался, что это была шутка. – С тех пор Железный Медведь ни разу не проигрывал.

– А сколько обычно стоит боец?

– Ну, я видел, как чемпионов в припадке гнева продавали всего за один шекель, а иногда и за тысячу мин.

– На такие деньги можно купить яхту!

– Конечно, можно. Но на самом деле нет никакого способа узнать, сколько стоит чемпион, пока деньги не перейдут из рук в руки.

Сенлин размышлял обо всем этом, потягивая ром. После всех счетов и взяток у него оставалось сто девяносто четыре мины от суммы, которую выдала Сфинкс, но этого было недостаточно, чтобы купить любимого бойца маркиза.

– Когда у Железного Медведя следующий бой? – спросил Сенлин.

Йоахим сверился с программой, спрятанной за стойкой бара, и прищурился с видом человека, который не желает признавать, что достиг среднего возраста.

– Он дерется сегодня вечером. В семь часов. Против Джинна. Должно быть, настоящий здоровяк.

– Не найдется карандаша и бумаги? Мне нужно нацарапать записку.

К удивлению Сенлина, бармен достал целый набор для письма. Он открыл лакированную шкатулку, в которой содержались чернильница, канцелярские принадлежности двух цветов, конверты, коллекция перьев и палочки красного воска для печатей. Отказавшись от излишеств, Сенлин выбрал один лист и карандаш, чтобы составить послание.

Дорогой Джон,

я хочу купить твою свободу, но привычка побеждать делает тебя недоступным в финансовом смысле. Если твой послушной список будет запятнан сегодняшним вечерним выступлением, думаю, мне удастся убедить хозяина расстаться с тобой. Надеюсь, ты все еще доверяешь мне, по крайней мере настолько, чтобы позволить вернуть мой долг.

Поищи меня на перилах Клуба.

С уважением,

Самый мрачный угрюмец в кафе «Риссо»

Сенлин сложил записку и пообещал Йоахиму, что через минуту вернется с карандашом.

Он спустился в вестибюль и присоединился к шумному потоку людей, прибывающих на ранние бои. Трибуны только начали заполняться, так что Сенлин без труда подошел к потертому деревянному ограждению, отделявшему их от арены. Наклонившись, он показал монету в пять шекелей молодому парню, разгребавшему красную глину. Прислужник подобрался достаточно близко, чтобы Сенлин мог сделать предложение: если он передаст записку Железному Медведю и вернется с ответом, монета достанется ему. Парень огляделся и, решив, что это безопасно, взял бумагу и карандаш и исчез в служебном туннеле.

Дождаясь возвращения молодого человека, Сенлин наблюдал, как птицы спускаются с купола к подножию трибун и клюют мусор в поисках объедков. На соседнюю скамейку запрыгнула сорока с зажатой в клюве монеткой. На мгновение Сенлину показалось, что птица в смокинге предлагает ему монету в качестве чаевых, но сорока расправила крылья и улетела.

Ожидание было очень нервным. Сенлин задался вопросом, не написал ли он только что первую улику для суда над самим собой. Даже если молодой гонец не передал записку стражнику Колизея, вполне вероятно, что предпочтения Тарру изменились за время, проведенное на Черной тропе. Возможно, он связался с фанатиками Марата и поклялся в верности Королю Ходов. Возможно, он научился лепетать на их непостижимом языке. Бывший товарищ Сенлина по кафе мог погубить его одним словом. Сенлин содрогнулся при этой мысли, и тут букмекер в белом фартуке забрался на скамейку и объявил о сегодняшних боях через потертый рупор.

Прислужники стерли собственные следы, отступая в туннели. Тяжелые решетки закрылись за ними с окончательностью, которая сама по себе казалась ответом: Тарру не присоединится к нему в новом заговоре.

Глупо было посылать записку Джону. Лучшее, на что сейчас мог надеяться Сенлин, – это сбежать до того, как гонец опознает его перед стражниками. Он выскочил в вестибюль, ожидая увидеть там бюстительницу с грудью-чайником, поджидающую его. Но вестибюль был пуст, если не считать букмекеров, буфетчиков и одного-двух пьяниц. Приветственные крики с арены разнеслись по вестибюлю, словно насмешка.

Сенлин уже собрался рвануть к выходу, когда из двери за будками для ставок появился молодой прислужник. Юноша подбежал к нему, протягивая сложенную бумажку и карандаш. Он забрал свою плату и без единого слова удалился тем же путем, каким пришел.

Стоя посреди безлюдного вестибюля, Сенлин чувствовал себя как на ладони и потому отошел на периферию, где оперся о толстую колонну. Он развернул листок и прочел:

Дорогой Угрюмец,

не могу поверить, что ты еще жив. Молодец, и поздравляю с тем, что удача так долго не отворачивается от тебя! И все же я не забыл, что случилось в прошлый раз, когда я связал свою судьбу с твоей. Часть меня совершенно уверена, что одного приключения с тобой хватит на всю жизнь. Впрочем...

Я не знаю, директор. Я не знаю.

Полагаю, мое решение будет достаточно ясным. Если увидишь, как из меня выбьют дух на арене, знай, что я решил попытать счастья с тобой. Да поможет мне небо. Да поможет небо нам обоим.

Дж. Т.

Сенлин приготовился к ответу «да» или «нет», но не был готов к «может быть». Возможно, ему следует смириться с крахом и отправиться в порт. «Авангард» появится достаточно скоро. Он мог признать свое поражение, вернуться с пустыми руками и надеяться, что Сфинкс удовлетворится его незначительными успехами в шпионаже. Или же он мог надеяться, что Тарру примет его предложение, откажется от битвы и позволит отвоевать себя у маркиза. Конечно же, Сфинкс не будет жаловаться на возможность побеседовать с ходом, который провел так много времени в Колизее. Если бы ему удалось вытащить Джона, все были бы счастливы, и больше всего Тарру.

Он уставился в пол, обдумывая этот вопрос. Красные линии на мраморе были тонкими, как прожилки налитых кровью глаз. По всему основанию колонны были разбросаны десятки крупных кусков штукатурки разных оттенков розового, серого и белого. Сгорая от любопытства, он наклонился и подобрал один. Еще не успев выпрямиться, он увидел, что это бумажное крылышко бабочки, раскрашенное под камень. Он стоял посреди кладбища шпионов Сфинкса.

Он обошел эту колонну, потом другую и, хотя нашел еще много крыльев, не обнаружил ни одной заводной грудной клетки. Все записывающие устройства исчезли.

Вывод был достаточно ясен. Кто-то ловил бабочек Сфинкса, отрывал крылья и прятал записывающие устройства. Тот факт, что он нашел крылья в вестибюле, оправдывал ходов, которым не разрешалось здесь бродить. Таким образом, наиболее вероятными подозреваемыми оставались члены Клуба и их подчиненные. А как они ловят бабочек? Он попытался представить охранников, бегающих по вестибюлю с сачками. Независимо от того, как это делали, улики не давали никакого ответа на более насущный вопрос – почему? С чего бы Клуб пошел на такие крайние меры, чтобы уничтожить бабочек? Сенлин не видел никаких свидетельств того, что герцог или его соотечественники уделяли Сфинксу хоть малейшее внимание. Сфинкс был для них не более чем диковинкой.

Оторванные крылья прогнали всякую мысль о преждевременном побеге. Он не только должен дать Тарру возможность принять решение – Сенлин к тому же чувствовал, что обязан ответить хотя бы на некоторые вопросы Сфинкса.

Определившись, Сенлин вернулся в клуб и снова занял свой табурет у стойки. Он попросил Йоахима показать ему маркиза де Кларка, когда тот появится, но бармен заверил, что в этом нет необходимости – маркиз продемонстрирует себя сам.

Так и случилось. Час спустя лакей в мягкой фуражке поднялся по лестнице клуба и театральным тоном объявил:

– Самый благородный, завидный, безупречный и любезный маркиз де Кларк!

Сенлин повернулся на табурете, чтобы посмотреть на этого человека. Маркиз был одет в сюртук с длинными узкими фалдами и белые чулки, подчеркивающие опухшие колени. Его брюшко выпирало из-под оранжевого жилета, а маленький белый парик сидел на внушительной лысой голове, как крышка на заварочном чайнике.

Своим дыханием маркиз согревал каждый уголок Клуба. Он обошел все столы один за другим, перебивая разговоры одной и той же бесконечной фразой, которая, казалось, началась утром, едва он проснулся, и лишь вечер и сон могли поставить в ней точку. Сенлин понял, что никто в этой комнате не любил маркиза и вполосину так сильно, как он сам любил себя.

Сенлин спросил Йоахима, что пьет маркиз, и не удивился, узнав, что тот предпочитает исключительно редкую и дорогую разновидность перидота. Сенлин заказал два фужера со сверкающим напитком, а затем перехватил де Кларка как раз в тот миг, когда маркиз почти исчерпал членов клуба, которых мог изводить своим остроумием.

– О, ваша светлость, для меня большая честь наконец-то познакомиться с вами, – сказал Сенлин, протягивая маркизу бокал.

При ближайшем рассмотрении Сенлин увидел, что маркиз сильно накрашен. Его лицо походило на фарфоровую маску, разбитую вдребезги и склеенную вновь – и так много раз.

За мгновение до этого маркиз описывал отдачу своей самой новой винтовки – дескать, бьет, как мул копытом, – но прервался на полуслове, уставившись на Сенлина.

– Это перидот «Делюкс Резерв: Rosa Absentia»? – Он сунул свой поросячий нос в бокал и втянул аромат. – О, так и есть! Вы мне нравитесь, сэр! А как вас зовут?

Сенлин представился и заметил, что маркиз увидел булавку на его лацкане. Как только де Кларк узнал, что мистер Пинфилд стал новым членом сообщества, он начал бессвязно рассказывать о достижениях «Клуба талантов», которые касались и его собственного вклада. После нескольких минут улыбок, кивков и скромных возгласов удивления Сенлин вставил вопрос о бойце маркиза.

– Я не уверен, что вы согласитесь на частное пари, но...

– Сирил! – воскликнул маркиз, обходясь без формальностей. – Специальные ставки – лучшие ставки. Остальное – это просто выплата зарплаты букмекеру. Что ты предлагаешь? Десять? Двадцать мин? – Маркиз подчеркнул эти слова, отхлебнув из фужера со стремительностью колибри.

– Конечно, если это больше соответствует вашему бюджету... – сказал Сенлин.

Маркиз поджал покрасневшие губы:

– Бюджет! Какое мерзкое слово! Речь о другой цифре?

– О ста девяноста минах.

– При ставке четырнадцать к одному? Ты что, с ума сошел? Мне пришлось бы заплатить, хм... – Маркиз щелкнул пальцами лакею, который достал из сумки маленькие счеты, с минуту перебирал бусины взад-вперед, а затем прошептал на ухо маркизу ответ. – Две тысячи восемьсот пятьдесят мин! – воскликнул маркиз.

– Я думал о другом пари, ваша светлость. Если Железный Медведь сегодня победит, вам достанется мой кошелек. Но если он проиграет, мне достанется Железный Медведь.

Впервые с минуты своего появления в Клубе маркиз де Кларк потерял дар речи. Борясь с собой, он потягивал перидот и лицом демонстрировал Сенлину карусель чувств, которые варьировали от подозрительности до восхищения, от удивления до отвращения.

Наконец маркиз объявил:

– Хорошо, я согласен на пари, но мы должны позволить Йоахиму держать деньги. Я не хочу гоняться за тобой по всей площади, когда ты проиграешь.

Сенлин согласился. Он отдал ставку бармену, который положил банкноты в тяжелый железный ящичек, очевидно специально предназначенный для этой цели. Йоахим оставил шкатулку на полке, под бдительным присмотром мраморного бюста с боа из перьев на благородной шее.

Размер ставки и привычка маркиза привлекать к себе внимание сделали передачу состояния Сенлина Йоахиму чем-то вроде клубного мероприятия. Члены Клуба стекались к бару, и когда маркиз провозгласил тост за свою неизбежную победу и поблагодарил «боскопа» за его пожертвование, все разразилось радостными возгласами и похвалами, а официантам пришлось потрудиться, разливая напитки и убирая за клиентами.

Когда из ликующей толпы вышел Вил, Сенлин вздохнул с облегчением. Герцог избежал от наиболее нетрезвых гуляк рукопожатиями и приветствиями, которые каким-то образом означали прощание. Освободив место, Вильгельм Гораций Пелл уселся на табурет рядом с Сенлином.

Герцог походил на человека, изо всех сил пытающегося скрыть тайну; его щеки подрагивали от сдерживаемой улыбки, а глаза сияли.

– Привет, Сирил! На тебе та же одежда, что и вчера вечером! Только не говори мне, что так и не вернулся домой. Неужели мы тебя испортили?

– Возможно. Я только что заключил пари, очень крупное пари, и это странно. Я видел счета многих людей, которые знают, что лучше не играть в азартные игры. В азартные игры играют только те, у кого либо слишком много денег, либо слишком мало. Моя жена будет в ярости!

– А как жена боскопа показывает свою ярость?

– Ну, в прошлый раз, когда я ей не угодил, она оставила мой террариум открытым, и все улитки выползли наружу. Мне потребовались недели, чтобы найти их всех.

– Чудовищно! – заявил герцог, откровенно забавляясь.

Он заказал изысканный коктейль под названием «Экстравагантный арбуз», для которого требовалось смешать разнообразные фрукты с темным ромом. Йоахим положил на стойку разделочную доску и нож для чистки овощей и начал готовить арбуз, лайм, клубнику и мяту со всем вниманием и заботой хирурга.

– Кстати, о женах, – продолжил герцог, – как и было обещано, настроение моей переменялось.

Сенлин нахмурился, пытаясь осмыслить неожиданную новость.

– Но вчера вечером ее отказ показался мне довольно... незбылемым.

– О, ты же знаешь женщин! – Герцог шлепнул ладонью по воздуху и подмигнул Йоахиму, который мигнул в ответ – мгновенно, как и подобает профессионалу.

– В смысле?

Чувство ясности Сенлина в отношении Марии затуманилось. Постукивание ножа бармена по доске действовало ему на нервы.

– Иногда приходится помогать им кое-что обдумать. Женщины очень хорошо видят детали жизни: секунды и минуты. Они сразу же замечают съехавший на сторону галстук, сонного лакея или золу на ковре. Но они не могут сделать шаг назад и окинуть взглядом месяцы и годы. У них нет такого видения. Они могут прекрасно спланировать ужин, но не войну. – Герцог сделал паузу, наблюдая, как Йоахим набивает фрукты в высокий бокал. Затем он снова посмотрел на Сенлина и игриво нахмурился. – Но почему у тебя такое лицо? Я думал, ты обрадуешься! Это отличная новость.

– Да, да, это так. Чудесные новости, – сказал Сенлин и растерянно улыбнулся. – Это просто удивительно. Как тебе удалось убедить ее?

– Твоя забота о моей жене трогательна, но, в самом деле, какое это имеет значение? Ты ведь не передумал, правда? – спросил герцог, и Сенлин заметил перемену в его поведении – взгляд потемнел, спина округлилась, как у кошки, загнанной в угол.

– Наверное, мне просто не хочется думать, что я приложил руку к тому, чтобы заставить ее что-то сделать...

Герцог схватил Сенлина за предплечье, лежавшее на стойке бара. Сенлин инстинктивно попытался отстраниться, но герцог дернул его, притягивая ближе.

– Некоторые друзья называют меня дураком за то, что я веду дела с боскопом. Они говорят, у тебя нет твердости духа, чтобы видеть все насквозь. Говорят, есть разница между подсчетом денег и их получением. Но я сказал им... – Герцог приблизил свое лицо к лицу Сенлина, казалось, они даже задышали в унисон. – «Нет, нет, нет – Сирил совсем другой, – сказал я. – У Сирила есть настоящие амбиции. У него видение магната, наместника, пелфийца. Он не из тех глупых болванов, которые прячутся за угрызениями совести, потому что слишком боятся сделать необходимое, слишком боятся взять желаемое». – Герцог стиснул руку Сенлина так, что кости хрустнули. – Ну что ж, Сирил, ты получил то, что хотел. А теперь радуйся.

Откровение пришло, как гильотина: нагрянула сбивающая с толку боль, растерзанные мысли понеслись куда попало, свет померк и смысл исчез.

Он совершил ужасную ошибку.

В своем стремлении подчиниться желаниям Марии, в своей решимости признать и объяснить собственные промахи он не сумел увидеть герцога таким, каким тот был на самом деле. Было много признаков того, что характер этого человека продиктован антипатией, привилегированным положением и той неуверенностью, с которой похвалы сами по себе не справляются, – неуверенностью, требующей компенсации в виде чужих страданий. Презрение Вильгельма к учебным заведениям и образованным людям; его терпимость к жестокости и равнодушие к несправедливости; его привычка издеваться и глумиться над всеми, даже над друзьями, – все это были отличительные черты хулигана.

Сенлин думал, что Мария отвергла его ради собственных интересов, но нет – она приказала бывшему мужу убраться как можно дальше, чтобы защитить *его* от герцога. Потому что знала, каков Вильгельм: он зверь. И Сенлин позволил себя очаровать. Его сердце болезненно жалось при мысли о том, каким образом герцог заставил ее передумать.

Вил отпустил руку Сенлина и с довольным вздохом откинулся на спинку кресла. Поправил цветок на лацкане пиджака. Его очаровательная улыбка снова расцвела.

– У меня для тебя сюрприз.

Сенлин почти не слышал его, да и не обращал особого внимания на голоса вокруг, которые становились все громче, и на суматоху позади, где двигались стулья и столы. Он был слишком занят, обдумывая, как помочь Марии сбежать. Он подождет, пока «Авангард» пришвартуется, а потом придумает предлог, чтобы отправить Марию в порт без сопровождения. Он скажет герцогу, что свежий воздух хорош для поддержания голоса, что солнечный свет улучшает диапазон, что птицы в небе – лучшие учителя пения из всех, и...

Внезапный стук барабанов прервал его размышления. Сагаты звякнули, зазвенели. Глиняный рог зажужжал, как оса. Сенлин повернулся на звуки музыки. Члены Клуба расступились, открывая музыкантов. Мужчины сидели, скрестив ноги, на старом ковре и играли на инструментах с безумным пылом. Три женщины, чьи сладострастные изгибы напоминали вазы, застыли посреди пустого места. На них были простые маски-домино и почти ничего больше. Золотые стропы обхватывали груди, юбки с разрезами обрамляли бедра. Безликость создавала ощущение иной, более тревожной наготы. Поскольку на уме у Сенлина была только Мария, эти выставленные напоказ женщины в масках вызвали у него такое сильное отвращение, что он

поморщился. Он снова попытался развернуться на табурете, но герцог схватил его под мышки и вынудил сесть лицом вперед.

– Нет, нет, Сирил. Не отворачивайся. Вот и сюрприз. Бурлеск в твою честь!

По неразличимому музыкальному сигналу замерзшие женщины оттаяли и начали танцевать. Их юбки хлопали и трепетали, оживленные движением бедер. Их руки сплетались в воздухе. Темп ускорился, подстегиваемый свистом глазающей толпы. Щеки валторниста раздулись, глаза превратились в щелочки, как от пчелиных укусов. Музыка изгнала сорок из гнезд, и птицы кружились в воздухе, сбрасывая черные и белые перья и тревожно крича. Безликие танцовщицы колыхались, как паруса во время шквала.

Музыка становилась все более неистовой, и женщины приближались к Сенлину. Герцог рассмеялся ему в ухо, поднимая на ноги. Он грубо толкнул «боскопа» вперед. Сенлин, пошатываясь, сделал шаг, потом остановился, и в горле у него застрял комок. Средняя танцовщица, сверкая глазами в прорезях маски, уставилась на него. Ее движения замедлились, как будто руки и ноги сами по себе засыпали, а затем она совсем перестала танцевать, хотя ее партнерши продолжали извиваться.

Она приблизилась к Сенлину, сначала неуверенно, потом стремительно быстро.

Она ударила его по лицу прежде, чем кто-либо успел остановить ее, а затем ударила снова, когда двое членов клуба рванулись, чтобы удержать ее. Она сорвала маску прежде, чем мужчины крепко схватили ее за руки. Даже когда они уже держали ее, она пнула Сенлина босыми ногами по ребрам.

Музыка запнулась, потом смолкла, и ее голос прозвенел во внезапно наступившей тишине:

– Ты чудовище! Ты убил его!

– Сирил, кто эта женщина? – спросил герцог, которого эта вспышка гнева лишь позабавила.

Сенлин посмотрел на нее. Знакомое лицо, но потребовалось некоторое время, чтобы восстановить в памяти детали. Потом он вспомнил летающий коттедж, украденные книги и доктора-идеалиста, который явился с дочерью в Башню, к маяку цивилизации, которой не существовало. Имя молодой женщины пробудилось в глубинах памяти, словно эхо. Ее звали Нэнси.

– Откуда вы знаете мистера Пинфилда? – спросил герцог у разгневанной танцовщицы.

– Никакой он не мистер! Он пират! – воскликнула Нэнси. – Это тот самый трус, который ограбил моего отца и разбил ему сердце! Украл его книги, его веру, его надежду! Ты убил его, Томас Сенлин! Ты убил его отчаянием!

Сенлин повернулся, чтобы посмотреть на хозяина праздника, и увидел, что тот улыбается с любопытством во взгляде. Казалось, он только очнулся от чудеснейшего сна.

– Вот это поворот, – сказал герцог.

Глава четырнадцатая

*Экстаз кроется в том кратком молчании в конце спектакля, когда представление уже закончилось, но аплодисменты еще не начались.
Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»*

Все в Клубе, казалось, застыли – наступил миг смятения и неуверенности. Они не понимали значения имени, которое танцовщица бурлеска выплюнула как проклятие, и не могли разгадать по жуткой улыбке герцога, что он думает об этом откровении.

Увидев сразу же, что это единственная фора, которую он может получить, Сенлин бросился бежать.

На самом деле ему было открыто только одно направление. Члены Клуба, собравшиеся посмотреть на танцовщиц бурлеска, перекрыли лестницу и образовали нечто вроде туннеля, протянувшегося от бара к балюстраде, за которой простиралось открытое пространство и порхали птицы.

Схватив нож для резки овощей с разделочной доски Йоахима, Сенлин побежал к поручням. Танцовщицы в масках пронзительно завизжали, когда он с трудом протиснулся между ними. Музыканты бросились врассыпную, схватив инструменты. Он зажал нож в зубах, достал носовой платок и на ходу обернул им руку. Оказавшись у перил, где когда-то намеревался прикончить герцога – упущенная возможность, о которой теперь можно было лишь с горечью сожалеть, – он схватил гирлянду из шелковых цветов и потянул. Гирлянда, которую обычно привязывали к штырькам бечевкой, отошла ровно настолько, чтобы можно было просунуть под нее нож. Сенлин подрезал гирлянду и, взяв свободный конец веревки в руку, обернутую носовым платком, ступил на плоскую балюстраду.

Он обернулся и увидел, что члены Клуба наступают и герцог стоит перед устрашающей стеной из сюртуков и напмаженных волос. Вил выглядел очень довольным. Он раскинул руки, удерживая соратников от попыток схватить незваного гостя. Казалось, ему было любопытно посмотреть, действительно ли Сенлин спрыгнет с балкона.

Сенлин посмотрел на глиняный пол арены далеко внизу. От высоты у него закружилась голова, и от головокружения он выронил нож для чистки овощей. Лезвие блеснуло, кувыркаясь, и приземлилось в маленьком облачке красной пыли.

Решив, что осторожность – враг мужества, Сенлин перевел дух и шагнул с перил.

Он спускался рывками, по мере того как освобождались все новые отрезки бечевки, которая удерживала гирлянду. С каждым обрывом его бросало в сторону, вдоль изгиба балкона. Вскоре он уже не столько падал, сколько болтался в воздухе. Гирлянда становилась длиннее, а спуск по спирали ускорялся, и он все сильнее устремлялся к переполненным трибунам, увлекаемый центробежной силой. Затем его хватка ослабла, и он рухнул в толпу посетителей.

Вместо того чтобы самому травмироваться при падении, Сенлин причинил боль куче людей, и ни один не был благодарен за полученные ушибы и синяки. Его приземление вызвало всплеск пива и взрыв ругательств. Он перелез через распростертые тела бедолаг, которые смягчили его падение, и спрыгнул на свободное место в нижнем ряду.

Пока он переступал с одного пустого места на другое, спускаясь с трибун скачками и большими шагами, толпа начала забрасывать его мусором. Он прыгнул в главный проход у основания трибун и побежал к туннелю-выходу. Какой-то мужчина выплеснул ему на волосы полную кружку пива. Град из арахиса барабанил по спине, когда он нырнул в туннель.

До сих пор, похоже, он опережал известие о своем разоблачении. Поэтому, когда охранники в туннеле накинулись на него за то, что он так безрассудно промчался через турникеты

и всполошил очередь входящих посетителей, Сенлин дернул себя за мокрый лацкан, ткнул в них значком Клуба – и охранники сразу его отпустили.

Когда он вырвался из туннеля в просторный вестибюль, то с ужасом обнаружил, что тот набит до отказа. Он попытался проложить себе дорогу, но даже выставленный напоказ значок не помог расчистить путь. Услышав крики, он обернулся и увидел, что герцог ведет вниз по лестнице группу членов Клуба. Сенлин нырнул за колонну, надеясь, что его не заметили.

Он вытащил из кармана диктофон Сфинкса и дрожащими пальцами сорвал табачный лист. Включил аппарат и торопливо заговорил в него:

– Меня обнаружили. Мне, наверное, конец. Это не имеет значения. Ты должна вытащить Марию. Пусть герцог тебя не обманет. Он не тот, кем кажется. Скажи Марии, что я люблю ее. Скажи, что я сожалею, что снова подвел ее.

Он повернул голову мотылька, и из медной грудной клетки выросли ноги. Крылья, выкрашенные в тот же голубой цвет, что и небо Пелфии, развернулись и осторожно взмахнули. Сенлин поднял гонца в тот самый миг, когда крики его преследователей приблизились.

Мотылек оторвался от ладони, подпрыгнул вверх, сначала неуверенно, а потом отыскал нужный ритм. Сенлин наблюдал, как штуковина поднимается, а его уже схватили за руки, за шею и плечи, потянули вниз. Он сопротивлялся весу, не давал себя прижать, наблюдая за полетом мотылька.

Черная молния устремилась вниз и схватила мотылька в полете.

Сенлин наблюдал, как сойка возвращается в гнездо с зажатым в клюве посланцем Сфинкса. Птица оторвала раскрашенные крылья и бросила медное тело в гнездо, где оно звякнуло и покатилося по небольшой куче пуговиц и безделушек.

Он закричал от отчаяния. Сила множества рук вынудила его опуститься на колени. Он сопротивлялся, пытался выкарабкаться на свободу. Кто-то натянул ему на голову мешок.

В темноте он услышал, как Вильгельм сказал:

– Эфир! Вырубите его. Вырубите!

В голове Сенлина пронеслась одна-единственная мысль: Вильгельм обвинит в этом ее. Он глубоко вздохнул и прокричал сквозь мешковину:

– Она не хотела иметь со мной ничего общего! Она смеялась надо мной! Она отказалась...

Чья-то рука вцепилась в шею, как щипцы для орехов, голову оттянули назад, упираясь коленом в позвоночник. Сквозь ткань вокруг носа и рта просочился щекочущий ноздри, резкий запах. Из-за испарений темнота внутри мешка запузырилась от света. Свет наполнил его голову, потек к конечностям и вниз к кончикам пальцев, стирая все ощущения. Черные, как зрачки, звезды проплыли в поле зрения, растекаясь по белому космосу. Плавающие созвездия становились все больше и ближе, заглушая свет. Чем ближе подходили черные звезды, тем сильнее отдалялось все прочее, пока он не перестал видеть что-либо за пределами пустой, зияющей темноты.

Чувства возвращались по одному и постепенно, как гости, прибывающие на вечеринку. Сенлин, в точности как это бывает с беспокойными хозяевами, обнаружил, что его тревога никак не ускоряет их прибытие.

Сначала вернулся слух. Он различил мужской голос, хотя было трудно уследить за смыслом слов, затем – влажный плеск чего-то, капающего на камень, и отдаленный звук шагов. Чувствительность рук пришла следом. Сначала ему показалось, что из них выкачали всю силу, но потом он ощутил холодные края кандалов и понял, что запястья скованы вместе. Когда возвратилось зрение, он обнаружил, что Колизей исчез. Сенлин лежал на боку на голом каменном полу. Лужица отражала оранжевый свет фонаря, который, похоже, был единственным источником света в помещении. Кирпичные стены выглядели сглаженными от старости или струй

воды. Все вокруг было мокрым. Запах напомнил ему колодец: холодный аромат мха и минералов.

Наконец Сенлин узнал голос Вильгельма, сел – неловко и мучительно – и увидел герцога, шагающего туда-сюда между двумя солдатами с обнаженными мечами в руках. В одной руке герцог держал пистолет, в другой – фонарь. Он размахивал светильником, декламируя драматичную речь, начало которой Сенлин не слышал.

– ...лающие гончие и лихорадочная погоня, а трава и деревья хлещут меня так же сильно, как я хлещу свою лошадь. Затем тишина овладевает мною до глубины души, и мои руки тверды как камень, и мои глаза ясны, как родниковая вода, и вспышка дула подобна восходу солнца. И всегда одно и то же: прежде чем зверь покорится, он сначала должен брыкаться и пинаться не на жизнь, на смерть. Конечно, это не имеет никакого значения. Олени, бизоны, антилопы гну, лоси – я их всех обескровил, освеживал, выпотрошил. Превращение зверя в трофей не так уж сильно отличается.

– Не так уж сильно отличается от чего? – спросил Сенлин. Его пересохшее горло, казалось, набили соломой.

Герцог остановился и внимательно осмотрел лицо пленника в колеблющемся свете:

– От превращения человека в хода.

Вил опустил на колени, поставил фонарь и направил дуло пистолета на нос Сенлина с безразличием, которое не отразилось на его лице. Его глаза светились садистским восторгом. Он наслаждался каждой гранью этого момента.

– Я лишил тебя всех твоих сил, надежд и богатства. Я с тебя шкуру содрал. – Он помахал стволом, указывая вниз. Сенлин обнаружил, что раздет до пояса и на нем нет ничего, кроме грубой набедренной повязки. Ботинки тоже исчезли. – А теперь я собираюсь тебя выпотрошить. – Не отводя взгляда от Сенлина, герцог бросил через плечо: – Убирайтесь. Закройте двери. Я постучу, когда вы мне понадобится.

Солдаты отдали честь и закрыли за собой железный люк. Он захлопнулся с оглушительным лязгом, который долго отдавался эхом. Сенлин повернулся, озираясь, и понял: то, что он принял за комнату, на самом деле было коридором, чей конец таял во мраке.

Сенлин проверил пределы своих цепей и обнаружил, что кандалы прикреплены к полу. От грохота герцог ухмыльнулся:

– Я знал, что ты слишком стар для нее, но думал, что окажешься по крайней мере красив. Как тебе удалось заманить в ловушку такое существо, как она? Наверное, в этом и заключается преимущество холостяка в маленькой деревушке. Не так уж много конкурентов. Ты бы хорошо поступил, Том, если бы вернулся и выбрал кого-нибудь поближе к собственному уровню. Старику вдову или послушную свинью. – Герцог снова встал, качая головой и прищелкивая языком. – То, что ты здесь, может означать только одно: ты глупо, безнадежно, опасно влюблен в мою жену.

Он шагнул назад, скрестив руки на груди и держа пистолет наготове.

– Ты хоть представляешь, сколько людей хотели бы сейчас оказаться на моем месте? Будь я комиссаром Паундом, еще час назад отпилил бы тебе башку и сделал бы из нее ночной горшок. Весь прошлый год ты бегал и пинал ногами каждое осиное гнездо, до какого мог дотянуться. Держу пари, что если я продам тебя на аукционе твоим врагам, то смогу сколотить небольшое состояние.

– Мария тут ни при чем...

Двумя быстрыми шагами герцог подскочил к Сенлину и ударил его сапогом в подбородок. Удар отбросил пленника в сторону, где он снова обнаружил предел своих цепей.

– Не смей произносить ее имя.

Сенлин сплюнул кровь на твердый каменный пол, в ушах зазвенело. Он сердито посмотрел на герцога, но ничего не сказал.

– Я все еще должен тебя выпотрошить, не так ли? – сказал Вил, и в его голосе снова зазвучала знакомая ирония. – У тебя, кажется, сложилось впечатление, что я каким-то образом стал тюремщиком Марии или что она здесь не по своей воле. Но это совсем не так. Видишь ли, очень рано у нас с ней сложилось взаимопонимание, взаимовыгодное соглашение, которое дало обоим то, чего мы больше всего хотели. У меня есть талантливая, красивая, послушная жена, которую все любят и которая очень скоро родит мне достаточно сыновей и дочерей, чтобы основать династию. А она может оставить себе твое маленькое отродье.

Сенлин поперхнулся:

– Что?

– Ты не знал? – сказал герцог с наигранным удивлением. – Честно говоря, я тоже сначала не знал. Если бы я заподозрил, что она беременна, то вряд ли позволил бы себе испытывать к ней такие теплые чувства. Но сердце – это кошка, оно делает то, что ему нравится. – Вил погрозил кулаком в сторону округлого потолка коридора.

Сенлин не заметил этот задумчивый жест, слишком занятый воспоминаниями о последней ночи, которую провел с Марией в поезде, идущем в Башню. Никогда бы он не подумал, что столь нежное воспоминание может обернуться таким отчаянием.

– Она попала ко мне в самом постыдном и откровенно опасном положении для брошенной женщины. Заманчиво сказать, что это и погубило ее, но я думаю, что перспектива появления на свет такого ярма заставила ее призадуматься. Стоит заметить, сначала она не горела желанием выходить за меня замуж, даже после того, как я привез ее сюда, показал дом, познакомил с друзьями и свободным образом жизни. Я думаю, она отказала мне из упрямства – ты же знаешь, какой своенравной она бывает, – а не из давних чувств к тебе. По правде говоря, я начинал немного разочаровываться в ней. Но потом твой маленький щенок объявил о себе, и перспектива того, что она останется без гроша и без друзей в Башне с младенцем, сделала мое предложение именно тем, чем оно и было: подарком.

Мария достаточно умна, она поняла, почему я не могу публично приветствовать незаконнорожденного ребенка и порченную женщину в своем доме, и поэтому согласилась скрыть беременность и спрятать ребенка, когда тот появится на свет. Я даже не могу выразить, сколько хлопот мне пришлось предпринять, чтобы эта твоя маленькая сучка не попала в газеты. Но я не лишен понимания иррациональных женских привязанностей и поэтому пообещал, что, как только она родит мне сына, мы притворимся, что обнаружили твоего ребенка брошенным на нашем пороге. И Мария станет «приемной» матерью для девочки, которую я буду считать своей. Ну почти.

Сенлин никогда в жизни не был в таком гневе. Но на фоне немедленного желания убить этого человека в нем вспыхнули гордость и любовь.

– А как ее зовут? – спросил он.

– Я расскажу тебе, но только потому, что знаю: это будет мучить тебя еще больше. Но сначала хочу подчеркнуть одну вещь, Том: если каким-то чудом ты избежишь Черной тропы и проберешься на свободу, если я или кто-нибудь из моих знакомых снова увидит твое лицо, я перережу ребенку горло.

– Как ее зовут?

– Оливет, – сказал Вил, поднимая руку к железной двери. – А теперь запомни: молчок. Если хочешь, чтобы они были в безопасности, будешь держать рот на замке.

Герцог постучал костяшками пальцев, и железная пластина завибрировала, по другую сторону сдвинулся тяжелый засов. Люк открылся, и солдаты вернулись с третьим человеком между ними. Лицо Тарру настолько обмякло, что могло сойти за посмертную маску. Сенлин попытался встретиться с ним взглядом, но бывший друг отвел глаза.

– Мы нашли это в твоем кармане, – сказал герцог, протягивая сложенную записку, которую они с Тарру передали друг другу. – Вот я и подумал, почему бы не послать тебя на Черную

тропу вместе с приятелем в качестве проводника. Уверен, он не станет винить тебя за то, что ты лишил его нормальной еды и теплой постели.

– Джон... – начал Сенлин, но осекся, когда герцог убрал пистолет в кобуру и взял что-то у своих людей.

Предмет был размером с урну, сделан из латуни и очертаниями напоминал пулю. В основании имелась крышка на зажимах, а в середине было просверлено несколько отверстий размером с глазок. Герцог покачал урну в руках.

– О, он такой тяжелый! – Вил поднял штукловину над головой и надел словно шлем, пусть без забрала или прорезей для глаз и рта. – Как я выгляжу? – спросил он, широко раскинув руки, приглушенным голосом. И снова снял «урну». – О, ужасно. Все равно что засунуть голову в гроб. Знаешь, их используют в Салоне, когда удаляют глаза. Кажется, они называют это клобуком³. Как-то избыточно. Я хочу сказать, к чему утруждать себя удалением глаз, когда можно замариновать голову целиком?

Герцог воздел цилиндр над Сенлином, который сознательно сдерживал непреодолимое желание бороться.

– Предлагаю поискать хорошую соломинку, потому что в эту дырочку для воздуха больше ничего не пролезет. Надеюсь, ты любишь бульон. – Вил глубоко вздохнул, наслаждаясь моментом. – Я хочу, чтобы мое лицо было последним, которое ты увидишь. А теперь прошу извинить – у меня свидание с женой. Прощай.

Герцог опустил клобук, и янтарный свет померк. Тяжесть легла на плечи Сенлина. Зажим стянулся на шее, и все звуки в помещении отступили под натиском его хриплого дыхания и шума крови в ушах. Сенлин больше ничего не слышал, и паника оказалась такой сильной, что он окаменел. Он смутно сознавал, что кандалы отстегнули от пола, а затем сняли с запястий. Смутно почувствовал, как его схватили под руки и подняли на ноги. Смутно ощутил порыв воздуха из закрывающегося люка, который ударил по коже на груди, как по барабану.

³ Клобук – колпачок, с помощью которого временно ослепляют ловчих птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.